

ЕКАТЕРИНА ГРАФФ
«ПИТЕРСКОЕ ЧУДОВИЩЕ»

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Один из Праведников пришел в Содом, решив спасти его обитателей от греха и наказания. Дни и ночи напролет он ходил по улицам и базарам, протестуя против алчности и воровства, лжи и безразличия. Сначала люди слушали его, иронично улыбаясь. Потом они перестали слушать; он больше не казался им даже забавным. Убийцы продолжали убивать, мудрецы хранили молчание, как будто среди них и не было Праведника.

Однажды ребенок, почувствовав сострадание к незадачливому учителю, приблизился к нему и сказал: «Бедный незнакомец, ты кричишь, ты надрываешься, но неужели ты не понимаешь, что все это напрасно?»

«Да, я понимаю», - ответил Праведник.

«Тогда, зачем ты продолжаешь?»

«Я скажу тебе, зачем. Сначала я думал, что смогу изменить человека. Теперь я понимаю, что не могу. И если я все еще кричу, если надрываюсь, то только для того, чтобы не дать человеку, в конце концов, изменить меня самого».

(Илья Визель, «Одно поколение»).

«Старый сон. Я очнулся от сна.
Помнишь: это было вчера,
я тебя целовал
и объятия твои были чад и дурман –
мы от дерева к дереву перепархивали с тобою, и я
все искал тебя.

Где ты?»

(Марк Шагал, «Столько лет»).

«Всегда в горе есть духовное возмездие и огромная выгода. Горе – бог посетил, вспомнил... ».

(Л.Н. Толстой, «Дневники», 29-е декабря, 1900-ый год).

Глава 1.

Юная девушка сидела перед зеркалом в убогой и сумрачной комнате. Она расчесывала свои длинные, темные волосы, уговаривая себя пойти на первое свидание с мужчиной, в которого не была влюблена. Не чувствуя ни возбуждения, ни радости от предстоящей встречи, она выглядела сосредоточенной и немного грустной.

Думаю, именно так выглядят молоденькие гейши, готовя себя к очередной встрече с важным клиентом. Они осознают свою привлекательность и ценность, как одухотворенного предмета искусства, шедевра даже, но, в то же время, им грустно, потому что жизнь не обняла их теплотой и любовью. Сосредоточенность и грусть являются отражением внутренней чистоты. Чистота эта, что свежесвыпавший снег на полях – по нему еще не пробежал зверь, не прошел охотник, его еще не потревожил ветер, не переворошила буря, не размыл дождь, смешав с бурой грязью. Гейша отдает свою притворную симпатию, получая взамен лишь восхищение, не больше. Влюбленность не тревожит снег ее души и, поэтому, не может нарушить состояния внутренней чистоты и порядка. Нет настоящих чувств, а, следовательно, нет ни смущения, ни путаницы, ни блеска в глазах, ни слез, ни радости. Худенькие, выхолненные гейши напоминают цветок на ветке сакуры – еще немного и его лепестки облетят. Их души не прикреплены к жизни естественными человеческими отношениями, они никогда не станут плодом. Их грусть не сиюминутная, не согретая надеждой, а постоянная, тихая, изнуряющая, как бесконечные осенние дожди, падающие на черепичные крыши домов.

Девушка чем-то напоминала гейшу. Она была грустна, бледна и худа, являясь, несомненно, произведением искусства. Ее карие раскосые глаза – широко расставлены, носик аккуратный и чуть вздернутый, мягкие губы – нетронуты и по-детски надуты обидой. Ее фарфоровое личико немного портит слишком большое расстояние между

темными дугами бровей, поскольку лоб между ними кажется плоским и пустым, придавая всему лицу выражение если не глупости, то явной простоты. Девушка не догадывалась об этом недостатке, иначе придумала бы хитрость, как придумываем сотни маленьких хитростей мы, женщины, желая избавиться от наших изъянов. Ей некому было подсказать, что неровная и не густая, но длинная челка могла бы скрыть недоуменное пустое пространство между бровями. Сама же она, по молодости и по безденежью, не была искушена в наших, женских, изобретательных придумках. Как жалко быть красивой, но не уметь быть красавицей!

Ее лицо сосредоточенно и, одновременно, растерянно, потому что она постоянно несчастлива. Нет, не в том смысле, когда на человека сваливаются несчастья и трудный период надо перестрадать и перетерпеть, а в том смысле, что она еще ни разу в жизни не была счастлива. Не испытав ничего хорошего, она не научилась верить в себя и, поэтому, постоянно была начеку, бесконечно обсуждая сама с собой незначительные детали своей жизни и случившиеся за день события. С болезненной чуткостью она замечала настроения других людей. Захламляя свое незрелое сознание страхом, она боялась, что цепь из монотонных, скучных и бедных дней никогда не прервется, но обовьется вокруг ее шеи и задушит ее.

Надо сказать, что выражение лица нашей героини было под стать убранству комнаты, где все было убого, серо и тоскливо. Две отдельные кровати, письменный стол и небольшой столик под прямоугольным куском тусклого зеркала были куплены по случаю, вразброс и давно. Многоэтажка, где девушка жила со своей матерью, была построена рядом с Финляндским вокзалом сразу после войны, в пятидесятых годах прошлого века. Проходившие мимо поезда производили страшный шум, гремя днем и ночью бесчисленным количеством колес по разболтанным рельсам. Чтобы не сойти с ума, девушка старалась считать вагоны, что было бесполезно. Она никогда не угадывала. Все гремело и смешивалось в ее темноволосой маленькой головке. Из-за постоянного сотрясения здание покрылось трещинами, уродливо расщепившими его цементное тело. Долгие, холодные и влажные петербургские зимы кусками отслоили штукатурку, поэтому стены выглядели как после артобстрела. Внутри дома, в той тоскливой комнате, где находилась девушка, трещины были спрятаны под дешевыми обоями.

Она подошла к окну. Вот если бы испортилась погода, да не так, как обычно в Петербурге, когда осенью все пасмурно и моросяще, а по-настоящему. Задул бы ветер, стал бы раскачивать верхушки деревьев, понеслись бы по небу грозовые тучи. Почернело бы все вокруг, полил бы холодный колючий дождь, оцетинились бы кусты на пустыре рядом с домом, и она никуда не пошла бы. Ненастье помогло бы ей избавиться от самопринуждения. Свидание, которое и так кажется бессмысленным, оказалось бы невозможным. Она забралась бы под одеяло, обязательно накрывшись с головой, спрятавшись в воображаемом инкубаторе от окружающего мира, от неприятных, но неизбежных сношений с людьми, от плохих предчувствий и мрачных настроений. Отрезав себя от мира, она бы затаилась и успокоилась. Там, под одеялом, жизнь бы ее не касалась. В этом внешнем, непрошеном мире, пока не нашлось ничего, чтобы заинтересовать, привлечь, согреть или обрадовать ее. Опыт прожитых лет, единственным достоянием которого стала долгая и монотонная несчастливость, смог вызвать к жизни исключительно неразвитые чувства и мысли, не сумев обрядить ее душу в одеяния, прикрыв ее наготу. Ощущая себя выставленной напоказ перед всем внешним миром, девушка стыдилась и сторонилась людей.

Нашей юной героине совсем недавно исполнилось восемнадцать. Звали ее Татьяной, а фамилия ей досталась сладко-оранжевая – Абрикосова. Отца Таня не помнила, он ушел, когда ей было лет пять, не больше. Ее воспитывала мать, работавшая библиотекарем в одном из институтов города. Зарплата была маленькой, едва хватало сводить концы с концами. Будучи студенткой Университета, Таня получала небольшую стипендию, без

остатка уходившую на дорогу туда и обратно, и на скучные перекусы в университетском буфете. Мать и дочь не бедствовали, но нуждались. Жизнь двух женщин протекала трудно, и, поэтому, неинтересно. Таня училась усердно, много читала, кушала мало и совсем не обращала внимания на свою внешность, одеваясь в нечто неопределенное серо-коричневых цветов. Ее невыразительность надежно отсекала ее от веселых молодежных компаний города-космополита. Ей было отказано в приеме в студенческое братство, потому что ее отношение к жизни не было беззаботным и жизнерадостным, как у ее бесшабашных сокурсников. Будто сглазил ее кто-то, поместив в польный шар несчастья. Люди не хотели подойти к ней, брезговали знакомством с ней. Таня Абрикосова была потерянной и не востребованной.

Сидя у зеркала, она подняла глаза, но вместо собственного отражения увидела калейдоскоп из множества лиц, событий и напечатанных строк. Прочитанные романы не давали ей покоя, выматывая ей душу. Она постоянно думала о судьбах вымышленных героев, добавляя в своем воображении несуществующие детали и фразы, развивая свои собственные версии событий, случившихся не с ней и не в ее жизни. Проглотив очередной роман, она становилась его героиней, действовавшей вопреки существующей фабуле романа. Несколько дней она жила в чужом образе, как в бреде. Эта способность ускользать от действительности помогала ей проживать дни, облегчая нерадостное бытие.

Как раз сейчас, она читала книгу, позаимствованную в университетской библиотеке о Светлейшем князе Потемкине. Та, великая для России эпоха, вставала перед ней и жила в ней, как когда-то она вставала перед внутренним взором Мельникова-Печерского, написавшего следующее: «... И люди 18 века встают передо мной, как образы какой-то знакомой, хоть и не прожитой жизни. Блеск протекшей эпохи ослепительно бьет в глаза... Все так величаво, так пышно, широко, обаятельно...»

Все ликовало в тот век!.. И как было не ликовать? То был век богатырей, век, когда юная Россия поборола двух королей-полководцев*, две первостепенные державы низвела на степень второклассных, а третью – поделила с соседями... Полтава, Берлин и Чесма, Миних в Турции, Суворов в Альпах, Орлов в Архипелаге и гениальный, неподражаемый, великолепный князь Тавриды, создающий новую Россию из ничего!.. Что за величавые образы, что за блеск, что за слава!..»

Не задумываясь над тем, что степень российской славы определялась, в том числе, и «третьей страной, поделенной с соседями», Татьяна уже несколько недель, была то Екатериной, то Потемкиным, меняясь сама с собой ролями. Роли эти были придуманы ею самой и состояли, в основном, из фраз, позаимствованных ею из их знаменитых записочек, *billets-doux*, которыми влюбленная пара обменивалась по нескольку раз на день, за неимением такого великого изобретения, как телефон. И вот сейчас, оторвавшись от созерцания тоскливой комнаты, забыв про черные кусты за окном, не видя своего лица, она увидела в зеркале лицо юноши...

Что ж, разрешим Татьяне немного пофантазировать и помечтать, а я пристроюсь рядом с ней на тот случай, если грезы увлекут мою героиню в ту даль, где нить повествования может быть ею утеряна. Вместе с ней я решилась на рискованный шаг – открыть роман не действием и не диалогом, а повествованием.

Итак, своим внутренним взором Таня увидела совсем юного Гришу Потемкина. Он – студент только что основанного Московского Университета, его привезли в Санкт-Петербург для того, чтобы представить, как одного из одиннадцати лучших студентов, императрице Елизавете. Вот он в доме у Шувалова, где знакомится с самим Ломоносовым, а вот он попал в «малый» двор, которым окружили себя Великий князь Петр и его жена Екатерина. Великая княжна еще совсем молода, она первая заговаривает с Григорием, но тот теряется, вместо слов что-то мычит в ответ, и та, разочарованная, отходит. У юного Потемкина пылают уши и щеки, он клянет себя на чем свет стоит, его сердце бьется в грудь, словно потревоженная птица в клетке. Он, кажется, влюбился...

Таня отворачивается от зеркала и вперяется в стену, заклеенную дешевыми обоями. А вот и продолжение: в Москву Григорий возвращается мрачный. Да, да! Это самое начало тех знаменитых мрачных настроений великого Потемкина, в будущем Светлейшего князя, которые будут мучить не столько его самого, сколько тех, кто его окружал. Желание перестать делать и очень часто, даже разговаривать, отсечь от себя внешний мир с людьми и событиями, не мыться, не одеваться, не причесываться. Тем не менее, для самого Светлейшего эти настроения, эта русская хандра, всегда заканчивались победно – великими планами, за время бездействия созревавшими в его гениальной голове. А пока, выход из любовной тоски был найден в чтении. В имении, у его дальних родственников, куда Григорий уезжает на лето, имеется прекрасная библиотека. Он не ест, не спит, с головой зарывается в книги, забывает о беге времени, читает, запоминает, удивляется, старается понять и постепенно учится мыслить.

Забыв о беге времени, Потемкин забывает и об Университете, откуда его отчисляют за «нехождение в классы». Куда податься? В гвардию, конечно. Благо, что еще в возрасте шестнадцати лет, как было принято тогда в дворянских семьях, его зачислили рейтаром в Конную гвардию. Ехать в полк, а денег нет ни на лошадей, ни на амуницию. Пошел к митрополиту Амвросию, своему старому знакомцу, в чьем монастыре он осилил эллинские тексты, просить 100 рублей, а тот дал ему 500, сказав при этом, что «деньги – вздор, а люди – все». Так Потемкин снова оказывается в Санкт-Петербурге, где очень скоро он попадет в круговорот совсем не шуточных событий, которые, тем не менее, поспособствуют его второй встрече с Екатериной.

Молодой Потемкин служит в гвардии, он – среди заговорщиков. Вот уже настал 1762-ой год, уже случился дворцовый переворот, уже низложен Петр и Екатерина провозглашена императрицей. Еще вчера она вся на нервах ждала вестей в Петергофе, а сегодня, гарцуя на великолепном Бриллианте, принимает парад на площади у Зимнего дворца. И вдруг Потемкин, салютующий ей среди гвардейцев на площади, замечает, что на ее шпаге нет подходящего узла. Знаете, бывают такие моменты, когда тебя будто толкает чья-то рука: «Действуй! Сейчас или никогда!» Он срывается с места и через всю площадь скачет к ней, чтобы предложить свою шпагу. Июньское утро солнечными бликами играет на лице молодой и счастливой Екатерины. Он приближается, протягивает ей свою шпагу и ... императрица принимает ее! Григорий смотрит на нее, не отрываясь, и еще не определившийся вихрь чувств стремительно проносится между ними, оставив воспоминания о темных глазах гвардейца, полных задора, страсти и нескрываемого обожания. А у Григория, уже давно влюбленного в Екатерину, ох, как заносит сердце от удалого вида молодой царицы, гарцующей в гвардейском мундире и с распущенными волосами на великолепном коне, от того могущества и власти, которыми обладает теперь эта отважная и, судя по всему, далеко не глупая женщина! После этого отъезжать и возвращаться на свое место, Потемкину, конечно, не хотелось. И, все же, заставив себя, Григорий возвратился в строй. А Екатерина, после того, как отгремели торжества, благодарная за верность, не забыла вписать его имя в наградной список тех, кто помог ей взойти на трон. Имя Потемкина было в самом конце – ему перепало 10 тыс. рублей, но и это было большим подарком для того, кто был в долгах, как в шелках. Ведь в столице Потемкин вел тот образ жизни, который при всех политических раскладах и во все времена вела «золотая» молодежь.

А, между тем, Татьяне уже давно пора начать одеваться и немного поспешить, чтобы вовремя поспеть на свидание, что назначено ей в Летнем Саду. Но разве можно оторваться от этих картинок наяву, что пробегают в ее воображении?

И вот, настал тот день, когда смелого юношу с горящими страстью карими глазами, стали приглашать ко двору. К счастью, молодой Потемкин был не только необыкновенно музыкально и пиитически одарен, но и обладал прекрасными актерскими способностями. Ему удавалось очень точно пародировать людей и копировать животных, представляя

переполох на птичьем дворе или драку кошки с собакой. Нет, не может быть, погодите, такое даже представить себе невозможно, – на первом же вечере у Екатерины он набрался наглости и спародировал ее саму, великую императрицу! Говорят, она смеялась до слез. Могло, конечно, обернуться и по-другому, но шутка была принята и окончилась взаимной симпатией. Екатерину буквально заворожили его многочисленные таланты, его остроумие, очень живое воображение и неумная энергия. К тому же, видя, что Потемкин без ума влюблен, она решила поощрить молодого и пылкого ухажера, однако сделала это по-своему. Понимая, что банальное женское кокетство скорее всего оттолкнет такого, как Потемкин, она очаровывала его простотой обхождения, многосторонностью своих интересов, обилием идей, а, главное своей способностью выражать свои мысли ясно и просто, другими словами – по-мужски.

А потом произошел случай, подсобивший ее симпатии к Григорию Потемкину перерасти в нечто большее. Однажды Екатерина со свитой отправилась на охоту. Неожиданно вся компания оказались рядом с заболоченным озерком, где расцвели кувшинки. Залюбовавшись цветами, Екатерина придержала коня, а потом и вовсе остановилась. Она подумала о том, что красота природы – единственная могучая сила, перед которой все трагедии и триумфы ничто не значат. Сегодняшняя трагедия завтра превратится в триумф, и наоборот, красота же, созданная Богом, непреходяща. А посему, стоит ли сдерживать свое восхищение мастерством Создателя? Выразить свой восторг перед его творением все равно, что лишний раз помолиться Ему. Екатерина стала громко восторгаться белыми лилиями. Восторг ее, скорее всего, был искренним, без всякой задней мысли о том, чтобы кто-то подарил ей букет из озерных белых кувшинок, тем более, что все кавалеры из ее свиты, в том числе и ее тогдашний фаворит Григорий Орлов, даже не слушали ее. Но вдруг с коня сорвался – кто бы вы думали? – ну, конечно, Потемкин! Залезши по самый пояс в грязь и жижу, он нарвал огромный букет кувшинок и преподнес его Екатерине. О, она была ему благодарна, она не только одарила своего героя самой нежной улыбкой, но и объявила во всеуслышание, что для нее эти цветы дороже всяких бриллиантов. У Орлова вытянулось лицо – это был камешек в его огороде: только вчера он подарил своей Като бриллиантовое украшение.

Ах, Танечка, тебе не хочется идти на свидание с тем, в кого ты не влюблена! Ты вздыхаешь, мечтая именно о такой любви – романтической и страстной. Зачем она тебе нужна? Поначалу такая любовь требует недожинного воображения, усилий, терпения и даже жертв, потом, если бог даст, она превращается в страсть но, увы, очень быстро проходит. Ты еще очень юна, чтобы это знать. У такой любви нет фундамента, а только прекрасные формы. Стоит этим формам пошатнуться, и все здание рушится в одночасье. Дело в том, что пылкая страсть рождает только страсть, она не может породить любви. Существовая параллельно, бывает, что любовь и страсть ненадолго сливаются, однако потом, когда приходит им время разъединиться, остается только любовь или вовсе ничего не остается. Страсть сгорает, а дым от «чада и дурмана» быстро улечучивается.

Что случилось потом? Алексей и Григорий Орловы жестоко избили Потемкина. Только когда поняли, что их жертва скорей всего не выживет, бить перестали. Неумелое лечение и долгое выздоровление отняло много сил. Григорий Александрович перестал бывать при дворе, замкнулся, надулся и уединился. Его приглашали ко двору, Екатерина заставила Григория Орлова извиниться, но Потемкин ко двору не вернулся. Он уехал в армию, ведущую боевые действия против Турции. Попав под командование Румянцева, он делая блестящую военную карьеру, не раз и не два опустошая со своим конным отрядом турецкий тыл, не раз и не два рискуя своей жизнью. Много раз турки грозили смертью «кривому русскому». Слава приходила к Григорию Александровичу из нужного направления – с полей, на которых сражались, а отнюдь не из того затхлого места с мышинной возней, которое называлось «двором».

И вот, 4 декабря 1773-го года Екатерина отправила Потемкину письмо, в котором были следующие строки: «... Так как со своей стороны, я беспокоена тем, чтобы сохранить своих усердных, храбрых и умелых подданных, я умоляю вас не подвергать себя излишней опасности. После того, как вы прочтете это письмо, вы, вероятно, спросите себя, для чего оно написано? На это я отвечу: для того, чтобы подтвердить вам, что думаю я о вас хорошо, и остаюсь всегда желающей вам добра, Екатериной». Потемкин недолго мучился над разгадкой истинного смысла этого письма. Он расшифровал его как *Приглашение к Вальсу*.

На этом нам надо бы прерваться. Тане уже точно пора надевать свое жиденькое пальто с отвисшими карманами и идти на свидание. Впрочем, она снова медлит. Есть ли у нас еще время? Нет, но ведь на свидания всегда опаздывают. Так что же было дальше?

Приглашение к вальсу состоялось, однако опять нашим героям не суждено было соединить свои любящие сердца. Зимой 1774-го года, Потемкин окончательно покидает армию и возвращается в Петербург. Он узнает, что с Орловым покончено, но, Екатерина завела другого фаворита, навязанного ей графом Паниным, шантажировавшим императрицу тем, что приведет на трон ее уже совершеннолетнего сына. Екатерина осторожничала, а Потемкин устал ждать. Решив переменить тактику, он ушел в монастырь. Все знали о его искренней набожности, поэтому Екатерина вполне допускала, что отложи она их встречу, после которой уже не будет расставания снова, она потеряет Потемкина навсегда. Именно поэтому она отправила в монастырь свое доверенное лицо, графиню Прасковью Брюс с посланием к Потемкину о том, что если он вернется ко двору, ему будет обеспечена ее благосклонность. Потемкин прекрасно понял, о чем идет речь. Тот факт, что Екатерина послала именно Брюс, говорил сам за себя – в отношении него у императрицы самые серьезные намерения. Григорий Александрович разрешил себя уговорить и 27 февраля 1774-го года он сбрил бороду и покинул монастырь.

Через несколько дней, Потемкину было пожаловано звание генерал-адъютанта. В марте того же года Васильчиков был отпущен с богом, почестями и приличной суммой денег. Меньше, чем через месяц, в апреле, Потемкин заселился в официальные, отведенные для фаворитов апартаменты. Находясь этажом ниже, сразу же под покоем императрицы, комнаты Потемкина соединялись с покоями Екатерины винтовой лестницей, высланной по примеру Версаля, зеленым ковром. Разница только в том, что на версальском ковре приглушенно отзывалась тяжелая поступь Людовика XV, направляющегося к мадам дю Барри, а на этом ковре будут отзываться нетерпеливые шаги Потемкина. Пока декораторы отделявали будущее жилье для Григория Александровича, его приютил сенатор Елагин, близкий друг Екатерины и уже 10 апреля мадам Зиверс писала следующее своему мужу: «Комнаты нового генерал-адъютанта готовы и он уже переехал; говорят, его покои великолепны».

В то время, когда Потемкин стал любовником Екатерины, ей исполнилось сорок четыре года, он был на десять лет моложе. Несколько месяцев спустя, к концу 1774-го года, Екатерина и Потемкин обвенчались.

Моей Татьяне грезился зимний день, к церкви подъезжает карета, у лошадей валит пар из ноздрей. Из кареты выходит нетерпеливая в своем счастье императрица, она оглядывается и радостно улыбается той единственной, которой доверила тайну своего венчания и которая теперь сопровождает ее – Марии Савишне Перекусихиной*. Обе спешат в церковь, под ногами скрипит снег, распахивается тяжелая дверь и в лицо ударяет теплым запахом воска, глаза не сразу свыкаются с полумраком, в котором ярко сияет лишь пламя свечей. Лиц не разобрать, фигуры мужчин растворяет церковный сумрак. Императрица входит, осматривается, священник спешит ей навстречу, но его кто-то обгоняет, оказывается это влюбленный и нетерпеливый Григорий Потемкин, генерал-адъютант, который сегодня, сейчас, будет назван мужем великой Екатерины. Он склоняется над ее рукой, она смотрит поверх его головы на иконы, ее глаза сияют.

Самодержлица воздает хвалу Создателю и Вершителю, восседающему на небесном престоле. Господь помог ей обрести того, кого она ждала и любила – своего раба и своего повелителя.

Абрикосова, поддавшись магии этого романа, вздохнула. Она обижалась на свою судьбу. Ей казалось несправедливым, что в реальной жизни ей уготована судьба серенькой мышki, хотя она могла бы стать героиней. Татьяна боялась, что, едва начавшись, все в ее жизни уже закончилось. Кажется, именно поэтому в ее глазах утренней холодной дымкой лежала непреходящая, тихая и тревожная печаль. Оттолкнуть от себя эти грустные мысли у нее не было силенок, они окружали ее как частокол из толстых и высоких бревен. Она не могла заглянуть за этот частокол в тот мир, где умные и энергичные женщины, сражаясь с предначертанным, кроили свои жизни по своему усмотрению.

Ну, вот, она, наконец, напялила свое бесформенное коричневое пальто и вышла из дому. Теперь она трясется в поезде метро. Из-за своей худобы, в возрасте восемнадцати лет, она выглядит, скорее, как подросток, а не девушка. Разочарование, спрятанное в ее глазах, а также простота, приютившаяся в разлете темных бровей, делают ее лицо невыразительным и неживым, почти кукольным, поэтому люди не обращают на нее внимания. Она одна из тех молодых женщин, чья судьба может преобразиться только чудом, одна из тех, кто никогда не приложит усилий, чтобы изменить свою жизнь, пусть даже и для собственного блага. Такие женщины обречены, и только некоторым из них суждено выбраться за начертанный вокруг них круг обыденности. В этом им может помочь Бог или счастливая случайность, что, в общем-то, одно и то же.

Эти невероятные возможности – и господнее участие, и счастливый случай, соединяются, при наилучшем раскладе, в одном: в мужчине, который мог бы заинтересоваться такой вот серенькой мышкой. В том, кто смог бы угадать и рассмотреть под фарфоровым, кукольным личиком одухотворенную и, возможно, страстную натуру. Но тогда, у такого знатока должен быть опыт в подобных делах, да и не только опыт, но и терпение в придачу. Я думаю, наш герой должен быть своего рода коллекционером, чей натренированный взгляд способен проникать в сокрытую суть предметов, непознанных явлений и, на первый взгляд, ничем не примечательных особ женского пола.

ГЛАВА 2.

Мужчина преподавал в Петербургском Государственном Университете, в котором училась и наша Татьяна. Он был профессором на факультете русской филологии, преподавателем русской литературы. Ему было лет сорок шесть, а то и больше. Роста он был высокого, сильно сутулился, его слишком длинные, костистые руки и ноги не всегда двигались гармонично и скоординировано. Его лицо также не было красивым. Выдающийся вперед, квадратный подбородок, высокий, перерезанный морщинами, лоб, мясистые, резко очерченные губы, скорее отталкивали, чем привлекали. Большая голова была неправильной формы. Густые, мягкие, уже с проседью волосы падали на лоб и закрывали уши. Отталкивающий тип, не правда ли? Не спешите. Его глаза, да, именно, его темно-серые, глубокие и выразительные глаза источали такой ум и такую силу, что взгляд его тут же покорял, а особ не сильных характером и духом, заставлял раболепствовать. У женщин, в глаза которых он погружал свой взгляд, замирало сердце. Не понимая причину его влияния, но, желая находиться под этим влиянием как можно дольше, легкомысленные особи слабого пола сознательно приносили себя в жертву. Причина была проста. Подпадая под магию его взгляда, они тут же начинали видеть мужчину в другом свете. Тот вдруг преображался в красавца. Развитый интеллект незаурядного ученого и жителя столицы завершал метаморфозу.

Он всегда был прекрасно, но свободно одет, носил с собой кожаный, дорогой, немного потрепанный портфель и большой, собранный в трость, зонт. Проживал он в удобной квартире в одном из старых, отреставрированных домов по улице Декабристов. От его дома было рукой подать до Мариинского театра. Он бывал там часто, почти на всех постановках. Не стоит говорить о том, что он был страстным поклонником труппы, особенно, ее женской половины.

Наш герой был отчаянным сердцеедом. Простенькие женщины, ожидая его милостей, такие милости от него получали, но только во время так называемых «пустых периодов». Он спал с простушками тогда, когда не коллекционировал, тогда, когда ему не попадался стоящий экземпляр, то есть, во время скуки и ожидания. Женщины бросались на него, как кошки, теща себя иллюзией, что переспали с его выдающимся умом, который в очередной раз преобразил его в красавца-сердцееда. Интрижка с ним была для них лестна, мужчина был моден в определенных кругах Петербурга, и, поэтому, они удовлетворялись непродолжительной, но такой сложной и высоко одухотворенной, на их взгляд, связью. Для одних эта связь была желанна из-за того, что была не то богемной, не то по-другому возбуждающей: она щекотала их самолюбие, являясь очередной победой. Для других, более практичных и амбициозных, но менее изысканных, эта связь была если не поводом, то надеждой пролезть в то общество, где вращался мужчина. А общество это было сливками Петербурга – интеллектуальным, светским и весьма денежным. Они, женщины второй категории, в своих расчетах ошибались. Ожидали они напрасно. Мужчина почти никогда не выводил их дальше своей спальни и никому не представлял. Но даже, если он и появлялся с ними на вечеринках, он ту же бросал их, разрешая толпе своими женщинами восхищаться, пользоваться ими или не замечать их. Не для них он превратил свое уродство в пикантную приправу к собственному уму. Нет, не для них, а для настоящих гурманок, в угоду которым он постоянно тренировал свой ум, как другие тренируют тело.

Тот, о ком я пишу, коллекционировал умных, восхитительно чувственных и немного извращенных женщин. Они становились объектами его недолгой любви, только лишь потому, что могли принять вызов, брошенный им. Эти женщины могли отвечать на его шутки, не боялись подхватывать и развивать его мысли, не краснели и не стыдились яростной любви в постели. Они были ему под стать. Впрочем, мужчина не особенно носился даже с ними, никогда не отказывая себе в демонстрации собственных настроений, которые менялись довольно часто. Он то становился резким, черствым, раздражительным, то циничным и насмешливым, а то уж совсем мрачным, гневливым и несловоохотливым. Настоящее чудовище, не признававшее женщин за достойный объект поклонения. Ради них не стоило менять себя или отказывать себе в настроениях, напротив, этих строптивых кошечек стоило подразнить и помучить! Мужчина прекрасно знал одно правило: если он будет непредсказуем с женщиной, он станет ее хозяином. Непредсказуемость пугает, выбивая у женщин почву из-под ног. Точно так же учат молодых псов ходить без поводка у ноги хозяина. Пес знает, что хозяин идет рядом, и позволяет себе немного отбежать в сторону. Вдруг, оглянувшись так, между прочим, для порядка, хозяина он не находит. Тот спрятался и ждет. Пес мечется, ищет, начинает скулить, пугается, думает, что его бросили. Вот тут-то хозяин выходит из своего укрытия и все опять счастливы. Но пес свой урок уже выучил: лучше от хозяина не отходить ни на шаг и во всем ему повиноваться. Точно так же мужчина поступал и с женщинами. Он заставлял их слушаться, награждая за послушание редкими, но незабываемыми ласками.

Его эгоизм процветал и был девственно-нетронутым. Проходило не более двух месяцев, и объект любви ему надоедал. Когда это случалось, надоевшая, но обученная женщина переставала существовать для профессора, превращаясь для него в collection item – не одухотворенную вещь, статуэтку, которой он любовался, но уже издали, храня воспоминания, связанные с этим предметом. Кажется, все случилось оттого, что мужчина отказывал женщинам в искренности. Ему было невдомек, что за куражом, бравурным

бесстрашием, неким извращением скрывается желание понравиться ему, а еще глубже, за поверхностным желанием нравиться, прячется трепетная, боязливая, чувствительная, наивная, жаждущая любви навеки, женская душа.

Еще одной, помимо ума, замечательной принадлежностью мужчины был его голос – глубокий и волнующий баритон. Божьим даром, своим невероятно красивым голосом он выговаривал кроме русских, английские, французские и итальянские слова. Этими тремя языками он владел свободно, немного хуже он знал немецкий. Мужчина занимался любовью, шепча непонятные для женщин слова на всех знакомых ему иностранных языках, потому что знал – женщину ничто так не возбуждает как тайна, то есть то, чего она не знает или не понимает. Признаемся честно, те мужчины, которым удалось убедить нас, женщин, в том, что они обладают некой тайной, привязывают нас к себе накрепко и надолго, легко манипулируя нами при этом. Мы страшно возбуждаемся, когда не понимаем, чем они занимаются, что они знают, и что скрывается в их прошлом. Мы мечтаем о том, что станем той единственной, которой удастся расшифровать загадку их нрава, их прошлого бытия и их будущих желаний. Нам нечего себя винить в глупости, нам просто хочется, чтобы мужчина, которого мы любим, знал или пережил хоть что-нибудь, чего не знаем и не пережили мы. Другими словами, если бы не был, то, по меньшей мере, казался бы умней и опытней.

Тут вы, вероятно, спросите – но, позвольте, разве может себялюбец и эгоист в отношении с женщинами быть, в то же время, порядочным человеком? Может. Очень часто, такие основополагающие качества, как порядочность, верность и доброта, существуют в мужском неопознанном менталитете отдельно и совершенно независимо от набора чувств и эмоций, которые он демонстрирует, когда на его пути встречается женщина.

Мы легко даем людям характеристики: этот – умный, тот – дурак, этот – злой, а тот – добрый, еще кто-то порядочный, а вот этот – лгун. Человек редко остается одинаковым. В молодости был непорядочным, был лгуном, а потом переменялся, стал порядочным. Даже дурак, при удачном стечении обстоятельств и некой толики прилежания, может превратиться в усредненного умного. А то и попеременно бывает, то злодей, то ангел, то идиот, то мудрец. Часто идиоты оказываются мудрецами. Человеческая личность, накрепко связанная с течением времени, постоянно изменяется. Кто-то из писателей сказал о своем герое великолепную фразу: «Он был не персонажем, а личностью – он менялся». Из слов, находящихся в моем обиходе, я не сложу более удачной фразы, поэтому присоединюсь: мой герой был именно личностью, потому что всегда менялся. Перебирая женщин, он мечтал о той, ради которой он мог бы преступить свой эгоизм, растворившись в той, что превзошла бы его во всем, которой было бы под силу завладеть его вниманием надолго и не находил ее, или, правильнее сказать, перебирая и мечтая, все же не искал. Не искал потому, что мечтал не то о царице, не то об ангеле, одним словом, о той, которая возвысила бы его над прежними его грехами и простила бы их. Он также хотел из любовника превратиться в мужа. Да, да, именно так, он мечтал о жене, о детях, о собственной семье.

Героя моего рассказа, личность, а не персонаж, - помните? - зовут Аркадий Стасов. В кругах, где вращался Стасов, его в шутку нарекли «Питерским Чудовищем». Это прозвище было дано ему не просто женщинами, а теми женщинами, которые знали его и могли оценить как любовника. Он был великолепным, страстным, нежным и одновременно безжалостным любовником. Мужчина видит в женщине если не врага, с которым поневоле надо идти в разведку длиною в целую жизнь, то некое загадочное существо, которое бросает ему вызов. С вызовом можно справиться двояко: открыто и доброжелательно, именно так обычно ведут себя воспитанные иностранцы в незнакомой стране, или агрессивно и заносчиво, пытаясь на захваченной территории установить свой порядок. Мужчин всегда тянет подавлять и властвовать, даже цветы, духи и ужины в

начале знакомства, служат той же цели – нас уговаривают, так или иначе, подчиниться. Когда мы таем в их объятиях, мы признаем их победу. Ничего не поделаешь, женщина устроена настолько загадочно, что способна испытывать истинное счастье от собственного поражения. Она, бедняжка, как правило, душевно щедрое существо и думает, что ее уступчивость осчастливит и мужчину. Ничуть не бывало! Мужчина счастлив не оттого, что держит в руках именно вас, поверженную пленницу, которую он добивался, а оттого, что победил. Он счастлив собственной победой, поэтому не обольщайтесь – на вашем месте могла бы быть любая другая. Его влюбленность совсем не про вас, а про него самого: еще один раз он потешил свой эгоизм и удостоверился в том, что способен одерживать победы. Потом он делает, что хочет, вернее то, что подсказывает ему его натура, или, лучше сказать, его эгоизм и его воспитание, если таковое имеется. Да, именно так.

Раз уж мы повели разговор о «Питерском Чудовище», не мешало бы упомянуть и других известных нам любовников, которые собирательно делятся на два типа: «казанов» и «дон жуанов». Казанова – покладистый и увлекающийся, сегодня бы мы, женщины, сказали, что с таким неплохо поразвлекся. Дон Жуан – коварный и жестокий, с таким не до шуток, когда он уходит, пустота заполняется тоской и мыслями о самоубийстве. Для Казановы факт прелюбодеяния – обоюдоострая или, вернее, обоюдосладостная вещь, он получает удовольствие сам и никогда не забывает доставить удовольствие своей избраннице. Дон Жуан, напротив, балует только собственное себялюбие, соблазняя и бросая женщин без жалости и сострадания к ним. Но почему-то женщины никогда не вспоминают о Потемкине. А, между тем, Григорий Александрович был великим любовником, гораздо одухотвореннее и значимее двух, упомянутых выше, пылких южан. Только не ждите, что я напишу: он был постоянен. Любовники постоянными не бывают, на то они и любовники, а не мужья. Хотя, мужья, тоже, ни в какие времена верностью не отличались. Оговоримся здесь, что между мужем и женой нету тайны, которая делает настолько привлекательной связь между любовниками. Мало того, что любовники загодя и тщательно готовятся к свиданию друг с другом, они не обременяют друг друга бытом, проблемами и своим прошлым. Им нужно друг от друга только одного – любви, на то они и любовники.

Итак, наш русский любовник, Григорий Александрович Потемкин, был не красив и одноглаз, но силен и щедр. Он соблазнял женщин не постоянной готовностью им услужить в постели, он не терзал их душу коварной жестокостью, он соблазнял их своей фантазией, а, также, широтой души и жестов. Он покорял женщин, балуя их своей пылкой страстью, своим вниманием и драгоценными побрякушками, то есть отнюдь не простыми подарками. Жаль, что его слава не распространилась. Упомянутым выше южанам было далеко до Потемкина, размах был не тот, да и возможностей его у них не было. Соблазнять-то соблазняли, а душу женскую и тщеславие женское побаловать было нечем. Душе нужны чувства, тщеславию нужно баловство, а вывод один: в женской душе все перемешано, и одно совсем не исключает другое.

Кроме того, каждая женщина желает видеть в своем мужчине победителя. Потемкин был победителем во всем, за что ни брался. У него одинаково хорошо получалось выигрывать сражения, устраивать пирушки и незабываемые праздники, строить города, писать стихи и любить женщин. Ну, и последнее: Потемкин знал и пользовался одним магическим правилом, которое, если хочешь не только покорить, но и завоевать женщину навсегда, действует беспроигрышно. Так вот, говорят, что для обыкновенного любовника обладание женщиной означает конец романтического периода, в то время, как для великого любовника обладание означает только начало. Потемкин был одноглаз, а с годами стал тучен, но был всегда терпелив с теми, кого любил. Обладая, он продолжал любить и баловать. Как мы уже сказали, Григорий Александрович был великим любовником. Расскажу тем, кто не знает, и напому тем, кто позабыл.

Во время второй русско-турецкой войны, Потемкин стоял лагерем под Очаковым. Крепость осаждали больше года, Потемкин выжидал, стараясь, во что бы то ни стало, избежать ненужного кровопролития. Томясь в ожидании, Александр Григорьевич, между приступами меланхолии, любил. Любил восторженно, невероятно страстно и, одновременно, очень галантно. Приведу здесь лишь одно послание к одной из его возлюбленных: «Рисовал я тебе узоры, нашивал на них бриллианты, я весь полон тобою, жалею, что, вспотевши, вчера ты уехала... Явись снова, прелесть моя воздушная: белое платье покроет твой стан, ты опояшешь себя поясом лиловым, грудь чтобы открытая, а волосы без пудры, распущенные, сорочка у груди схватится большим яхонтом. Буду целовать ручки и ножки, а ты забудешь сама себя – я для тебя, красавицы, всем миром стану...». Его прекрасные дамы тоже не оставались в долгу. Вот, что писала по-французски ему одна из них: «Как ты провел ночь, дорогой? Надеюсь, что для тебя, она была более спокойной, чем для меня; я не могла сомкнуть глаз... только мысли о тебе придадут мне сил. До свидания, мой ангел, нет времени сказать тебе больше, до свидания, должна покинуть тебя – вот-вот вернется мой муж». Другая знатная дама писала: «Мой милый, как я сержусь, что вижу тебя только издалека... скажи, хотя бы, что любишь меня. Когда ты снова будешь со мной? Приедь, пожалуйста. Каждую минуту хочу быть с тобой. Хочу тебя целовать и любить». И еще одно коротенькое письмецо: «Люблю тебя до сумасшествия; давай поцелую тебя миллион раз прежде, чем ты уедешь в свое путешествие... целую тебя тридцать миллионов раз с нежностью, которая с каждым мгновением растет».

Светлейшего князя окружал гарем самых красивых и знатных женщин России. Супружеская верность, незапятнанная репутация и мораль никогда не были в почете в высшем свете, а, тем более, в эксцентрический век Просвещения. Поневоле напрашивается сравнение с нашей эпохой: та же вседозволенность, только без романтики и размаха – в начале двадцать первого века любви на удивление мало, а секс выглядит банально или примитивно жестоко. Итак, вокруг Потемкина образовался гарем из женщин, мужья которых, обычно в чинах генералов, состояли в подчинении у Потемкина. Представьте себе, о Светлейшем судачили, его осуждали! Говорили о его связи с великолепной княгиней Екатериной Долгоруковой, чей муж служил под началом Потемкина, и с обворожительной Прасковьей – женой родственника Потемкина – Павла, и с дюжиной других, в то время, как все уже забыли, во всяком случае, никто открыто не порицал его связь с его же пятью племянницами. Да, и такое было! Мать девочек была несколько удручена извращенной привязанностью своего брата, но дядюшка любил своих племянниц трогательно, нежно и опять-таки, щедро. Да и сами племянницы е возражали.

Щедрость Потемкина не знала грани. Однажды ему понравилась некая придворная дама и ему захотелось подарить ей необыкновенной красоты восточную шаль. Этого нельзя было сделать открыто, иначе можно было скомпрометировать даму. По вечерам, за плотно задернутыми, затканными золотом шторами, можно себе позволить что угодно, а на людях хоть какие-то приличия должны быть соблюдены. Его изобретательный ум выдумал лотерею, в которой каждый билет был выигрышным, так что все дамы стали обладательницами великолепных шалей, правда, не таких роскошных, как его избранница. В другой раз, после изобильного ужина, по рукам пошли хрустальные чаши, до краев наполненные бриллиантами. Потемкин предложил прекрасным дамам выбрать любой, приглянувшийся им, камешек. А вот еще пример. Когда у одной гостьи отломался каблук у туфельки, Григорий Александрович тут же отправил гонца в Париж, дабы привезти новую пару из Франции.

Что говорить, женщины любили Потемкина. Его боготворила сама Екатерина, осмелившаяся наперекор всему выйти за него замуж. Двенадцать лет влюбленный

Потемкин добивался ее, два года был с нею, отдавая дань взаимной любви, а потом ушел любить других. Потемкин не был мужем, он был любовником.

Аркадий Стасов узнавал в Потемкине себя, ему казалось, что общее кроется в одной на двоих душе – свободной, раскованной, ленивой и чувственной, в душе, желавшей роскошествовать, в душе, где была сокрыта чувствительность, сентиментальность и трогательная, глупая преданность. Было то же сердце – любящее, доброе, капризное. Был ум – любознательный, независимый, подвергающий сомнениям великие истины. Была страсть... Да. Именно страсть. Описание моего героя навело меня на мысли о неудержимо страстных личностях, таких, как Потемкин. Такие личности имеют нечто общее: они страстны во всем. Нельзя же, право, быть страстным в одном и абсолютно бесстрастным в другом. Стасов находил личность Потемкина настолько притягательной, что хотел подражать ему во всем. Однако как же подражать, если нет бриллиантов с большой палец величиной, если нет армии, перед которой можно появиться на белом коне, нет турецких войн, которые можно довести до победного конца, нет и пяти племянниц, которых можно любить всех разом? Что, если нет несметного богатства, которое можно, не считая, все до копейки, ухнуть на показательную поездку в Южные провинции, специально организованную для императрицы, двора и иностранных дипломатов во славу великой России или закатить пить горой, то есть вечеринку на три тысячи гостей, на этот раз уже во славу самого себя? Да и где те великие женщины, любя которых, можно было творить историю?

Глава 3.

Судьба свела Татьяну и Аркадия в кондитерской, что недалеко от Университета. Встреча была случайной, оба рассматривали выставленные в витринах подносы с пирожными, тортами и горячими пирогами. Эти покатые витрины всегда напоминали Аркадию прозрачный череп, внутри которого вместо мозгов, находилась мучная выпечка. Оба были завсегдатаями, но на этот раз, медлили подойти к продавцу. Пресыщенный вкус Аркадия отвергал один кулинарный шедевр за другим. Он не был голоден, к тому же, он уже все здесь перепробовал, ему хотелось чего-то новенького, да и вообще, было лень покупать. Разве что принести пару пирожных маме.

Татьяна ничего не покупала, потому что у нее не было денег. Она была страшно голодна и ее сморщенный, несчастный, неизбалованный вкусной и обильной пищей желудок, с радостью встретил бы и переварил большой кусок любого пирога.

Аркадий заметил тоненькую девушку, с жадностью рассматривавшую выставленные в витрине лакомства. Он вспомнил, что мельком уже видел ее в Университетских коридорах: ему запомнилось ее милое и грустное личико. Наблюдая за ней, он думал о том, что можно было бы развлечься, так, чисто теоретически... Приударить за ней, разбудить ее, приручить ее, заставить ее полюбить. Ну, пусть не любить, но хоть что-то испытать, почувствовать. Ее кукольное личико не выражало ничего, только в глазах была бесконечная тоска, немного припорошенная страхом. Чего она боялась? Было бы забавно смыть с нее эту патину грусти, отскрести с ее лица белоснежный фарфор невыразительности и расписать его яркими красками юности. Аркадию вдруг захотелось превратить это бледное создание в жар-птицу, которая, сгорая от страсти, разбрасывала бы вокруг себя горящие перья цвета манго. Было бы неплохо заговорить сейчас с нею и

представиться, возможно, угостить какой-нибудь сладостью, сказав что-то вроде: «Можно предложить вам что-нибудь попробовать?» Впрочем, что значит, что-нибудь попробовать? Откуда он знал, что она ничего из этого не пробовала? Пока он размышлял, на его глазах совершенно неожиданно произошло нечто, что повергло его в глубокое замешательство. Девушка потеряла сознание, ее бессознательное тело негромко стукнулось о холодные плиты затоптанного пола кондитерской. Аркадий бросился к ней, уже понимая, что с ней случился голодный обморок.

Спустя некоторое время, когда они сидели на лавочке в сквере, и она ела пирожные, доставая их длинными и худыми, слегка дрожащими пальцами из бумажного пакета, ему очень хотелось спросить «Почему?» Он не спросил, боясь заставить ее оправдываться, лгать или стыдиться. Аркадий наблюдал за ней, удивляясь тому, что голодные обмороки могут случаться и в наши дни, почти через семьдесят лет после блокады Ленинграда.

Несмотря на то, что она была голодна, она ела не спеша, аккуратно откусывая небольшие кусочки от сладостей, таявших в ее детских пальцах с обгрызанными ногтями.

- Прогуливаете лекции? – спросил он с улыбкой.
- У нас нет сейчас лекций. Преподавательница заболела. – Ее голос звучал робко

и немного устало.

- У меня тоже нет сейчас лекций. Хотите, пообедаем вместе?
- Спасибо. Не надо. Я шла домой. Спасибо вам за пирожные. Очень вкусные.
- Купим еще? Домой? – с готовностью предложил Аркадий.
- Нет, что вы! В пакете осталось несколько. Я доем дома. Еще и маму угостить

останется.

- Вы живете с мамой?
- Да. Она работает в библиотеке Политехнического.

Больше Аркадию спрашивать не хотелось. Если она не упомянула отца, значит, отца не было. На нищенскую зарплату библиотекаря и стипендию студентки второго курса особенно не разживешься. Ситуация была ясна. Настаивать на обеде было бесполезно. Она не пойдет. Только что на его глазах она потеряла сознание из-за того, что была голодна, ей неловко сейчас. Это все равно, что остановить ее посередине улицы и, ни с того ни с сего, заставить признаться в том, что живет она впроголодь. Эта девочка была гордая и колючая, в ее движениях, в том, как она ела, сквозило прирожденное достоинство. Не стоило унижать ее больше, природа ее голодного организма уже и так достаточно уязвила ее самолюбие.

- Как вас зовут? – спросил он.
- Татьяна. Абрикосова.
- Меня Аркадий.
- Вы преподаете у нас, я знаю.
- Только не на вашем факультете.
- Поэтому я не знаю вашего отчества. – Девушка незаметно глянула на него,

только уголками своих темных, крылатых глаз.

- Вам и не нужно мое отчество. Будем знакомы по именам. Вы же не маленькая девочка.

Аркадия подмывало пораспрашивать ее еще, о чем угодно, но он сдержал свое любопытство.

- Если не обедать вместе, то хоть до остановки вы разрешите вас проводить?

Девушка кивнула, аккуратно завернула верх бумажного пакетика, набросила ремешок дешевой сумки на плечо и поднялась со скамейки. Они зашагали к остановке. Аркадий почувствовал, что ее присутствие стесняет его. Он и она были плохим аккордом, между ними звучал диссонанс, что-то не клеилось. Внимательно изучая ее профиль, он пытался представить, насколько она умна и умна ли вообще, и что ей пришлось, кроме бедности, испытать. Ему хотелось, чтобы у нее был живой, быстрый ум,

чтобы она была наделена воображением и любопытством, чтобы она встряхнулась, сбросив с себя оковы ограничений, в которые монотонно-серая действительность, полная маленьких жертв и постоянных лишений, заключила ее естество. Ему захотелось ей поведать тоном знатока, что все возможно, ну, почти все, что жизнь надо проживать, надо присутствовать в ней, надо бороться с обстоятельствами, побеждать их и наслаждаться победами, проигрывать и горевать, но не надо бояться. Что надо стать доверчивой и открытой девочкой, подставив себя жизни, чтобы та пронизала сознание, тело и душу тысячами искусов. Дурацкий совет. Такое под силу опытным и взрослым людям, которым терять уже нечего. Впрочем, нанесенные жизнью раны легче всего затягиваются именно до двадцати лет. Потом все трудно. Потом играешь с жизнью, потому что потерял уже главное – молодость. Он готов был учить с высоты своего опыта, он и правда с азартом играл с жизнью в возможности и выбор, но поверит ли она ему? Кто он такой для нее? Добрый встречный, купивший ей пирожных? Профессор, преподающий в Университете, заигрывающий со студенткой, грохнувшейся в обморок? Банально, банально, банально. Именно эта банальность приводила Аркадия в ярость и диссонировала между ними. От этого плохого, протухшего аккорда никак было не избавиться. Понемногу этот аккорд раздражил его душу настолько, что ему захотелось обнять молодую женщину, молча идущую рядом, оградить ее от бедной жизни, сорвать с нее покровы, сделать ее красавицей, полюбить ее. Дать ей насладиться жизнью, чувственной любовью, заставить ее дышать полной грудью свободой, короче говоря, завершить ее, как художники завершают брошенное несколько лет назад, неоконченное полотно. А потом, потом ... бросить ее. Конечно же, бросить, как бросал всех женщин до сих пор. Аркадий уже представлял ее голубые крылышки под бумажными растяжками, намертво пришипленное булавкой к каучуковому дну коробки высохшее брюшко, похожее на кленовую сережку. Она попадет в компанию других уморенных бабочек, бессознательно и бесстыдно демонстрирующих свое мертвое великолепие. Факт состоял в том, что Аркадий, помимо женщин, коллекционировал тропических и среднеевропейских бабочек.

Аркадий и Татьяна подходили к автобусной остановке. Люди были одеты в серо-коричневые плащи и куртки, в спешке добытые из гардеробов после первого холодного дождя. Аркадий продолжал молчать, его взгляд царапал по серым, неопрятным стенам петербургских домов, обегал плоских и помятых прохожих, украдкой задевая Татьяну. Но думал он не о ней, а о сути таких явлений, как тупость и роскошь. В теперешней России и тех, и других хватало. Роскошь определяла стиль бытия уже не одной сотни русских, она занозой сидела в сознании его бывших любовниц, но лежала где-то недосыгаемо далеко, на противоположном полюсе от Абрикосовой, шагавшей подле него. Массовая тупость, как эпидемия смертельной заразы, уже давно пугала Аркадия. Он искал причины этого надвигающегося кошмара.

Профессор Стасов часто мысленно разговаривал сам с собой, и эти немые разговоры были похожи на записи, только не пером, а мыслью. Отпечатки строк появлялись в его мозгу, что помогало ему думать предметно и ясно, как, например, теперь. Его зацепило и понесло.

«Иной раз, - размышлял Аркадий, - Толстой писал что-то в своих дневниках, а в конце параграфа сожалел о том, что мысль ему удалось выразить плохо, не ясно, хоть самому-то было все отлично понятно. Вот и я. Мне ясно, а получится ли доходчиво передать, не знаю».

Тут, сразу же, как черт из табакерки, выпрыгнул его мысленный собеседник. Вторым «я» этого собеседника назвать было нельзя, уж очень его взгляды были не стасовскими. Был он, скорее, непрощенным оппонентом, простоватым, но, в то же время с хитрецей и подковыкой.

«То же, мне, Толстой отыскался. Валяй, поведай нам. Авось, пойдем».

Аркадий не обращал на него внимания. Тот, кто раздражал его своим невидимым присутствием, был явно другого круга и другого склада ума, был без роду и без племени, и, даже без крова, эдакий бомж, тунеядец, любивший послушать умные разговоры. К подобным разглагольствованиям его непрощеный собеседник относился когда со смешком, когда с откровенным напльвом веселья, потому как владел главным зерном народной мудрости: мир все равно не переделаешь. Но коль скоро разные там образованные трепыхаются, аж заходятся от своих пассажей, так почему бы не послушать на дармовщинку, и словцо-другое для пущего распалу не вставить.

«Мы давно потеряли уважение к великим, - начал Стасов. – Измельчали сами и, чтоб завидно не было, сбросили с пьедесталов непоколебимые авторитеты и выдающиеся личности. Мы больше не преклоняемся и не почитаем. Нас объял прогресс, мы раскрепостили сами себя до такой степени, что уже давно решили, что нам все дозволено и что сам черт нам не брат. Нам привиделось, что мы, скачивающие любую информацию в собственный компьютер и простирающие в виртуальную вселенную щупальца своих неопытных желаний, безумных поступков и незрелого ума, чего-то стоим, но это не так. Нас просто научили нажимать кнопки. Нажимая нужные кнопки и галлюцинируя собственной значимостью, при этом часто прячась за выдуманными именами и никами, мы стараемся не подпускать к своему сознанию мысли о том, что наш друг компьютер уже давно довлеет над нами и контролирует нас. Ладно мы сами, но мы вручили неодушевленному предмету заботу о собственной безопасности и своих жизненных функциях на государственном уровне, чем приговорили себя. Если что-то в этом искусственном разуме выйдет из строя, мы погибнем не в переносном, а в буквальном смысле слова. Мы слишком много доверили тому, кто быстро выдает информацию и также быстро складывает информацию, но плохо соображает. Компьютер не может думать так, как думает человек – вернее, как тот человек, который умеет думать. Приведу пример. Дело было во время второй русско-турецкой войны, в 1789-ом году. Принц Кобургский*, планируя наступление, несколько раз посылал за Суворовым, но тот каждый раз отвечал, что спит или пьян. Когда Суворова спросили, почему он не появился на совещании перед совместным наступлением у принца, что он ответил? «Нельзя было: он умный, храбрый, да ведь он тактик, а у меня был план не тактический. Мы заспорили бы, и он загонял бы меня дипломатически, тактически, энигматически, а неприятель решил бы спор тем, что разбил бы нас. Вместо того – «Ура! С нами бог!» - и спорить было некогда». Компьютер может следовать определенным правилам и схемам так, как это делал австрийский принц Кобургский*, планируя наступление, но никогда не сможет думать так, как думал Суворов, подготавливая то же самое наступление. Компьютер лишен вдохновения и не в состоянии импровизировать!

«Суворов, говоришь? С нами Бог? – съерничал тунеядец. – А ты мне вот на какой вопрос ответь, профессор. Что, если этот самый «нигматический подход» австрийского принца больше жизней бы спас во время наступления? А? Никогда об этом не думал?

Стасов опешил от такой пронизательности. Возможно, его мысленный оппонент был прав и, скорей всего, он таки был прав, но сейчас речь не об этом. Речь не о жизнях, а о том, чем наполняют эти жизни. В России твоя жизнь никогда не принадлежала тебе, но об этом в другой раз. Сейчас не о том. Сейчас не о палачестве.

«Мы безуспешно пытаемся искоренить героин, кокаин и экстази, - продолжал Стасов важную для себя последовательность своих мыслей, - объявив их величайшим злом. А чем не наркотик обожаемый и обожествляемый нами Интернет и все, что он предлагает? Знакомства по-Интернету, секс по-Интернету, порно по-Интернету, сводничество по-Интернету, преступления по-Интернету, сплетни по-Интернету, политическое вранье по-Интернету, фейковые новости по-Интернету, проповеди по-Интернету, кражи по-Интернету, жестокость по-Интернету – рецепты на все извращенные вкусы. А схематически однообразные и жестокие электронные игры, практически все окрашенные в

цвет крови, которые доступны, легальны и сравнительно не дороги? Наши дети не умеют изъясняться человеческим языком, потому что компьютер отучил их читать, а скоро отучит и говорить. Книг великих писателей они не прочтут, у них времени на чтение нету – они учатся убивать, нет нужды, что пока только виртуально. Став взрослыми, они не смогут восстать против деспотических режимов, но будут готовы убивать. Но и это еще не все. Средства массовой информации, создавая события и трагедии, вознося на пьедестал и низвергая в бесславию, лишая желаний мыслить самостоятельно, шантажируя и запугивая, а, подчас даже провоцируя преступления, приобрели небывалую власть над человеком. Мы породили то, что теперь ополчилось против нас. Хочу огорчить тебя еще больше! С развитием прогресса, умнее мы не стали. Не говоря уже о морали, которую мы растоптали. Ответь мне, сколько великих художников и скульпторов было в одной только Флоренции во времена Микеланджело Буонаротти? Не знаешь? Десятки. Они творили, создавая произведения искусства, исключительно своей головой и своими руками. Поэтому их произведения стали шедеврами и вызывают у нас восхищение. Они были и остаются одушевленными, а то, что производим мы с помощью компьютера или с помощью атавизма нашего воображения, мертво. Мертво!»

«Не пойму я, профессор, ты что, против прогресса агитируешь?»

«А в чем ты видишь прогресс? В iPod-ах, iPad-ах и iPhone-ах с андроидной начинкой, или же в том факте, что, люди научились делать практически никому не доступные операции на расстоянии? В то же время, миллионы детей во всем мире страдают от нехватки вакцин, съедобных продуктов и чистой питьевой воды, отчего и мрут, как мухи. Врачи в своей подавляющей массе научились управляться со сложной аппаратурой, но при этом не стали ни лучшими диагностами, ни более душевными людьми. В двадцать первом веке, половине населения развитых стран нужны услуги психоаналитиков, всевозможные антидепрессанты, алкоголь или наркотики. Так в чем же прогресс? Стоит ли приходить в такой восторг оттого, что мы наблюдаем прогресс в основном лишь в области электронных игрушек и средств массового уничтожения? Мы уже утратили гармонию с природой, теперь мы утрачиваем главное для нас знание – как жить по-человечески. Компьютер нас жизни не научит, он жизни не знает!»

«Эх, профессор, тут ты прав. Компьютер не знает, а вот человек знает, как надо пожить-то. Умеет. Роскошь придумал».

«Роскошь, роскошь, - Стасов выводил строчки в своем уме. - Экстравагантность роскоши. В английском языке есть хорошее слово – opulence, это когда все так богато, роскошно и все это настолько обильно, что уже через край. Оно даже по звучанию подходит роскоши, помноженной на обилие. В русском языке мне бы хотелось, аж мозги чешутся, перепрыгнуть через слово «роскошь», которое само по себе ничего плохого не означает, и изобрести новое слово, сочетающее в себе два значения – «роскошь» и «обжорство». Такого слова нет».

«Жрать роскошь или жировать», - подсказал туняец.

«На чем жировать?»

«На всем, как муха навозная, главное, чтобы пороскошнее было».

«Не плохо, но мне нужно существительное, а не глагол, - огрызнулся Аркадий. - Может быть, «излишество», но тоже не подходит, слишком изящное слово. В семнадцатом и восемнадцатом веках, когда Россия, с диким стоном пыталась родить самое себя из темноты веков, уцепившись за прогресс, уже обосновавшийся в Европе, роскошь была составной частью прогресса. В свое время порошок от вшей, электрическая лампочка и первый фотографический снимок тоже были роскошью. Теперь в это трудно поверить. В том, что русские вельможи слегка безумствовали, ничего преступного не было. Ни дворцы, ни крепостные театры, ни их трапезы и чудачества, не наносили вред земле. Тогда, на заре прогресса, роскошь выглядела и была сравнительно невинной. Скажу больше, в те далекие времена, роскошь и была прогрессом».

«А как же сотни заморенных дворовых?» - подсуетился голос.

«Человеческая кровь для земли не отравя, и проливалось ее тогда гораздо меньше, чем сейчас. Пора взглянуть на крепостное право не глазами Чернышевского*, Добролюбова*, Некрасова*, Писарева* и других сентиментальных шестидесятников, а глазами прагматика. Могу поспорить, что по миру сегодня наберется, как минимум, пару миллионов голодных и бездомных, желающих стать крепостными Шереметьева, Юсупова и того же Потемкина».

«Неужто за крепостничество ратуешь?! Чудовищные мысли распространяешь! Олигархов, опять же, обеляешь».

«Что ж плохого в том, что несколько тысяч людей будут накормлены, согреты и делом заняты при ком-нибудь с деньгами да с башкой на плечах? Не принадлежать ему, такому новому барину, а жить на его землях, кормиться и развивать эти земли. Да и что за такие ужасные преступления творили тогдашние крепостники? Драли за лен да за нерадивость? Спали с девками? Продавали людей, как охотничьих псов? Да, грешили наши помещики, но что делает человек сейчас, два столетия спустя? Неужто образумился? Он не только со вкусом истребляет незащитных живых тварей, но не перестает убивать себе подобных, насилует своих малолетних детей, продает их за пару монет в рабство, церковные боссы зажрались и заврались совсем, прикрывая распущенность своих священников. Человеку нашего времени нравится смотреть reality TV и копошиться в Internet porno, и жирует он, спасибо за слово, как навозная муха на дерьме, на непристойностях, человеческих слабостях и разврате. В том числе, и на политическом разврате. В конечном же счете, все хотят денег, но не тех денег, которых достаточно на достойную жизнь, а много денег, чтобы опять же, роскошествовать. Роскошествуя, походя, насилуют и убивают Землю. Человек всегда был грешен, но с некоторых пор он стал еще и невероятно развращен. С чего все началось?»

«Уважь, просвети, неграмотных», - снизошел голос.

«С недосмотра. Христос, божий сын, когда по земле ходил, да проповедовал простому люду, должен был накормить сначала этот люд, а потом уж проповедовать».

«Так накормил же. Хлеба приумножил».

«Да, нет, не то ты говоришь. Не фокусы показывать, как в цирке, а совершить большое чудо, накормить навсегда, чтобы, если не бедных, то, хотя бы, голодных не было больше на Земле. Люди тогда прислушались бы к его проповедям, и, может, поняли что-нибудь из того, что он проповедовал, грешить на сытый желудок меньше стали бы, а так все, что от Христа осталось, это крашенные яйца, куличи на Пасху, да церковь с попами. Действовал он прямо-таки как политик перед выборами: надавал обещаний, на призывы не скупился, народ, тем не менее, за исключением некоторых фанатов, за него не проголосовал, зато церковь создала партию под эгидой его имени, и тогда уж стала народ объединять вокруг этого проекта. Применяла разные методы: когда запугивала, проповедуя с амвона и стращая адом за грехи, когда сладко уговаривала с того же амвона, привлекая раем за добродетель, а заодно и денежки собирая в церковную суму. Мало того, нас же и судить еще будут страшным судом! Сам господь Бог и предаст нас суду. Где же справедливость? Две тысячи лет тому назад его сын не смог убедить нас ни в том, что надо любить, ни в том, что не надо грешить, за что же судить теперь? Бедные не перевелись, страданий на земле меньше не стало, и вот народ думал-думал и решил по-своему, без Иисусова участия. Особенно напряглись русские материалистические умы. В России проблему богатый-бедный решили физическим истреблением богатых и учреждением «блаженства общежития» бедняков и батраков. Но промахнулись, не получилось. Принесли в жертву десятки миллионов жизней, и только тогда остановились. Правда, так и не сумели понять, что эта проблема не разрешима в принципе. Богатые были и будут всегда, и бедные были и будут всегда, и тут снова всплывает наше русское, отмененное крепостное право. Многим ведь было очень по вкусу жить «при крепостях».

«Не всем, не всем», - засомневался тунеядец.

«А так никогда не бывает, чтоб всем. Я тебе еще один пример приведу «крепостной» житухи. Католические священники вокруг Папы в Риме. Те же крепостные, себе они не принадлежат, говорят, что служат богу, на самом деле, церкви, а, объяви Папа завтра, что они все свободны и могут идти на все четыре стороны, весь Рим утонет в слезах отпущенных. Только рабство их другое – не в пример нашим крепостным, намного обеспеченнее, ну, так и времена другие».

«Какой ужас, в ересь впал!»

«Да ты что, неужто испугался? – рассмеялся Аркадий. – Но суть всего, что я говорю, не так уж плоха. Быть накормленным и при хозяине лучше, чем быть бесхозным, бездомным и голодным. А что такое, по-твоему, большие предприятия, офисы международных компаний, где работают сотни тысяч рабочих и служащих? Та же крепостная зависимость. Принадлежность фирмам, корпорациям, конгломератам, а в результате, одному или нескольким хозяевам. И тот же страх, что уволят, перестанут кормить, что постигнет тебя жуткая судьба – из крепостного с пятизначной зарплатой превратишься в дворомыгу.

Мы, впрочем, отвлеклись. Шло время, и прогресс освобождал человека все больше и больше...»

«Норовишь на всем известное съехать», - разочарованно протянул голос.

«Подожди, сейчас интересно будет. И именно тогда, в середине двадцатого века, после двух мировых войн, человек выпустил на волю неуправляемого монстра – свое собственное тщеславие. В страшно кровопролитных войнах прошлого века, погибли десятки миллионов людей, за войнами последовали геополитические и социально-политические изменения, почти вся Европа лежала в руинах. Прошло всего несколько лет, и жизнь возвратилась в привычную колею. Прошло еще пару годков, и человек успокоился. Однако покоя ему было мало, он захотелось вернуть вкус к жизни.

«Ты что ж, церковь что ли, чтоб человека преследовать за наслаждения?»

«Тут ты попал в самую точку. Ну, вот скажи мне, что такое вкус к жизни по-твоему? Как ты понимаешь этот самый вкус?»

«Это когда жизнь тебя радовать начинает, ты начинаешь эту самую жизнь с аппетитом вкушать...»

«Хитрый ты, но снова прав оказался. Вкушать жизнь, но жизнь ведь можно любить разную. Самую неустроенную и самую простую жизнь ведь тоже вкушать можно с удовольствием. Главное, что считать жизнью, правда ведь? Возможность проснуться утром, услышать птиц. Обрадоваться дару, что в тебе живет, что ты можешь что-то сделать руками, что-то придумать мозгами, полюбить кого-то всей душой и сердцем, спеть песню, увидеть природу, навестить родителей, зачать ребенка. Простые и одновременно, огромные, божественные радости! Однако после перенесенных страданий, этих радостей было мало. От жизни требовалось большее. Человек поставил себе две цели: жизнь должна стать легче и должна приносить удовольствие. Не человек для жизни, а жизнь для человека. Из жизни стали выжимать все, а, главное, деньги и наслаждения. Все стало продаваться, на всем можно было заработать деньги. В 80-х годах прошлого века, человек стал серьезно богатеть».

«Шошь оно меня оминуло-то, это богатство?» - театрально, со слезой в голосе воскликнул тунеядец.

«Ну, не знаю, тебе видней. Те, что богатели, создавали вокруг себя целый конгломерат обслуживающего персонала. Люди стали терять навыки и профессии, предпочитая обслуживать. И вот, настало время, когда продукт технологического мира, напоминающий человека, потворствуя собственным прихотям и настроениям, проснувшись по утрам, думает о том, чем еще ублажить себя. Его ум занят выбором: компьютерной войнушкой, утопив свой разум в крови, алкоголем и наркотиками, погрузив свой разум в

галлюцинации, или пробежаться по магазинам, утомив разум тратой денег? Одним словом, забить мозги, которые нечем занять, дурманом и обманом».

«Не все такие, не все жируют», - усомнился невидимый собеседник.

«Ну, честь и хвала тем, кто не жирует. – Аркадий раздражился. – Только не говори мне про Африку. Там голодали и будут голодать. Местная специфика такая, ничего не поделаешь. И все это понимают. Только кое-кого совесть мучает, и они откупаются одной десятой, как Христос учил, только вся эта «помощь» все равно ничего не изменит. Специфика там такая».

«Что ж за специфика такая?» - полубопытствовал тунядец.

Аркадий замолчал. Вернее, он перестал думать. Он мог бы и даже хотел ответить, но эти мысли он предпочитал держать при себе. Если он заговорит, даже если он тысячу раз будет прав, даже если он признает, что виноватых в этой местной специфике нет, что есть только очевидность, реальность, которую надо, наконец, назвать откровенными, честными и такими нужными словами, то тогда даже этот идиот, его собеседник, обвинит его в расизме. Дело в том, что в современном мире, правде предпочитают тысячи разных маленьких правд, которые, в совокупности, дают одну огромную ложь. Взгляд со всех сторон, сначала дробящий правду, а потом, уничтожающий ее совсем. Поэтому он сделал вид, что вопроса не услышал и продолжал:

«Роскошь в наше время, когда людей стало слишком много, когда мы убиваем природу и животный мир не столько по необходимости, сколько из-за своей жестокости и жадности, превратилась в постыдное излишество. Я бы вообще роскошь считал преступлением. Не забывай, что эту роскошь надо произвести для целой армии желающих ублажить себя. Ты скажешь, кусок мяса – это не роскошь? А вот, послушай. Чтобы сгурманить толстую коровью отбивную, надо вырастить корову, засеять поля кормами, вычеркнуть из сельскохозяйственных угодий земли, на которых стоят коровники и которые обильно политы мочой, и, в конце концов, убить живое существо, саму корову. То есть здесь, на Земле, люди специально выращивают живой корм для себя! Монголия, между прочим, методично покрывается коровниками, в которых выращивают живой корм исключительно для китайцев. Меня поражает двуличность некоторых правительств и церкви, выступающих против извлечения стволовых клеток из человеческих и иных эмбрионов и, в то же время, обыденно относящихся к массовым, каждодневным убийствам сотен видов живых тварей, давно выпрастывавшихся из эмбрионов! Откуда у человека такая заносчивость, такое высокомерие? Кто решил, что человек – это бог на Земле?»

«Сам человек и решил», - с уверенностью констатировал тунядец.

«Только потому, что в Книге написано, что бог создал нас по своему подобию? Физически, физически он создал нас по своему подобию, да и то, если верить этой книге. Тоже мне, человек – небесный князь, потребляющий порно по Интернету».

«Ты что, хочешь сказать, что корова лучше человека?»

«Я пытаюсь сказать, что и корова, и свинья, и пингвин, у которого лед из-под ног уходит в буквальном смысле слова, гораздо лучше некоторых человеческих особей».

«Нет, ну нормальный ты человек после этого?»

«Думаю, что нормальный. Я не насирую детей и не трахаю коз, что, между прочим, очень распространено среди некоторых борцов за «свободу».

«Боже мой, как вульгарно! Не стыдно, профессор?» - со смаком захихикал тунядец.

«Согласен, однако суть верна. Хочешь, чтобы я выразился более интеллигентно? Сожительство, спариваться? Сожительство с козами невозможно, и, тем более, с ними не спариваются. Хотя, некоторые не то революционеры, не то террористы, что подолгу вынуждены в горах прятаться, настолько привязываются к своим длиннорунным подругам, что, спускаясь с гор в базарные дни, покупают им небольшие подарочки. Бусики, например».

«Балуют их, хотят порадовать», - сьерничал голос.

«После этого как-то особенно ясно понимаешь, что человек – царь и бог на земле. Что хочет, то и творит. Так вот, о роскоши, которая в наши дни сродни преступлению. Человек оседлал даже не прогресс, а саму матушку природу, превратившись в того идиота, который пилит ветку, на которой сидит. Только на этот раз мы упадем вниз не для того, чтобы ушибиться, а для того, чтобы разбиться насмерть. Возлюбив себя, мы перестали любить ее, приютившую нас. Мы ополоумели, превратившись в эдаких, ни в чем себе не отказывающих просвещенно-распущенных потребителей, а, как мы знаем, чем больше потребление, тем больше производство. Может, стоит задуматься, нужна ли нам продукция всех тех заводов и фабрик, под которыми земля стонет? Меняется климат, смещаются магнитные полюса, людям скоро не станет хватать пресной воды, орошаемых земель, еды и чистого воздуха, громяхают лицемерные, кровопролитные войны за нефть, веру, территории, финансы и личные амбиции полудурков во власти, страны не перестают пестовать в своих чревах диктаторов. О чем мы думаем?!».

«О чем?» - полюбопытствовал невидимка.

«О сумках», - ответил Аркадий.

«О каких таких сумках?!» - голос изобразил неподдельный интерес.

«Скудоумные не повинны», - ответил ему Аркадий, а сам покосился на Татьяну.

«Хотел бы я знать, - мысленно полюбопытствовал он, - при другом раскладе обстоятельств, если бы у нее, скажем, было полно денег, смогла бы она прожить без женской сумки стоимостью в двадцать девять тысяч долларов? Думаю, эта Абрикосова даже не помышляет о таких вещах. Она чиста и нетронута. Не тронута не только мужчиной, но и всей той дрянью и мерзостью, что накопилась в мире. Все те, с кем я баловался любовью, навешивали на себя все эти сумки, шубки, побрякушки для пущей важности. Каждый раз у меня язык чесался спросить одну из них, что такого умопомрачительного эта сумка или часы с бриллиантами делают с ней самой? Ведь за отданные за весь этот хлам деньги, любая из них вправе надеяться на чудо. Она становится лучше, умнее, духовнее, или дорогая безделица служит украшением для пустоты, повышая стоимость всего лишь пустоты? Многие женщины променяли свою жизнь на суету. Вместо смысла и какого-то результата в конце – только сумки, только туфли, только украшения, только мы, мужчины. Не их в этом вина, они из кожи вон лезут на потребу нам, мужикам. Мы просто не видим их, если они не выглядят как модель с картинки. Нам же не поговорить надо, а переспать с ними. И тут безвкусная, тщеславная роскошь приобретает первостепенное значение. Она заполняет пустоту и придает этой пустоте веса».

«Все твои любовницы красавицами были, - напомнил собеседник, - что же ты духовной близости с ними не искал? Неужто все без царя-батюшки в голове были? Мне противно. Ты выглядишь, как зажавшийся и начавший каяться ловелас. Красота, мой дорогой, ведь тоже кой для кого роскошь. Что, на простушек потянуло? Чтоб перчику добавить?»

«Ты, дурак, молчи. Красота – это дар божий, а каяться никогда не поздно».

Сказав эти слова, Аркадий снова быстро взглянул на Татьяну, ему странно казалось, что его покаяние будет связано именно с ней.

«В Москве выстроили гостиницу, «Риц-Карлтон Москва», - продолжал он свой мысленный диалог. - Там подают «Царский завтрак», стоимостью семьсот долларов. Я понимаю, что для сотни русских миллиардеров это не деньги. Одна ночь в Лондонском «Дорчестере» обходится тридцать пять тысяч долларов. Там в ковры, брошенные на пол, вплетены золотые и серебряные нити. Зачем?»

«Завидно?» - поинтересовался тунеядец. – «Мне завидно», - честно признался он.

«Завидно? Ты имеешь в виду, завидую ли я тем, кто останавливается в этих гостиницах? Нет. Я ничего не почувствую, ни удивления, ни экстаза, ни удовлетворения, если ступлю на золотые нити, вплетенные в ковер».

«Ты просто не дорос, профессор. Не умеешь потреблять роскошь. Возьми меня, поставь на ковер, накорми «Царским завтраком», я объясню тебе, что такое счастье. Эх, мать...».

«Да понимаешь ли ты, что ты сказал?! Ты сказал великолепную, правильную вещь! Вот именно, потреблять, потреблять и еще раз потреблять! И потреблять не мозгом, не душой, а глазами и слепым желудком. Мы платим за удовольствие глаз, которые всего лишь глядят на золотые нити, и за удовольствие желудка, которому абсолютно все равно, что в него упало. Желудок не может отличить белужью икру на блинчиках от простокваши с черным хлебом. И тут мы возвратились к тому, с чего начали. Мы платим, чтобы утолить наше разыгравшееся, разращенное тщеславие, которое так сейчас ни к месту. Большинство из нас ничего не создают, большинство из нас только потребляют! Человек потерял способность создавать шедевры своими собственными руками. За него создает компьютер, а когда тот, кто называет себя художником, все-таки берет в руки кисть, получается то, что зовется современным искусством. Неумелая, бесталанная мазня... Человек думает, что помучается здесь, на Земле, а там и в рай попадет. А многие даже и в Рай не верят. Мы редко поднимаем голову к небу для того, чтобы представить себе другие планеты, эти холодные или горячие мертвые глыбы. И вдруг, посреди всего этого нежилого царства крутится зелено-голубая, с морями и лесами, с розовыми садами, обрызганными росой, защищенная озоновым слоем, словно вуалью, наброшенной на прекрасное лицо, наша Земля. У меня не укладывается в голове, почему никто из нас до сих пор не догадался, что это и есть Рай?! Какой еще Рай может быть и где он? Тот, что обещает нам церковь? Пойди-туда-не-знаю-куда, зеленый дерн и постные лица, поющие псалмы? Нет, и ад и рай здесь, на Земле, больше им негде быть. Наши души страдать и радоваться, в наказание и в награду, посылают именно сюда, на Землю. Как ты думаешь, почему художники, когда изображают рай или ад, рисуют людей в их телесной оболочке? Ведь это не правильно! Умирая, мы оставляем наше брэнное тело здесь, на земле, и только наша душа выпархивает. Следовательно, и в раю, и в аду находятся только наши души, так и надо изображать их. Ан, нет, и счастливчики, и навеки проклятые – все в телесных своих оболочках! А, знаешь, почему художники всегда рисовали у праведников лица такие постные? Потому что в раю все есть, а человек никогда не бывает счастлив и доволен, когда все есть. Рай, по-нашему, по-человечески, это когда жизнь прожита со смыслом. И пусть иногда впроголодь. Мы вопим в аду от отчаяния не потому, что грешны, а потому, что жизнь некоторых из нас есть ад с самого рождения. И знаешь, что? Бедность да скудость не всегда ад, часто настоящим адом становится богатство и роскошь. Благословенны лишь те богатства, каковыми награждаются наши труды».

«Аминь», - коротко подытожил голос.

«Что же далеко ходить? – продолжал Стасов. - Знаменитый Данте* описал и рай, и ад, и чистилище. Все люди и муки у него не запредельные, а тутошные, земные, потому что именно здесь человеческие души, облекшись в телесную оболочку, и страдают, и радуются, и любят, и теряют, и обретают. О, господи, кто-то создал нам этот земной рай и ад одновременно, кто-то поселил нас здесь, а мы его похерили!»

«Браво! Толково все объяснил, а, главное, закончил на высокой ноте», - весело подытожил тунеядец.

Аркадий прервал свои размышления. Татьяна все это время шла рядом молча. Стасов был зол и чувствовал себя уставшим, но сделал попытку заговорить, прерывая затянувшееся молчание. Попытка его ничем не увенчалась, продолжая плавать в воздухе, как застывший поплавок на мертвой воде.

- Как насчет другого раза? – наконец спросил он.

Девушка не была им очарована, до сих пор он не произвел на нее никакого впечатления. Вернее, он произвел на нее отталкивающее впечатление. Ей было достаточно ее уродливой жизни без любви, уродливой многоэтажки в грязном районе города и

уродливой комнаты с щелями, заклеенными старыми обоями. Зачем же еще встречаться с уродливой женщиной? Зачем гордиться уродством вокруг себя, из которого уже не выбраться? Зачем до рези в глазах смотреть на его кубическое лицо и сюрреалистическую фигуру, пытаясь переработать своим естеством то, что им уже отталкивается? Неужели это все, на что она может рассчитывать в этой жизни? Неужели никогда не застучит копытами белый конь с ее принцем в седле, молодым и красивым? Чувственная интуиция Татьяны еще не была разбужена, поэтому она не увидела в шагающем рядом с ней высоким мужчине ничего, кроме выпирающего крутого подбородка, сутулых плечей и некой разболтанности в походке. Она не увидела его глаз, не прочитала в них ума и воли, она не ведала еще, что такое желание. И как можно желать такого уroda? «Петербургское Чудовище», невероятно привлекательное для более опытных женщин, оставило нашу Татьяну безразличной. По недоумию, она ждала принца из несуществующей страны и пугалась Аркадия, который никуда не вписывался, был некрасив, обеспечен, хорошо одевался, имел голову на плечах, свое мнение, и, балуя свое честолюбие, часто сравнивал себя с Потемкиным.

Аркадий терпеливо наблюдал за Татьяной, ожидая ответа. «Она слишком молода, чтобы знать, чего хочет. Ей хочется ответить отказом, но из вежливости она согласится».

- Да, конечно, - ответила девушка, глядя на него беззащитно и тупо, как обычно глядят щенки.

Аркадий был разочарован. Что ему надо от нее? Что он старается доказать? Какое предчувствие заставляет его настаивать?

- Тогда давайте встретимся в следующий четверг в Летнем саду. Потом поужинаем где-нибудь.

Что это? Он пытается приручить ее тем, что обещает накормить? Аркадий был удивлен. Сегодня его пошлость не знала границ. Он был ошеломлен.

- Хорошо. – Ответ Татьяны прозвучал холодно и кратко. Было самое время попрощаться. Аркадий попросил дать ему номер телефона. Оторвав кусочек от бумажного пакета, в котором были пирожные, Абрикосова накарябала свой номер телефона предложенной им ручкой.

Глава 4.

Стасов несколько раз звонил до четверга; просто узнать, как дела, удостовериться в том, что она не передумала. Женщины, которые увивались за Аркадием, умерли бы, бедняжки, от счастья, удели он им столько внимания! Однажды Татьяна мама подошла к телефону. Ей понравился его глубокий, красивый голос. Она спросила, кто он. Ей пришлось по вкусу то, что он был преподавателем Университета, и, к тому же, профессором. Сразу видно, солидный мужчина, на которого можно положиться. Не какой-нибудь голодранец из студентов, понятия не имеющий о том, что означает быть мужем, а так, только хихоньки да хахоньки, забраться в постель, да и дело с концом. А ответственность? А материальная возможность содержать семью? Ах, она устала так жить! Совсем не плохая мысль сосватать ее странную дочь за достойного мужчину. Она думала, что у Татьяны никого нет, ведь раньше никто никогда ей не звонил. Такой тихоне, такой серенькой мышке, разве кто-нибудь захотел бы позвонить? Ну, а сейчас, раз этот появился, так не надо упускать случая. Не имея понятия, что надо предпринять и как вмешаться, чтобы придать этому знакомству больше жизни, движения, лязгу и пару, а также гарантировать вполне определенные перспективы, она не смогла сделать разговор занимательным. Лишенная практичности и предприимчивости, а также ума и фантазии, Танина мама была обречена

на прозябание в том убогом однообразии, что стало ее жизнью. Вдобавок ко всему, она не умела любить. Она была холодной и мелкой, как мыльница, и чувства ее были как раскисшее мыло по краям мыльницы. А что касается воображения, так откуда ему взяться? Не все рождаются с умением мечтать, но тут вопрос – мечты побеждают обреченность или бедность убивает мечты? Есть однако и такие, кто мечтал по незрелости, да по глупости, но с возрастом перестают это делать, так как все равно ничего не меняется, да и тошно!

Кроме ее собственного характера, который был совершенно плоским и невыразительным, ей просто не повезло – она прожила свою молодость при социализме, а это был такой уникальный строй, при котором секса официально не существовало и, следовательно, обучиться искусству обольщения было негде, а, главное, не у кого.

При социализме направляющую и руководящую роль в обществе исполняла не общечеловеческая мораль, и, боже упаси, не христианские заповеди и, конечно, не свобода отношений между полами, а коммунистическая идеология. Миллионам и миллионам людей, составляющим единую советскую массу, многократно повторяя слова классика, внушали догму о том, что все в человеке должно быть красиво. Внушали как броский лозунг, как оболочку без смысла. Советские люди верили этой крылатой фразе, изо всех сил стараясь сотворить из себя этого самого красивого человека. Задача была не из легких, потому как уродливый социалистический быт разрушал все потуги на красоту. Красивыми, конечно, были музеи, Большой и Мариинский театры, парки и сады, но после вылазок в музей или на природу, средний советский гражданин, возвращаясь в свою хрущовку или коммуналку, чтобы не видеть убогости, прятал глаза в себя. В надежде представить себя красивым человеком, многие пили, но, так и не сумев вызвать нужную галлюцинацию, забывались в белой горячке. Люди постарше, помнившие иные времена, держались здравого смысла и за идеалом не гнались. Но молодежь, особенно девушки, продолжали верить, ожидая своего плакатного принца с молодым, открытым и честным лицом, вместо меча, крепко сжимавшего в мускулистой руке рейсфедер, лопату или отбойный молоток. На самом деле, этот плакатный принц был полным вымыслом идеологического отдела тогдашней единственной партии, рекламой ее мифов. Вывеской социалистического реализма, за которой пряталась убогая и пьяная реальность.

Правда также состояла в том, что в семидесятые и восьмидесятые годы двадцатого века, мужчину в Советском Союзе практически истребили как вид. Нет, не физически, как это случалось несколько раз за историю большевизма. В эпоху развитого социализма с ним обошлись гораздо более жестоко, лишив его того, что заложено в мужскую особь самой природой – желания биться за лучшее место под солнцем и за обладание самой привлекательной особью женского пола. Мужчину усреднили, отобрав потребность демонстрировать свою силу и способности. Со школьной скамьи наши мальчишки знали, что, что бы они ни делали и как бы ни старались, потолок своей нищенской зарплаты они никогда не перепрыгнут. Практичные мальчишки мечтали стать военными, которым платили надбавки за службу в медвежьих углах, партработниками, которые легко делали карьеру, и дипломатами, у которых была возможность поехать за границу и, на скопленные деньги, купить «Волгу». Пределом мечтаний непрактичных подростков были такие романтизированные, связанные с риском для жизни профессии, как космонавт, шахтер и милиционер. Совсем уж не закомплексованные отроки мечтали стать шеф-поварами в каком-нибудь ресторане или автомеханиками. Заметим в скобках, что почти во всех советских фильмах директора ресторанов были темными личностями, так или иначе связанными с преступным миром, а в самих ресторанах кормились только спекулянты, воры и разная другая «накись». Тем не менее, когда мальчишки вырастали, многие из них оказывались владельцами такой невнятной профессии, как научно-технический работник. Именно в недрах этого рода деятельности, нивелирование мужской особи происходило особенно быстро.

На свою усредненную зарплату советский мужчина не мог хорошо одеться, купить дорогие часы, одеколон, галстук, туфли, какие-нибудь дорогие вещички, связанные с его хобби, или спортивную машину. Другими словами, он не мог воткнуть себе в хвост пару ярких перьев, которые и отличают самца в природе. Все ходили в буро-малиновых вытянутых свитерах, или в потертых, кое-как сшитых местными фабриками костюмчиками и в стоптанных туфлях. Зубы и волосы считались статьями чрезвычайного положения: ходили к дантисту, когда заболит, а стриглись только по праздникам, поскольку надо было идти на парад или демонстрацию. От советского мужчины, в лучшем случае, ничем не пахло, если не считать обычного запаха залежалости и несвежести, исходящего от его помятого свитера. В худшем случае или обычно, от него разило потом и перегаром. От общей мужской массы не исходило никаких флюидов, за исключением удушающей тоски и безразличия. Удушающей для обоих полов. Привлекать женские особи им было нечем, потому что, как я уже сказала, ярких перьев в хвостах не было. Не было мужчин-любовников, такие русские герои-любовники как Потемкин, а также такие выдуманные персонажи как Вронский, и совсем уж бессовестный Курагин, были не в моде. Никак не сочетаясь с высоко моральным обликом строителя коммунизма, они были раскритикованы и преданы забвению. Ах, нет, поймите меня правильно, были, конечно же, и пошляки, и развратники. Советское общество не было сборищем святых. Развратники были, любовников, увы, не было. По советскому пространству бродили серые самцы и замотанные заботами самочки, на которых с плакатов смотрели белозубые принцы и голливудские красавицы в красных косынках.

А посему, Татьяниной маме обучиться любви, и растормошить свое воображение было негде. После звонка профессора, она впервые в жизни посмотрела на свое дитя оценивающим взглядом. Ни о какой любви она не думала, она думала только о том, как бы пристроить свою ничем не примечательную дочь, свою мышку-замухрышку в теплый и просторный карман университетского профессора. И как потом попроситься туда самой. Не вечно же в библиотеке прозябать за гроши! Она, конечно, понятия не имела о том, что ее девочка была бесконечно одинокой, щепетильной и чувствительной дурочкой, мечтавшей о любви, но страшно боявшейся эту любовь подпустить близко.

Но вот настал четверг. В предзакатных, зябких и немного грустных сумерках, Татьяна сидела на лавочке в Летнем саду. Солнце низко висело над горизонтом, освещая статуи зыбкими лучами, продетыми сквозь желтые и красные листья засыпающих деревьев. «Вот и осень наступила», думала Татьяна. «Впереди долгая, темная холодная зима...»

Пока Татьяна, сидя на скамейке, размышляла о предстоящей зиме без любви, Аркадий некоторое время наблюдал за ней, спрятавшись за толстым стволом дерева. Он любовался картинкой: молодая задумчивая женщина, среди осеннего увядания. Жалко, что Левитан умер, не дождавшись этой женщины с кукольным лицом, с раскосыми карими глазами, с темными волосами, с маленькой, нежной душой, похожей на последний осенний день перед зимой. День без радости, когда уже облетели листья, когда от ранних заморозков пожухла трава, когда солнце встало и тут же зашло, когда все сковано холодом, но еще не укрыто белым пушистым снегом. Когда виден воздух, похожий на дымку, сотканную из тончайших серебряных нитей. Так бы и написал ее, сидящей на скамейке в Летнем саду, скованную серебряными нитями.

- Привет! – Незаметно подкравшись к скамейке, громко и весело выкрикнул Аркадий.

Он был в прекрасном настроении. Его возбуждала необычная, тоскливая и холодная красота молодой женщины, которую он пригласил на свидание. Он пригласил, а она пришла. Он справился о ней на кафедре, вернее узнал ее фамилию, а также кое-что о ее родителях. Потом покопался еще немного для интереса и выяснил, что ее прадед, дед ее матери, был знаменитым масоном в Петербурге. Он женился на молодой, очень красивой и

одаренной женщине, которая писала неплохие стихи и была известна в литературно-богемных кругах. Умерла Татьяна прабабка молодой. Поговаривали, что она зачала от любви, но не к мужу. Объект любви большого значения не имел, главное, что женщины в их роду, слава богу, умели любить.

«Жизнь полна сюрпризов, и кто знает, может и мне сегодня повезет?» - Аркадий полностью избавился от внезапной неуклюжести своего ума, поразившей его во время их первой встречи. К черту смущение и тупость! Он был весел, задорен и свеж, надеясь провести послеобеденное время, а там и вечер, и кто знает, может быть и ночь, соблазняя, побеждая, приручая!

«Не правда ли, - предавался он внутренним своим рассуждениям, - умно поступали на Гавайях? Тысячу лет тому назад, у них хватало ума строить небольшие хижины специально для своих дочерей. Такую хижину дарили девочке, как только ей исполнилось тринадцать. Конечно, только вожди племен могли позволить себе такие подарки. Они поощряли своих дочерей не только узнать мужчину, но и экспериментировать в любовных утехах. Пройдя подобную школу мастерства, девочки делались искусными любовницами».

Аркадию больше всего нравилось слово «эксперимент». Он сам часто экспериментировал. «В те времена и в тех краях, мужчины так и выбирали свою будущую жену, им надо было обязательно знать, что она не только могла иметь детей, но умела порадовать их в постели. Хитрые вожди понимали, что такая дочь – настоящее сокровище и лучшим приданным для будущей невесты станет постигнутая ею наука любви. Увы, в наших краях, добропорядочные женщины, те, на ком мы женимся, не пользуются этой наукой. Считают ниже себя, ошибочно полагая, что быть искусной любовницей прерогатива падшей женщины. Напрасно! Они многое теряют. Могли бы получить все, а так разменивают себя в неприглядной лавке супружеского долга на недолговечные ласки, мелочи и безделушки. Век неумелых жен короток – до первой семейной дразги, а там или разрыв, или жизнь на обочине, откуда хорошо видно мужа, забавляющегося с любовницами. Обоим, и мужчине и женщине, надо стараться, надо постоянно стараться!»

Аркадий раззадорился, чувствуя себя охотником в самом начале предприятия. Когда еще все участники охоты, загонщики, егеря, прислуга толпятся в огромном дворе у дома, когда еще не зазвучал рожок, когда у длинного стола, установленного у входа в особняк, прямо на гравии, допиваешь кофе с коньяком и крендельком. Когда изо рта валит пар, а вокруг царит оживление, слышны громкие шутки и возбужденный смех. Это самое начало охоты, господа. Подстрелишь, не подстрелишь – не знаешь, оттого и нервничаешь. И не подстрелить ведь важно – не годится, в конечном счете, убивать зверушек, а собственная слава покоя не дает. Ради нее и убиваешь.

Точно так же, искусные любовники чувствуют предстоящую радость обольщения. Аркадий чувствовал себя обольстителем, готовым на подвиги, способным преодолеть любые препятствия, сдвинуть горы и растопить девственный лед Татьянинных чувств. Ему представлялось, что сначала он обнимет ее, затем поцелует, она согреется, обмякнет, и как только почувствует осязаемые волны страсти, исходящие от него, напряжется и, пусть неумело, но, все же, ответит на поцелуй. «Такие холодные, неэмоциональные женщины, - делился он сам с собой своими наблюдениями, - обычно становятся самыми лучшими любовницами, умелыми женщинами, которые и в супружестве, и вне его, прекрасно умеют развлекать. Но случается и другое. Пробудившись от спячки, познав всю сладость любовных наслаждений, они становятся отчаянно зависимы, когда от самих наслаждений, а когда и от того, кто их пробудил. Такие рабыни любви немного льстят мужскому эгоизму, но не будят фантазии. А, впрочем, они все похожи на бабочек. Летают себе не воле, шелестят крыльшками, игриво задевая мое лицо, приглашая меня принять участие в любовной игре. Бывает, я соглашаюсь. Игра наша, впрочем, никогда долго не длится. Неизбежно наступает конец. И дело совсем не в том, была ли моя фантазия удовлетворена или нет. Дело в том, что я боюсь остаться с женщиной надолго. Боюсь ей надоесть. Боюсь,

что она меня бросит, поэтому бросаю сам. Жестоко и скоро. Я убиваю своих бабочек, которые только час назад дарили мне свою любовь. Я убиваю тех, кого любил сам, ради своего тщеславия, своей славы «Питерского Чудовища»! А ведь и, правда, чудовище! Может уйти, уйти прямо сейчас, пожалеть ее крылышки?»

- Вы любили когда-нибудь? – звук женского голоса, раздавшийся в тишине, скованной серебряной паутиной воздуха, и сам вопрос, произнесенный этим голосом, прозвучали настолько неожиданно, что Аркадий вздрогнул. До этого оба долгое время молчали, он размышлял, теряя настроение обольстителя, она думала ..., ах, кто знает, о чем она думала? Но, судя по ее вопросу, думали они об одном и том же. Откашлявшись, Аркадий сказал:

- Да. Однажды любил.

Татьяна промолчала, но ее молчание было до краев наполнено удивлением, и она решила не расплескивать это удивление словами. Репутация профессора русской филологии была прекрасно известна даже такой непосвященной малышке, как она. В Университете не просто болтали о «Питерском Чудовище», соблазнявшим женщин, но преувеличивая и приукрашивая его подвиги, нашептывали в углах длинных коридоров, что после акта соития, он пожирал их. Сплетни, достойные Синеи Бороды. Таню передернуло.

- Ты удивлена? Я объясню. Я знал многих женщин. Как говорят итальянцы, mille e tre, что, кроме своего прямого значения «тысяча и три», означает также «неисчислимое множество». Одну из этого множества я любил. Во всяком случае, мне так казалось. Не думаю, что смогу ее забыть. Взрослая, сильная, многоопытная женщина. С фантазией и характером. Ее нельзя было назвать красавицей в том смысле, в каком нас учат понимать красоту. Поверхностно. Несложно. Нам обычно достаточно, если черты лица соединяются в нечто приятное и пропорциональное, а тело, напротив, худое и невыразительное. Она была не такой. Зачем я рассказываю тебе? Часто любовь – довольно тяжелое воспоминание, представь себе, даже для мужчины. Особенно, когда любовь оборачивается ревностью.

Аркадий немного помолчал, раздумывая, стоит ли ему продолжать. Затем, решив, все-таки, рассказать ей свою историю до конца, заговорил снова.

- Видишь ли, иногда я продаю свой голос. Она была актрисой, ее тоже пригласили на радио озвучить книгу. Там мы и познакомились. Сейчас она стоит у меня перед глазами. Я сказал, что она не была красивой. Я соврал, она была необыкновенно хороша. Ее красота была живой, она изменялась каждое мгновение, вместе со словами, переходом от слов к молчанию, переменной освещенности, поворотом головы в профиль или анфас. Достаточно ей было опустить веки или сощуриться, поправить волосы, засмеяться, повернуть голову, нахмурить лоб – и мужчины сходили с ума. Ее меняющееся лицо, ее ощущения и чувства напоминали постоянно вертящийся калейдоскоп. Бывало, у меня кружилась голова. Моя любимая была восхитительно чувственной женщиной. Высокая, стройные ноги, полные груди, густые, иссиня-черные волосы, карие, насмешливые глаза, полные, влажные губы, низкий, немного грубоватый, с хрипотцой, голос. Она завораживала своим голосом, как морская сирена. Была немногословна, поэтому каждое ее слово было ценно и радостно. Она не орала, не скандалила, не упрекала, она постоянно ускользала. Загадочное морское существо, ее трудно было изловить, а, изловив, я не спал ночей, все думал, какие условия создать этому существу, чтобы оно выжило, а потом и прижилось совсем. Осталось со мной. На нее все обращали внимание. Она жила, на глазах у всех цвела, потом увядала, потом снова распускаясь. Необыкновенный женский тип для наших широт. Слишком яркий, слишком заметный. Она говорила, что среди ее предков были итальянцы. По материнской линии тот самый музыкант и композитор Сарти, что сопровождал Екатерину в Крым со своим оркестром. Некоторое время мы жили вместе. Потом она ушла.

- Почему? – отважилась на вопрос Татьяна.

- Не знаю. Может быть, она испугалась. Наша страсть становилась

неуправляемой, слишком опасной. Мы приносили себя в жертву нашим безумствам. Мы мстили друг другу за то, что требовали друг от друга несбыточного и не могли удовлетворить эти требования. Оставаясь со мной, она хотела быть свободной, я же хотел, чтобы она принадлежала только мне и постоянно была подле меня. Я был дураком. Таких женщин нельзя приручить, сделав пугливыми домашними хозяйками. Ведь на сцене ее целовали другие мужчины, ее любили короли, ее казнили, она умирала, за кулисами воскресала и любила того, с кем познала триумф на сцене в тот вечер. Любила того, кто помог ей стать звездой на час, на время премьеры. Со мной она отдыхала, проводила время между спектаклями. Я же хотел, чтобы она умирала и воскресала в моих объятиях, любила страстно только меня, называла только меня своим королем. Мне хотелось, чтобы интрига ее жизни вилась исключительно вокруг меня. Ты понимаешь, что я говорю? В общем, эта бабочка не стала украшением моей коллекции.

- Бабочка?

- У меня есть коллекция бабочек. Но это не важно. А ты любила?

Татьяна была смущена. Она не знала, что сказать не потому, что стыдилась разговоров о любви, а потому, что не знала, что такое любовь. Она, несомненно, должна была любить своего отца, но его она плохо помнила. Впрочем, его короткое бытие в их семье, а потом бесконечное небытие, окутывала тайна, а любая тайна всегда волнует женское сердце. Она тосковала по отцу, как недостающей составляющей любой нормальной семьи. Фигура отца в ее не созревшем сознании проецировалась на любого мужчину, проходившего мимо, сидевшего рядом в метро, читавшего лекции в Университете или игравшего заглавную роль в какой-нибудь трогательной мелодраме. Одним словом, не очистившись от невысказанной обиды на того, кто зачал ее, а потом бросил, Татьяна не подпускала других парней и мужчин к себе, будучи уверена в том, что никто из них не сможет ее полюбить, и, тем более, не сможет любить ее всегда.

Предательство ее отца испугало ее на всю жизнь, отравив виной за чужое преступление. Подсознательно она отвергала кабалу мужчин и кабалу любви. Попадешь в такую кабалу, и не избежать тебе ни обид, ни боли, ни предательства. Зачем же добровольно вступать на дорогу, изрытую женским стыдом и унижением? Зачем соприкасаться с другими людьми, а, тем более, с мужчинами? Что же такое любовь, в конце концов?

- Я целовалась, - неохотно призналась она.

- Ну и как? Понравилось? – усмехнулся Аркадий.

- Нет.

- Что так?

- Было противно.

- Первым поцелуям обычно не хватает или опыта, или любви.

- Чужой мужчина ни с того ни с сего начинает мусолить твои губы. Что в этом хорошего?

- Если дошло до поцелуев, значит не совсем чужой, - весело констатировал Аркадий.

- Чужой. – Татьяна выглядела более замкнутой и упрямой, чем когда-либо с начала их короткого знакомства.

Спросите любого мужчину, и он вам признается, если хватит ума и смелости, что вряд ли найдется такая женщина, разговор с которой ему был бы не в тягость, не интересуй она его, прежде всего, как женщина, а уж потом как собеседница. Татьяна интересовала Аркадия как редкий тип недоразвитой женщины, не имеющей понятия ни о собственной женственности, ни о красоте своего невыразительного личика, ни о своих закономерных, заложенных природой желаниях. Прямо Мауглина какая-то, как будто выросла в джунглях. Да и то, сказать, в джунглях, в зверином царстве, все обо всем в назначенный час узнают от природы. Какое-то незрелое, испуганное существо! Неужели она книг не читает? Не смотрит телевизор на худой конец? Или у них нет телевизора? Неужели она не

догадывается о том, что любовь – это то, что заложено в нас богом, и что любви не избежать? Чего она боится?»

От нечего делать, Аркадий был полон решимости влюбиться в это апатичное существо. Ему казалось, что этой незрелой женщине он может верить: не зная, как любить, она не сумеет и предать. Но тут не то, что намек на любовь, тут даже разговора никакого не получается! Не разгорается разговор, не бежит огонек по тротиловой ниточке и не взрывается пороховая бочка слов. Уста неискушенной девочки остаются немногословными, а произнесенные слова – почти лишенными смысла.

«Ладно, - подумал Аркадий, - для нее все чужие навсегда. Она живет на планете чужих людей. Надеюсь, она не душевнобольная. Озлившаяся душевнобольная. Ишь, ты, сказала, что поцелуй – это когда мусолят твои губы! На что она злится? Просто защищается от возможной новой обиды, охраняет себя от боли, хочет, чтобы дурное прошло стороной. Если я поцелую ее сейчас, она уйдет. Или снова потеряет сознание. Или расплачется».

Хотя у Аркадия на душе и скребли кошки, он все же решил на некоторую интимную дерзость: развернувшись, он уже хотел обнять Татьяну за плечи, но та поднялась с лавочки и стала перед ним в нерешительности, неподвижная и прямая, в своем коричневом поношенном пальто с большими круглыми пуговицами. Постояв немного, она засунула руки в бесформенные, отвислые карманы. Она также крепко зажмурила глаза. Через плотно закрытые веки проникал сиреневый свет. Она больше не видела некрасивого лица мужчины, позвавшего ее на свидание.

Быстро темнело. Воздух наполнился влагой и мерзким ползучим холодом, проникшим в самые кости. Аркадий тоже поднялся, и оба быстро зашагали к парковке, где он оставил свою машину. Он хотел отвезти ее ужинать в «Дворянское гнездо», ресторан, находившийся неподалеку от Мариинского театра. Ему нужно было произвести на нее впечатление. Мысли насчет того, что у нее ума не хватит оценить увиденное, его не тревожили. Обучение всегда начинается с первого шага.

Да, пусть этим первым шагом будет именно «Дворянское гнездо», а не какая-нибудь забегаловка за углом, где вместо кофе подают коричневые помои из семечек. Ресторан был расположен в чайном павильоне Юсуповского дворца, вздохавшего тенями прошлого. Стоило Стасову переступить порог дворца, как драматические события, происшедшие здесь почти столетие назад, начинали неизменно волновать его. Именно сюда в ночь с 16 на 17 декабря 1916-го года, князь Феликс Юсупов заманил Распутина.

Вероятно, Распутин отдавал себе отчет в том, каково было его положение в тогдашнем Петербурге, понимал, что зашел слишком далеко, что залез в политику и, довольно неумело и нагло, используя свое положение фаворита, орудует там. Знал, что почти вся Россия стихийно ненавидит его, поэтому, боясь покушений, он осторожничал. Но, тут, принарядившись в голубую рубаху, вышитую васильками, Григорий все-таки поехал к Юсупову. Вы спросите, где же его знаменитый дар предчувствовать и предвидеть? Говорят, он доверял Феликсу, потому что испытывал к нему нежные чувства. Распутин, разрекламировав себя целителем, «врачевал» Юсупова от легочной болезни, заодно потакая его ненавязчивому гомосексуализму. Впрочем, для верности, граф решил использовать в качестве наживки не только себя самого, но и свою жену. Поэтому, во время сеансов, он рассказывал Распутину интимные подробности о своей жене. Сибирский мужик слушал Юсупова и верил, что графиня Ирина будет дожидаться его во дворце.

Однако графини во дворце не оказалось – с верхнего этажа звучали голоса других женщин. Распутину пригласили в столовую – небольшую, уютную, только что заново отделанную комнату. Здесь он ждал, не ведая о том, что Ирины нет не только во дворце, но и в самом Петербурге. В последнюю минуту она струсилась, отказавшись участвовать в заговоре, и осталась в Крыму. Коротая время, Григорий слушал песни, которые пел для него, аккомпанируя себе на гитаре, Феликс, пил вино и не ел пирожных. Знал ли он, что пришел и ожидает не женщину, а собственную казнь?

Убивали сибирского мужика долго, кошмар длился более двух часов. Первоначальный план был прост – Распутина решили отравить. Кристалликами цианистого калия начинили маленькие пирожные – крохотные птифуры, яд также растворили в вине. Не учли, правда, что Распутин держался определенной и строгой диеты – не ел сладостей и мяса. Поэтому вина он выпил, а от пирожных отказался. «Слишком сладкие», - сказал он. В вине же яду оказалось не достаточно. Впрочем, как может цианистого калия быть не достаточно? Уж почти целое столетие любопытствующие и непосвященные задают себе один и тот же, полный необъяснимой тайны вопрос: почему Распутин не брал яд?! Видят в этом мистику и проявление потусторонних, сверхъестественных сил. Многие об этом писали, на все лады растолковывая и разъясняя. И все же, ответ до сих пор до конца не ясен.

Как бы там ни было, Распутин никак не умирал. Князь Юсупов решил Распутина застрелить и выстрелил, и, кажется, убил. Но, когда заговорщики, отпраздновав событие, спустились снова в столовую, труп ожил. Не только ожил, но и стал карабкаться по ступенькам и, даже, выбежал во двор. Второй заговорщик, депутат Пуришкевич, был известен тем, что произнес в Думе свою знаменитую речь, в которой были следующие слова: «...Теперь я нарушил этот запрет, чтобы дать докатиться к подножью трона тем думам русских масс и той горечи обиды русского фронта, в которые его поставили царские министры, обратившиеся в марионеток, нити от которых прочно забрали Распутин и императрица Александра Федоровна – злой гений России и царя... оставшаяся немкой на русском престоле... чуждая стране и народу...». Так вот, Пуришкевич, видя, что Распутин всего лишь ранен, начал стрелять, но с расстояния в несколько шагов, промахнулся.

Внезапно, посреди суматохи, отчаяния и паники, раздались два прицельных выстрела – один в спину, второй в голову Распутина. Эти выстрелы были сделаны третьим заговорщиком – внуком Александра II, двоюродным братом Николая II, флигель-адъютантом, штаб-ротмистром лейб-гвардии Конного полка, участником Олимпийских игр в Стокгольме и близким другом Феликса Юсупова, великим князем Дмитрием Павловичем Романовым. После этих выстрелов, можно было надеяться, что Распутин был окончательно мертв. От тела решили избавиться, бросив его в ледяную воду Малой Невки. Ко всеобщему удивлению, сибирский дьявол все еще дышал, пришлось его утопить и только тогда, наконец, казнь была совершена. При вскрытии в его легких нашли воду, а это значит, что он был жив даже после выстрела в голову.

Стасов думал о том, что необъяснимая до сих пор мистика, присутствовала не только в смерти Распутина, но, что гораздо важнее, в сыгранной им поистине исторической роли. Этому исчадию ада удалось перевернуть судьбу целой огромной империи. И, все же, Стасова привлекал не Распутин. Для него оставалась загадкой другая судьба. Судьба Великого князя, на жизни которого судьба вышила яркий узор, но с самого начала вплела в этот узор несколько оборванных нитей.

Дмитрий Павлович Романов был для Стасова, несмотря на временное расстояние, близким человеком. Аркадий обладал живым воображением и пронзительно ощущал свою причастность к чужим судьбам. Романов был поразительно красив и статен, у него были большие, печальные зеленые глаза. Он не был неудачником, он не был глуп и слаб, напротив, у него был блестящий ум, выдающийся характер и недюжинная воля, но судьба не дала ему осуществить то, для чего он был годеи и готов.

Вырос он без матери и отца. Его мать – дочь греческого короля, Александра Георгиевна, умерла во время родов. Ей был всего двадцать один год. Его отец, Павел Александрович, скоро вновь женился, выбрав в жену не Великую княжну, как подобает, а женщину со стороны. Сочтя этот союз мезальянсом, Павла Александровича лишили права воспитывать детей от первого брака. Так, Дима и его старшая сестра, Мария, оказались в доме бездетного дяди Сергея Александровича Романова и его жены Елизаветы Федоровны. Великий князь Сергей нежно любил своих племянников, но все закончилось в тот

февральский день 1905-го года, когда он погиб от разорвавшейся на площади бомбы, подложенной русскими террористами.

Коко (Габриэль) Шанель, сделавшись любовницей Дмитрия Романова, как-то заметила: «Принцы крови всегда вызывали у меня безмерную жалость. Их ремесло, когда они его исполняют, - самое грустное из всех возможных; но еще хуже, когда они не могут исполнить его». Да, так вот, о его ремесле... Один из заговорщиков, Пуришкевич, взял вину за те два метких выстрела на себя, потому что «руки царственного юноши не должны быть запятнаны кровью». Честь Великого князя берегли, поскольку у него был шанс, в случае переворота, занять престол. Посадить же убийцу на престол не представлялось возможным. Хотя, почему? В истории Романовых уже было такое. Вспомните ту же Екатерину II, избавившуюся от мужа, и того же Александра I, избавившегося от отца. У Дмитрия Романова, как и у двух других представителей династии Романовых, правивших до него, были все основания хотеть избавиться от того, кто позорил семью и был причиной раскола в империи.

Имена виновных стали известны на следующий же день после исчезновения Распутина. Несмотря на то, что Юсупов и Пуришкевич сделали все, чтобы участие Дмитрия Павловича не раскрылось, Николай II и его жена узнали об этом и были в ярости. Александра Федоровна всегда боялась бунта романовской молодежи, а Николай II боялся того, чего боялась она. Из всех заговорщиков, Великий князь Дмитрий понес самое жесткое наказание – его выдворили из страны, в то время как Юсупова сослали отбывать наказание неподалеку, в собственную деревню. Дмитрия выслали в Персию, на Кавказский фронт, под пули, затем был Британский экспедиционный корпус, проводивший боевые действия в Месопотамии. Судьба улыбнулась князю, он выжил. Выжил только потому, что был выслан из страны. Большевики до него не добрались. Он умер позже, в Швейцарии, в Давосе, 5 марта 1942-го года. Приехав лечиться туда от туберкулеза, он скоропостижно скончался от осложнения. Ему было всего 52 года.

Стасов часто спрашивал себя, в чем было везение и невезение этого столь замечательного человека? Его невезение состояло в том, что не он оказался монархом в срывающейся в пропасть империи. Реши судьба по-иному, Россия могла бы прожить иную жизнь, а, если так, то и весь мир был бы другим. Его везение заключалось в том, что он выжил во время и после большевистской революции. Впрочем, был ли он счастлив, постоянно ощущая свое бессилие? Бессилие несомненно волевого человека, который мог бы быть, но не стал спасителем России...

Недолгий роман с Коко Шанель был приятен, но не более. В то время, как Коко возила его по французскому побережью, развлекаясь с ним на виллах, в надежде забыть своего предыдущего любовника, он, не имея денег, оплачивал их беззаботную жизнь, одаривая ее царскими драгоценностями, которые удалось вывезти из России. Позднее, ни женитьба на богатой американке, ни рождение сына не сделали его огромные печальные глаза счастливее.

Аркадий вздохнул и вернулся к действительности. Призраки прошлого снова завладели его воображением. Он слишком часто позволял им уводить себя в российское былое. Сейчас он извинится за свое молчание и начнет рассказывать своей спутнице о Юсуповском дворце, куда намерен ее отвезти. Там подадут самое лучшее шампанское и свежайших устриц, доставленных самолетом из Франции. Он был совершенно уверен, что его хрупкая, изящная, испуганная, неискушенная молоденькая подруга никогда раньше не бывала в подобном месте. Только бы она не испугалась скользившей по стенам тени сибирского утопленника! Но, скорей всего, Таня ничего такого не увидит. Эти страшные истории, ставшие уже легендами из минувшей жизни, не для нее. Она слишком молода и слишком невинна. Как ей понять, что если бы столетие назад, Дмитрий Павлович оказался на месте своего двоюродного брата, в России и в Европе были бы сохранены миллионы жизней! Вот вам оборванные ниточки...

Аркадий бросил взгляд на Татьяну. Та, сидя на переднем сидении, тряслась в ознобе. Ей было холодно и нервно. Включенные обогреватели не помогали. «Ничего, в ресторане согреется. Выпьет шампанского и все пройдет. Посмотрит на мир другими глазами!», - Аркадий остановил машину, вышел и открыл Татьяне дверцу.

Занавес опустился после премьеры очередного дня. Каждый день в нашей жизни – премьеры, не так ли? Дни не похожи. Похожи годы, съедающие нашу жизнь быстро и безжалостно. Каждый год обещает быть лучше, но обманывает нас, крадя у нас кусок нашего бытия. Годы обкрадывают нас, сопровождая по дороге – каждый на своем отрезке – от света к мраку.

Итак, наступил вечер. В ресторане было тепло, ярко горели хрустальные люстры. Суетились официанты. Люди пили шампанское.

Усадив Татьяну за столик и устроившись напротив, Аркадий заговорил.

«Зачем он говорит? – подумала Татьяна, - Что он вообще от меня хочет? Что потребует за ужин в таком месте?» Озноб не проходил. Она согрелась, но теперь ей было страшно. Она не хотела ни наслаждаться, ни платить за это вывернутое наизнанку наслаждение. Она не хотела платить, потому боялась и наслаждаться.

Аркадий рассказывал ей про устриц. Где их вылавливают, да как их нужно есть, дошел даже до того, что вспомнил, как Стива Облонский гурманил устриц за обедом в тот день, когда повздорил с Долли и встретил Левина.

- И под устриц обязательно холодное сухое шампанское! – заключил свой кулинарно-литературный монолог Аркадий.

- Я не буду устриц, – отказалась Татьяна.

- Почему же? – удивился Аркадий. – Не бойся, я тебя научу, или нет, сам открывать раковины буду, а ты только губками захватывай, жуй да глотай. Обещаю, тебе понравится.

- Я не буду устриц, – повторила Татьяна. Выглядела она одновременно жалко и упрямо.

- Что же ты будешь? – не унимался Аркадий. Он-то собирался расслабиться, поэпикурействовать, осветить путь к удовольствиям некоторым пуританствующим девицам. Ну-с, кажется, вечер пропал. Он был на грани скуки. Но какой же он наставник, если не может убедить, заставить, в конце концов!

- Яичницу.

- Что, яичницу? – Аркадий даже не понял поначалу. – Ох, Таня, нет, не надо яичницы! Ну, не хочешь устриц, закажи хоть курицу по-охотничьи. Кусочки курицы, тушеные с грибами, а сверху куриная печенка с пылу с жару, вроссыпь со свежей зеленью. Ах, как вкусно!

Татьяна молчала. Аркадий подумал, что ничего ему сегодня не перепадет - ни поцелуя, ни обещания. Она не верит ему. Женщина, полагающаяся в выборе блюд на вкус мужчины, пригласившего ее в ресторан, тем более, если она в этом ресторане раньше никогда не бывала, уже практически завоевана этим мужчиной. Она доверяет мужчине и хочет разделить с ним трапезу на его вкус. Она игрива и податлива. Она восхищается своим спутником, хвалит еду, пробует самые лакомые кусочки, предлагаемые им на кончике вилки, смеется, пикируется с ним словами, пьет шампанское и все пуце веселеет. «Она», эта так хорошо знакомая «она» из прошлых дней Аркадия, ела устриц из его рук и получала удовольствие! Эта же молчит. Может быть, все слишком сложно для нее.

- Ну, хорошо. Закажи тогда Пожарских котлет.

- Ладно, пусть будут котлеты, - согласилась Татьяна.

- И, конечно, мы будем пить шампанское! За знакомство!

- Хорошо. Только немного.

Она устала от его настойчивого голоса, забивавшего, как ватой, густым баритоном ее уши, от его уродства, лезшего ей в глаза. «Что он хочет от меня?» - пыталась догадаться испуганная девочка.

«Она – неважная компания», - думал мужчина, уставший возиться с душевнобольной.

Почему Аркадий думал о своей спутнице как о душевнобольной? Душевнобольные ведь не всегда сумасшедшие. Когда человек не воспринимает адекватно окружающую действительность, говорят, что он сошел с ума или лишился рассудка. Совершенно справедливо, разлад в таких случаях надо искать в нашем разуме, сошедшем частично с положенного места или покинувшего это место вовсе. Однако душевнобольные больны не разумом, а душой. Придя в этот мир, они не встретили любви, и, не познав любви, заболели душой. Любовь, как молоко матери, питает иммунную систему души нашей, предохраняя ее от недугов. Любовь, вливая в нас силы, помогает нам справиться со страхом перед огромным и глубоким океаном, который мы называем нашей жизнью. Нам надо не только выскользнуть из материнской утробы, но повзрослеть и выжить в этом океане. Таня, наша героиня, без любви была больна душой. «Она упрямый ребенок, - размышлял Аркадий. – Разогреть ее душу все равно, что приручить щенка, которого били, били, ломали ему кости, и бил такой же, как и ты, с обличьем и запахом человека. Попробуй и заставь его поверить в то, что ты не причинишь ему вреда, а, напротив, будешь любить. Он и понятия не имеет, что такое любовь. Потребуется время, терпение и нужно любить насильно, как иногда насильно кормят, чтобы собачонка поверила. Ну что, возиться или нет?». Аркадий внимательно посмотрел на кукольное личико Тани – в нем было много грусти. «Я видел много страсти за свою жизнь. Немного грусти мне не повредит, а ей не повредит немного любви. Однако, что же я буду делать с ней после того, как приручу?».

- Ты любишь музыку? – спросил он.
- Да, люблю.

Татьяна потягивала шампанское из длинного хрустального бокала. Она морщила носик, с удивлением наблюдая маленькие быстрые пузырьки, бежавшие со дна бокала кверху, к свету, к ее смешному, недоуменному личику.

- Вот и хорошо. После ужина поедем ко мне. У меня прекрасная коллекция пластинок. Послушаем.

Татьянины глаза вспыхнули стыдом и уставились поверх бокала на Аркадия. «Я все же должна буду заплатить за этот ужин», - приговоренно подумала она.

Аркадия ошеломил этот многоречивый взгляд поверх бокала, но он сделал вид, что не заметил его. Ничего! Щенка ведь тоже силой волокут домой. И силой заставляют учиться любви.

Татьяна больше не смотрела по сторонам. Не любовалась внутренним убранством «Дворянского гнезда». После первых глотков шампанского ее вроде бы отпустило, уродство ее спутника немного растаяло и она уже, было, поверила в то, что после ужина он проводит ее до остановки, и она поедет домой. Обрадовавшись, она даже решила повертеть головой, оглядывая великолепие стен и потолка. Но теперь, теперь все кончено. Его уродство и злодейство разыграло вместе со скрипачом и ударило ей в душу. Она замкнулась в своей скорлупе, простонав внутри себя: «Ну, говорила же тебе, не вылезай, не вылезай! Чуть вылезла и вот, на, получай!» На глаза у нее навернулись слезы. Аркадий смотрел на нее с насмешливым любопытством. Щенки тоже скулят первую ночь в незнакомом месте. Обойдется.

Глава 5.

Просторная квартира, где Аркадий жил со своей мамой, находилась на улице Декабристов, неподалеку от Мариинского театра. Елена Федоровна не докучала своему взрослому сыну своим присутствием или советами, существуя под одной с ним крышей незаметно. Пенсия, которую она получала после смерти своего мужа, большой шишки в кремлевско-партийных кругах, позволяла ей ощущать себя материально независимой. Свое время она тратила на своих престарелых интеллигентных друзей, у которых часто бывала, на посещение могилки своего покойного мужа и на близлежащие магазины, куда время от времени отправлялась за продуктами или обновкой к празднику.

Если Елена Федоровна проводила дни дома, то всегда на своей половине – слава богу, их большая квартира позволяла такую роскошь. И все же, она не могла не замечать темные силуэты незнакомок, мелькавших в их коридоре, не могла не видеть забытую помаду или флакончик духов на полочке в ванной комнате. Она не злилась на то, что незнакомок было так много. Она злилась на то, что ни одна из них не задерживалась. Ее часто посещали невеселые думы и свербящее чувство вины. Корила она себя за то, что родила такого некрасивого сына, настоящее чудовище. Ей казалось, что именно из-за его отталкивающей внешности, ни одна женщина не задерживается подле него надолго. Увы, они не могут полюбить ее чадо, потому что не могут свыкнуться с его ужасными чертами и неуклюжим телом. Елена Федоровна не подозревала, что ее сын и есть чудовище, но в другом, совершенно противоположном смысле, что он пользуется у женщин небывалым успехом, что стоит ему захотеть, как завтра же, любая из тех, что мелькала своим силуэтом в коридоре, не просто пошла бы, а побежала бы с ее сыном под венец. Ее Квазимодо был бесконечно ей дорог и, поэтому, она пыталась извинить его разбросанную жизнь, оправдывая его распущенность и даже, прости, господи, развращенность, его неуверенность и низкой самооценкой. Ей хотелось поговорить с ним, и как любящей и мудрой матери, лишний раз напомнить ему, что у него доброе сердце и прекрасный ум. Неужели женщинам этого мало?!

Аркадий нежно любил свою мать, но много с ней не говорил. Так, о погоде, да о самочувствии. Избегая частых и душевных бесед со своей мамой, он избегал, как ему казалось, ее упреков. Он стыдился и мучился оттого, что никогда не сможет подарить Елене Федоровне той радости, которую испытывают бабушки, нянчась со своими внуками. Храня свое желание стать мужем и отцом про себя, на людях он продолжал появляться в ипостаси Питерского Чудовища - заядлого коллекционера и закоренелого холостяка.

Открыв ключом дверь, Аркадий сразу же провел Татьяну в свою комнату. Его обитель была просторной, но темной, на мебели лежал толстый слой пыли. Комната редко проветривалась, тяжелые шторы никогда не раздвигались. Очевидно, жизнь протекала в ней, в основном, в темное время суток. Под ногами тяжело вздыхали забитые пылью ковры. Везде были понаставлены дорогие подсвечники с толстыми обгоревшими свечами.

На стенах с темными обоями висели маски – свидетельство о дальних странствиях хозяина; в углу комнаты стоял сломанный клавесин, приобретенный в антикварном; на полках книжного шкафа были разложены застекленные ящички с прищипленными бабочками-красавицами. В комнате было полно книг, некоторые из них, не уместившись в шкафу, высились неаккуратными стопками на полу у дивана и кресла. У стены стоял широкий, разбитый диван, застеленный клетчатым пледом. На кресле, из-под кучи брошенных рубашек и свитеров выглядывала скрипка. В коробках, рядом с дорогим проигрывателем, теснились сотни пластинок, но только около десятка валялось поверх коробок. Видимо, их часто слушали.

Приводя в свою берлогу женщин, Аркадий, уверенным жестом знатока, добавлял в их и так уже размягченное сознание еще одну, последнюю каплю яда. Проигрывая в основном одни и те же шлягеры, он прекрасно знал, что незамысловатые, но проникновенные мелодии создадут настроение, еще больше расслабят или, напротив, возбудят, окончательно освободив от оков смущения. Иногда он сам играл на скрипке. Для избранных. Для тех, кто не поддавался соблазну томных мелодий. Конечно, всегда зажигались свечи. Разбитый диван стонал под напором подпрыгивавших на нем тел. Плотные шторы, храня любовные тайны, полные восхитительного порока, отгораживали от внешнего мира, укрывали от любопытных глаз. Эта темная комната была лабораторией плотской любви, в ней витали совсем недавние воспоминания сладостных утех и предрассветной утомленной неги. Потеряно и неподвижно стоя посреди этой одушевленной грехами и соблазнами комнаты, Татьяна снова ощутила дрожь внутри, голова ее шла кругом, из самых сокровенных уголков души поднимался протест. Она спросила, как пройти в ванную комнату. Там, открыв кран с горячей водой, она подставила ладони под обжигающую струю. Ей надо было обрести себя в огромном и глубоком океане, поняв, что она не утонула, а еще жива, хотя и очень одинока. Вероятно, она утонет в самые ближайшие минуты, а на помощь прийти некому. Она подняла глаза и посмотрела на себя в большое зеркало. Лицо ее было бледнее обычного, оно даже стало слегка зеленоватым. Немного в этом была повинна лампа дневного света, но, в основном, конечно, ее нерадостное внутреннее состояние. От утопленницы не отличишь. Утопленница пялилась на Татьяну из зеркала своими карими испуганными глазами.

- Что я здесь делаю? – тихо спросила Таня.

Утопленница не ответила.

На полочке под зеркалом Таня увидела тюбик помады, тушь для ресниц и начатый флакон духов. В ней тут же разыгралась непонятно откуда взявшаяся ревность. Ей было невдомек, что за неведомое чувство вызывает в ней такую гадливость, и она с неприязнью глядела на красивые и дорогие безделки, принадлежавшие другой или другим женщинам.

Откуда ей было знать, что мужчины редко когда выбрасывают такие вот доказательства одержанных ими побед. Каждый раз, когда они бредутся, они обозревают музей своих трофеев, лишний раз потрафляя своему самолюбию вкупе с честолюбием. Кажется, что лучше бы от этих вещественных доказательств избавиться, но нет, их хранят. Жалко расставаться с пустячными трофейчиками, потому что они навевают воспоминания. Стоя перед зеркалом в ванной комнате с бритвой в одной руке и помазком – в другой, мужчины видят себя с жезлом, скипетром и воображаемой короной на голове, украшенной драгоценными камнями из одержанных ими побед.

Таня осторожно взяла в руки помаду и сняла крышечку. Заглянув внутрь, она увидела красный жирный язычок. Ей еще ни разу ни приходилось покупать косметику, но она слышала, как на переменках между лекциями, девчонки болтали о жидкой пудре, губной помаде и туши для ресниц. Они называли разные фирмы, хвастаясь друг перед другом своими приобретениями. Эти девчонки были, по мнению Татьяны, страшно предприимчивыми и невероятно красивыми. Их губы, их глаза... одним словом, ей вдруг показалось, что их раскованность происходит от внешности. Чем ярче, тем бесстрашнее! Черные ресницы распахивают душу, а алые губы придают дебютантке больше дерзости.

Дрожащими руками Таня начала красить губы. Затем, отложив помаду, она нанесла тушь на ресницы. Тушь немного размазалась вокруг глаз из-за того, что дрожали пальцы, но не беда. Таня не стала вытирать. Результат получился ошеломляющим. Ее полные маленькие губы на белом лице и черные шелковые ресницы, покрашенные во всю длину, сделали ее яркой и соблазнительной. Она была невинно красивой, а стала красавицей, в чертах которой неожиданно вспыхнула зрелая чувственность. Вероятно, на психику Татьяны еще оказывало действие выпитое в ресторане шампанское, и она, стянув резинку с

волос, растрепала их растопыренными пальцами. Она видела, как это делали ее сокурсницы перед зеркалом в туалете. В ней что-то проснулась и затрепетало. Воспользовавшись чужой косметикой и разрисовав себе лицо, она вдруг поняла, что испытывает небывалое радостное возбуждение оттого, что нарушила свое привычное сдержанное поведение. Как у маленькой девочки, ожидающей наказания за совершенный проступок, почти преступление, у нее захватывало дух, и она совсем не была уверена, что хочет выйти из своего убежища. Тем не менее, она заставила себя тихонько приоткрыть дверь ванной комнаты и, также тихо, пошла по коридору туда, где находилась «лаборатория любви».

В комнате Аркадия горели свечи, проигрыватель крутил пластинку с музыкой Поля Мориа*, на журнальном столике дымились чашечки с душистым кофе. Все это было пошло и так не сочеталось ни с ее новой внешностью, ни с ее смелой радостью по поводу этой внешности. На ее глаза с тяжелыми ресницами набегали слезы, а желудок сжался в тугую узел. Нет, она не переварит этот вечер! Не сможет!

Аркадий в недоуменном изумлении смотрел на ослепительное видение. Он был в растерянности: его неискушенная душевнобольная превратилась в одну из тех, кого он уже любил на своем шатком диване. Молоденькая гейша, стоявшая перед ним была просто создана для того, чтобы радовать глаз мужчины, вызывая желание. Пропало чувство диссонанса, отчуждения, чего-то непонятного и, следовательно, таинственного и хрупкого. Вместе с алыми губами исчезла и загадка. Накрасив губы и ресницы, Татьяна раскрыла себя, преподнесла свою сущность на ладони. Она такая же женщина, как и все остальные.

Пока Аркадий разглядывал ее, Татьяна сделала несколько неуверенных шагов по направлению к дивану. Сесть больше было некуда – единственное кресло было завалено одеждой.

«Как, она сама?» - пронеслось в голове у Аркадия. Он подбежал к ней и, на полпути к дивану, обнял и крепко поцеловал. В этот поцелуй он вложил весь свой пыл и весь накопившийся опыт.

- Тебе понравилось? – спросил он хриплым от обуявшей его страсти, голосом. Он знал, что такой поцелуй для его «бабочек» был некой пограничной чертой, что разделяла эту комнату и тот сладкий и грешный мир, откуда не насытившись, не возвращаются. После такого поцелуя гасят свечи, на ощупь сдирают друг с друга одежду, нетерпеливыми и беззастенчивыми руками изучают незнакомые тела, и валяются на диван. Слепнут, млеют, дуреют и улетают.

- Нет, - успела сказать Татьяна прежде, чем ее вырвало на клетчатый плед, расстеленный на диване.

Аркадий был обескуражен, и, в то же время, зол. Татьяне было очень, очень, очень стыдно.

Он посмотрел на нее с жалостью. У нее стучали зубы.

Он предложил отвезти ее домой в своей машине. Она наотрез отказалась. После нескольких неловких, молчаливых и наигранно предупредительных моментов в прихожей, когда он подавал ей пальто, а она натягивала сапоги, они вырвались, наконец, на свежий холодный воздух. Для обоих этот воздух означал свободу. Свободу от невыносимых человеческих отношений. Оба прятали свои лица в клубы пара, вырывавшихся из их ртов.

- Что случилось? – спросил Аркадий, срывающимся от быстрой ходьбы голосом.

Ее маленькие ладошки были сжаты в кулачки, ее душа скулила от обиды. Ей было очень нужно, чтобы ее любили. Она молчала, не желая отвечать на его вопрос грубостью, и тем более, не хотела выдать свою обиду. Таню душили слезы. Ей хотелось разнести на мелкие кусочки пол-улицы и Мариинский театр. Странно. Раньше она предпочла бы спрятаться под одеялом.

Аркадий не сомневался в том, что был виноват. Снова. Неужели он так плох? Что ж с ней все так не ладится? Не исчезает эта фальшивая нота, а правильную мелодию ему никак не удастся подобрать! Он хотел подарить ей любовь, обогатить знаниями. Почему она отказывается? Почему не воспринимает? Отторгает его, как тело отторгает чужеродный орган? Возможно, такое у нее происходит только с ним? Господи, неужели он так неправилен для нее? А кто правилен? С кем она была до него? «Целовалась!». «Не понравилось!». Да ни с кем она не была и мужчин не знает совсем! В этом он готов был поклясться. Может быть, его внешность? Может быть, ее выворачивает наизнанку от его уродства? Ну, тогда она просто посредственность. Надо ведь уметь видеть душу, ум, щедрость. Но она ничего не желает видеть. Не умеет, что ли? Они ведь и двух слов не сказали. А если что и сказали, то все было не тем, чем надо, ерундой было. Что она видела? Оплавленные свечи да задернутые тяжелые шторы? Его готовность номер один? «Ах, дурак, я дурак, мать твою!». Аркадий резко остановился и дернул Татьяну за руку.

- Кто обидел тебя? Чего ты боишься? – его голос был жестким и требовательным. – Отец? Кто другой?

Таня молчала.

- Прости меня. Я не хотел тебя обидеть. – Он смотрел на ее лицо с размазанной губной помадой, и его душу заполняла нежность, грусть и настоящая влюбленность. Он не смог бы выразить словами наполнявшую его радость, нелепое и такое приятное чувство, возникшее оттого, что перед ним стояла она, обиженная душевнобольная с накрашенными ресницами, так не похожая на других женщин. – У тебя есть братья или сестры?

- Нет. Я одна. – Ей не хотелось продолжать разговор, ее глаза сделались пустыми и грустными.

- Где твой отец? – Аркадий настаивал.

«Как сказать ему, что отец меня бросил? Как сказать ему, что я просыпаюсь по ночам со слезами на глазах? Я плачу, потому что в моей жизни нет отца. – Таня задавала себе вопросы и сама же на них отвечала. – От меня избавились как от мусора, который вонял. Быстро и без оглядки. Моя мать меня только терпит. Терпит, но не любит. Меня некому любить. Я не знаю, как это, когда тебя любят. Взрослые люди такие жестокие! Не находят в себе любви даже для ребенка. Зачем же тогда рожают? Вот этот смотрит такими добрыми глазами. И совсем он не такой уж урод. Только зачем он целовал меня?».

- Мои родители разошлись.

- Где твой отец?!

- Я не-е-е зна-а-а-ю! – проорала в ночной тишине Татьяна. В том оре смешались боль и слезы, и обида, и чтобы Аркадий не видел всей этой мешанины чувств и потекшей туши, Татьяна пустилась бежать по пустынной улице. Она хотела убежать как можно дальше от него и его ласковых и одновременно резких вопросов, верных, но никчемных. Редкие прохожие поглядывали на нее с удивлением, их осуждающие лица двигались белыми вытянутыми масками на черном фоне ночи. Вот вам пантомима у Мариинского театра, в самом центре Петербурга – убегающая девушка, догоняющий ее высокий, нескладный мужчина и немые прохожие – свидетели разыгрываемой драмы. Все тихо, только каблучки стучат по мостовой, да пар изо рта валит.

Аркадий догнал ее в три прыжка. Он все еще не мог найти верного тона, не до конца понимая, как Таня чувствительна, как пуглива. Он схватил ее за пальто, развернул и крепко прижал к себе. Она нагнула голову так, чтобы волосы закрыли ее лицо. Поддев пальцами ее подбородок, Аркадий выпростал ее лицо из-под завесы волос и посмотрел ей в глаза. В Таниных глазах была вина, боль и все тот же стыд.

- Забудь, – нежно и ласково произнес он. – Забудь обо всем, что я говорил и спрашивал. Прости. Прости меня. Мне ничего не нужно от тебя. Я хотел тебя. Хотел, хотел. Как всех остальных своих женщин хотел. Но ты не бойся. Я люблю тебя. Не знаю,

почему и когда. Вот сейчас, прямо на этой площади и полюбил. Мне нужно любить тебя. Хочешь, я стану тебе отцом?

Аркадий говорил тихо, его красивый, глубокий голос от волнения прерывался. Он с трудом сдерживал себя, потому что понимал, что меняется, что внутри его не только зарождается любовь, но это чувство огнем выжигает все остальное – дурное, неважное, наносное, суетное, тщеславное. Он даже немного согнулся от боли, но улыбнулся, чувствуя, как из него сильной птицей выпрастовывается душа и летит к испуганной девочке. А ее душа еще копошится сомневающейся уточкой в своем гнездышке, но уже поглядывает ласково и деловито. Душевнобольная излечивалась прямо на глазах. В этот поистине божественно-чудесный миг ему захотелось быть невероятно щедрым, обнимать и любить всех, в том числе чужих и недоумевающих прохожих. Таня смотрела в его глаза, серые и большие, какие были у ее отца, и что-то раскололо лед в ее душе, повеяло детством, теплом и радостью. Иногда случается чудо и просто знаешь, что пришел конец злой сказке и уже началась добрая сказка. Она вспомнила свою любимую детскую книжку и сказала:

- Папа Карло. Ты будешь моим Папой Карло. – Она смотрела открыто и широко, как будто увидела выход из лабиринта своей тоски, когда страшно испытать счастье, потому что страшно потерять его. Она смущенно и радостно улыбнулась своему неуклюжему ухажеру, наперекор всему, разрешив себе поверить ему, Питерскому Чудовищу.

На его же лице застыло ошалелое блаженство. Ему казалось, что еще минута, и он превратится в кучку пепла у ее ног. Самовлюбленного и самоуверенного, его вдруг осенила мысль о том, что в результате слияния тел, с какой бы из женщин он раньше ни сливался телами в жарком объятии, пара так и не родилась. Опьяненные страстью тела оказывались стерильными. Но в результате слияния душ, рождаются пары, не правда ли?

Он вырубит ее изо льда. Он оглушит ее потоком слов, научит говорить языком, на котором она еще не умеет разговаривать. Он научит ее любить. Он поселит ее в доме, где будет вечно пылать жаркая огромность его любви, а ей – только хворост подбрасывай!

Вот такой нелепый вечер с хорошим концом...

Глава 7.

В последующие недели Таня и Аркадий встречались часто, установив между собой беззаботные и доверительные отношения, которые иногда случаются между дальними родственниками. Я упомянула дальних родственников не случайно. В кругу первородной семьи всегда есть, что делить. Там намешано все – и любовь, и обиды, и ревность, и зависть, и, разумеется, материальные счета, которые между близкими сородичами никогда не бывают до конца разрешены. Среди же троюродных или даже четвероюродных братьев или сестер, или между дядей и его дальней племянницей, иногда может возникнуть доверие, основанное только на симпатии, свободное от домашних счетов и сплетен. Их не то по-родственному, не то по-иному тянет друг другу. Конечно, отцом для Татьяны Аркадий не стал, если бы он претендовал на подобную роль, их отношения сделались бы двусмысленными и невозможными, а вот союз просвещенного дядюшки и его

молоденькой племянницы, которая восхищенно слушает его, заглядывая ему в рот и следуя за ним по пятам, вполне устраивал обоих на первых порах.

Когда он бывал свободен и у нее не было лекций, Аркадий сажал свою «племянницу» в машину и увозил в места, любимые и знакомые обоим. Иногда они придумывали такие поездки заранее, но чаще следовали настроению или погоде. Если день был сер и тяжек, что та гранитная глыба на твоих плечах, когда монотонно и безостановочно нудил дождь, они ходили в церкви. Не для молитв, а чтобы побродить, потеряться в думах, в молчании, сотканном из мыслей, которые обычно не высказываются, послушать говорок святых, очиститься их суровыми ликами на иконах, всмотреться в роспись куполов, осветить свою душу вспыхивающей позолотой иконостасов, постоять над церковными могилами, почитать надписи на старых плитах, искупиться перед свечами, постояв на крови*, ощутив всем естеством чужое горе. Представьте себе: идет дождь, утро, в церкви ни души. Дождь барабанит по металлическим дверям, а под церковным кровом тишина; находишься внутри, спрятавшись под покровами Матери нашей. Нутро церковных строений, их божественная теплая душа, всегда служила защитой, убежищем для людей, а также, хранилищем знаний, мифов и лжи. Ложь придумали другие и уложили ее туда же, в теплую богову душу. Так хочется сказать: «Уйдите сами и заберите свою ложь из церквей! Оставьте людей один на один с Господом. Они разберутся. Не наживайтесь на святой связи, никем не доказанной, никем не опробованной, но, тем не менее, как видно, существующей». Металлические плиты под ногами – черные и блестящие от влаги, иногда скользкие, посыпаны сосновыми опилками, источающими аромат леса, в котором идет дождь, где отяжелели ветви и спрятались птицы, а тут сухо, тепло, покойно, радостно. В вышине, под куполами – паутина лет и веков, и своя тишина, светлая, лиловая, она до низу не доходит; внизу – свечи, сжигающие грехи забредших странников; колонны высются фигурами святых, по ним каплями струится вниз влага – их слезы и пот – горюют и трудятся они за нас, не покладая рук, а мы им все записочки пишем, да через священника передаем, прости, мол, грехи наши, да помоги, да избавь от недугов и печали, да за здоровье врагов наших, да за упокой душ любимых наших. Вокруг колон вьется серый дымок, а ближе к свечам, теплее, суше. На Руси церкви посвящали Троице, Христу, Богородице, святым, героям, их подвигам, болезням и несчастьям.

Аркадий рассказывал Тане, все, что знал о тех церквях, в которых они бывали. Говорил с ней о Боге. Объяснял, что означает любить Бога.

- Когда мы любим кого-нибудь, возлюбленный или возлюбленная заполняют нас изнутри. Ты постоянно думаешь о нем, даже когда его нет рядом, мысленно разговариваешь с ним, обращаешься к нему, делишься с ним мыслями, иногда даже самыми чепуховыми, тоскуешь по нем. Ты же не будешь делать плохо тому, в кого влюблена, не будешь нарушать обещания, данного любимому? Так и с Богом. Просто люби его и не делай того, что ему не понравилось бы.
- Любить можно только того, кого знаешь, - Татьяна не понимала, что ей говорил Аркадий, она еще плохо разбиралась в любви. – Я Бога не знаю. Почему я должна любить его?
- Тебе не хочется? – спросил Аркадий.
- Почему он не хочет любить меня? Почему я должна? И почему я должна делать то, что ему понравится?
- Я неправильно выразился, прости. Видишь ли, Бог просил людей всего лишь любить друг друга. Любить так, как он любит нас. Он любит тебя. Ты проживешь счастливую жизнь. Я знаю.
- Я этого не знаю и любви его я не чувствую.
- Тебе и не надо, ты просто верь ему. Разве не хорошо, не спокойно,

засыпая, зная, что ты не одна, что он оберегает тебя, что вместе с тобой планирует твою жизнь, предоставляя тебе возможности и выбор? Бог всегда с тобой, а это означает, что в трудную минуту он не оставит тебя. Веруя в его поддержку, у человека самого сил утраивается и все, в конце концов, разрешается и образовывается хорошо. Где человек, где Бог, уж и не разобравшись. В этом и заключается вера.

- Бывает и по-другому, – стояла на своем Татьяна. – Вот пример. Я заснула, думая о том, что Господь бережет меня, а ночью случилось землетрясение, и я погибла и никакого радостного утра на следующий день не увидела. Или война, бомбардировка. Или погибла. Или наводнение. Или утонула. Или болезнь. Смертельная. Где же Бог?

- Он на месте, ты не волнуйся. Только за землетрясение он не отвечает.

Так уж устроена наша планета, которую он населил, трясет ее временами и наводнения тоже случаются. А война – это дело наших рук, человеческих. Зачем же Бога винить? Когда мы стреляем друг в друга, мы Бога не спрашиваем, только именем его прикрываемся, то есть совершаем преступления во имя Бога. Вот такие мы, люди, дети его. Погибаем от случайностей и собственных преступлений. Что касается болезней, то наше тело как растение – приходит время, оно увядает, высыхает или еще до времени сгнивает от болезней. Наша плоть обречена на тление. Такими уж выдумал Бог все живые существа на нашей планете. Природа равнодушна к бытию и небытию.

- Во всем, что вы сказали, я не вижу любви. Вижу страдания, преступления, страх, но любви не вижу. Где же господняя любовь? Не могу я полюбить Бога, чужой он мне. – В Таниной прямоте было что-то подкупающее.

- Тебе не Бог чужой, тебе любовь чужая, - немного раздраженно заметил Аркадий. - Полюби тогда сначала человека, а там и до Бога очередь дойдет.

Их разговоры длились бесконечно. Таня многое узнавала. От нее по-прежнему ускользало только одно: почему он говорит, что любить так хорошо?

Когда погоды стояли хорошие, Татьяна и Аркадий ездили на южный берег Финского залива, в Петергоф, побродить по дворцу, в котором, без малого два столетия назад, Екатерина вся в нервах и нетерпении, ожидала сигнала, чтобы скакать в Петербург для объявления себя императрицей.

Наведывались они и в Царское Село, пробуждавшее думы и воображаемые воспоминания не только о русских царях и аристократии, о власти, роскоши и капризах, но и о гениальном Пушкине. Там Александр Сергеевич учился в лицее, там же поселился со своей очаровательной молодой женой после свадьбы, наслаждаясь первыми, всегда медовыми, месяцами супружеской жизни. Там же Натали Пушкину увидел Николай I и пожелал, чтобы она появлялась на аничковских балах, став, без сомнения, их украшением.

Эти поездки были окутаны вуалью предчувствий, не явных, но волнующих. Аркадию хотелось медового месяца с молодой женой, как медового пряника, но тут же во рту появлялась горчинка, которую он не мог объяснить. Аркадий хотел поговорить с Татьяной о смерти, постараться объяснить ей смерть, как он старался объяснить ей любовь, но не решался. Почему-то о смерти говорить с ней не решался. Пока не решался.

Иногда Татьяна и Аркадий устраивались в укромных Гатчинских садах, куда добирались подземными переходами под Замок. Там Аркадий часто бывал в настроении читать стихи и, особенно, своего любимого Арбенина из «Маскарада». Будучи уверенным в измене своей жены и, потеряв голову от ревности, Арбенин отравляет свою жену. После ее смерти он узнает правду – она невиновна, измены не было. Как спасти ее? Как вернуть? Поздно, дело сделано. Но зачем было наказывать? Кто дал право судить и выносить приговор, отнимать чужую жизнь? Аркадий был великолепным Арбениным – трагическим и страстным, и таким же порочным. Он, безусловно, чувствовал себя Арбениным рядом с молоденькой девушкой, которую звали Татьяна, и которая еще не стала его женой, еще не стала его отражением, воплощением его знаний и вкусов, которая еще не стала им. Его двойником в женском облике. Согласитесь, ведь так удобно любить себя в оправе из

молодости, красоты, невинности и притягательности противоположного пола. Смотришь на свою молоденькую спутницу и, ненароком забывшись, думаешь: «Господи, еще вся жизнь впереди!» Аркадий, как и Арбенин, не раз увлекался и собирался поволочиться вновь. Ей, своей избраннице, он говорил словами своего любимого героя:

Я сердцем слишком стар, ты слишком молода,
Но чувствовать могли б мы ровно...

И тут же ему хотелось выпеть ей совсем другой стих, из Пушкина:

Как жениться задумал царский арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышен арап поглядывает.
Что выбрал арап себе сударушку,
Черный ворон белую лебедушку.
А как он, арап, чернешенек,
А она-то, душа, белешенька.

Стасову своя-то душа казалась черной, а душа Абрикосовой была чиста, нетронута. Он боялся.

Рассказывая Татьяне любовные истории, принадлежавшие известным людям, Аркадий демонстрировал небывалое остроумие и находчивость. Он любил приврать, не без того, но, кто из нас, рассказывая не важно чью, историю любви, не хочет ее немного видоизменить, выказав себя главным героем или, на худой конец, сторонним проницательным наблюдателем? Некоторые детали, без сомнения, должны были быть изменены. Татьяна слушала и не поправляла его. Она любила читать и из книг знала почти столько же, сколько и он. Женское чутье ей, впрочем, подсказывало, что мужчине надо дать возможность произвести впечатление. Он хочет доминировать, покровительствовать, снисходить, обвораживать и покорять. Пусть его! Он петушится и счастлив, - короткое мужское счастье, что длится ровно столько же, сколько длится самолюбование, ну как не подыграть, как не обрадоваться, что рядом с тобой кто-то счастлив собой!

К ее удивлению и вящему удовольствию, Аркадий несколько раз доставал билеты в театр «Эрмитаж», где выступали лучшие солисты Мариинки и Большого. Развлекая ее, он давал ей время и она, помимо своей воли, подпадала под его чары. Вернее не чары околдовывали ее, а его постоянное, надежное присутствие. Она уже не разглядывала его походку, его лицо, не следила за его неуклюжими движениями. Она уже даже не всегда вслушивалась в то, что он говорил. Таня просто была с ним, с каждым днем острее ощущая необходимость в его звонке или в его присутствии.

Довольно часто они ездили пить чай в «Зимний Сад» гостиницы «Астория», где можно было послушать игру на арфе. Иногда, поздними воскресными утрами, они пили кофе в «Дворянском гнезде», наблюдая, как его варят, прямо у них на глазах, на хитроумном приспособлении из золота, стеклянных трубок и горелки Бунзена*. Пару раз они соединили завтрак с обедом, растянув удовольствие с одиннадцати до трех, неторопливо наслаждаясь приготовленными яствами, шампанским и искрящимся джазом в «Европе».

Когда же настроение было другим, более подходящим для умных и задушевных бесед, когда немного тянуло на грусть, Папа Карло брал свою Татю в «1913» или в «Идиот» на ужин со своими друзьями. Холодным зимним днем нет ничего лучше, чем забежать в тепло уютного помещения и, устроившись в компании писателей, отведать горячих пельменей или блинов. Многие из писателей, которых Стасов знал, только что

вернулись из-за границы, где жили вынуждено или в добровольной ссылке. Проводя день в «Идиоте» за выпивкой и партией в шахматы, любя Аркадия, они предлагали ему сразиться не столько из-за самой игры, сколько из-за желания поговорить и пожаловаться на то, как что-то ускользает, теряется и они не могут писать, как, бывало, раньше, когда они были и чувствовали себя изгоями или изгнанниками. Тогда душа маялась, страдала и плакала, выдавая гениальные вещицы, а сейчас была опустошена водкой и обманутыми ожиданиями. Аркадий знал, что их бездонные измученные души нуждаются в сострадании, покупал им выпивку и долго молча слушал драгоценные слова их исповедей, которым лучше было бы лечь на бумагу, вместо того, чтобы пропадать, растворяясь в прокуренном воздухе «Идиота». Разговаривать, изливая душу, медленно переставляя шахматные фигуры, несравненно легче, чем писать, тем более, что почти все из писателей были прекрасными актерами. Они играли себя и несбывшихся, неживших героев своих ненаписанных, лучших книг. Они говорили себе: «Завтра. Завтра я засяду за новый роман или за продолжение повести. Завтра я проснусь и засяду за работу». Но наступало завтра, серое и промозглое Петербургское завтра, и все начиналось сызнова. Их тянуло в компанию, они проклинали свое малодушие и глушили свою вину водкой, закусывая грустными взглядами своих коллег по перу. Им становилось плохо, когда кто-то из их писательского братства не приходил. Значит, или умер, или засел за работу. И то и другое ранило душу: первое – горечью и тоскою, второе – завистью. Аркадий прекрасно все это понимал, но держал свои мысли при себе.

Однажды Стасов переставлял фигуры на шахматной доске с одним из завсегдаев. Говорили про Россию. Почему в ней так и не случилось перемен и что грядет дальше.

- А ведь судьба нашей России-матушки могла бы быть совсем другой, - мечтательно заметил уже порядочно захмелевший напарник Стасова по шахматам. - Мне вот что пришло на ум. Всяческие исторические нелепости, которые лишний раз заставляют задуматься над игрой его величества случая или над закономерностью, которой является божья воля. Это кто во что верит. А случайности вот какие, и оборачиваются они вопросами. Время-то у тебя есть?

- Мы партию еще полчаса играть будем, так что давай, рассказывай, я слушать люблю.

- Ну, тогда первый вопрос: что, если бы великолепный князь Тавриды, Григорий Александрович Потемкин, умер семью или десятью годами позже? Ответ прост. Вероятнее всего, воплотилась бы в жизнь его мечта освободить Константинополь и вернуть его эллинам.

- Сомневаюсь, - сказал Стасов.

- Почему же? Ведь при дворе не в шутку готовились к этому событию. Второго внука Екатерины нарекли византийским именем Константин. Нашли ему кормилицу-гречанку, мамок-гречанок и даже греческих мальчишек, с которыми он играл. Ему с рождения был уготован трон Константинополя. Потемкин тогда еще здоров, как бык был, закатил пир по случаю крещения великого князя и, за столом, открыл тайну иностранным послам. Имя, мол, Константин не из святцев взято, а выбрано ради будущей свободы Эллады. А тост его, разве случайность? «Я хочу дожить до того дня, когда на стогнах Петрополя российского, при пальбе пушечной, станем мы, русские, принимать послов Византии, из праха древнего возрожденной!» Однако Господь, вершащий судьбы мира, забрал Светлейшего по нашему усмотрению слишком рано, а по-своему, видно, как раз вовремя.

- Ну, вот видишь. Не удалось нам Средиземноморье тогда присовокупить. Сейчас стараемся, - заметил Стасов с едкой иронией.

- Думаешь, удастся?

- Думаю, что нет. Тебе шах. – Стасов опрокинул рюмку холодной водки. – Ё...ые амбиции проходимца, возмнившего себя императором.

- Хорошо, тогда второй вопрос: что, если бы Наполеон не опоздал со своим прошением и, его все-таки, зачислили бы в Русскую армию поручиком, как он о том и ходатайствовал? После Французской революции многие хотели найти пристанище подальше от Франции, многие пытались осесть в России. Буонапарте брали, но с понижением чина, поэтому он не согласился. А, что, если б Наполеон все-таки стал поручиком в России?

- Тогда бы не было бы ни Прейсиш-Эйлау, ни Тильзитского мира, ни Бородино, ни сожженной Москвы. Скорей всего, тогда Наполеон не стал бы великим французским императором, а, раз так, в его жизни не случилось бы и Ватерлоо. Не было бы взлета великого императора, но не было бы и падения.

Стасов смотрел на шахматную доску и думал совсем не о Наполеоне, а о том, как могло случится, что сейчас, в начале 21-го века, великой Россией правит гэбэшный подполковник, слизкая и невероятно жестокая личность, прошедшая свой путь от мальчика на побегушках до партнера в наркобизнесе и рейдерстве и, в конце концов, до той нелюди, что подорвала нескольких многоэтажек, в которых мирно спали россияне, удушила газом заложников, освобождая их от террористов, и убила десятки детей, спасая их от тех же террористов. Сейчас убивает детей в Сирии, опять борясь с теми же террористами. А ужасы второй чеченской войны, ставшей костяком его самой первой предвыборной кампании? Других вариантов, кроме войны, для его раскрутки не было, поскольку тогда о нем никто не знал, он был известен разве что в узком кругу питерских чекистов и уголовников. Чудовище, которое не остановилось ни перед чем, чтобы прийти к власти и не брезгует ничем, чтобы у этой власти удержаться. Чудовище, вызревшее злом в одной из питерских подворотен. Чудовище, которого видит палачество своей всемирной миссией...

Размышления Стасова прервал настырный собеседник, хотевший, вероятно, чисто теоретически, умозрительно изменить положение в настоящей России, вытаскивая утраченные возможности из прошлого.

- А ты не думал, еще и так: тогда бы крепостное право было бы отменено гораздо раньше, и не было бы тогда ни Красного Апокалипсиса, ни семидесяти большевицких годков.

- Ты хочешь сказать, что Наполеон непременно стал бы российским императором? Ты это серьезно?! Интернациональная семейка Романовых Наполеону была не по зубам. Россия лишила Наполеона рассудка. Он сидел в Москве и не понимал ни Москвы, ни России, ни российского народа. Ему надо было отдать всего несколько правильных приказов, и его армия была бы спасена. Не надо было бы отступать по заснеженным дорогам и сотнями подыхать у обочин. Господь вел его сюда, - продолжил Стасов, – в наши необъятные просторы, к нашему народу, который невозможно ни понять, ни объяснить. Сделав Россию вершиной, без которой его слава и власть были не полными, Господь дал шанс никому не известному, но незаурядному человеку с большим умом, талантом и энергией прославить себя, а потом, здесь, в России, погубить себя.

- Да уж, как подумаешь, что наша матушка Рассеюшка с людьми творит... Пряма космос какой-то...

- Черная дыра в космосе. – Стасов злился, потому что игра была неинтересная и он все больше напивался. – Давай дальше, а то скоро я совсем ошалеею от упущенных возможностей.

- Ну, тогда третий и последний вопрос. Что, если бы во время кровавого переворота 1917-го года, в России царем был бы не Николай II, а Дмитрий Павлович Романов? Ты же помнишь, как Солженицын писал, что, когда отец Николая, Александр III умирал, тот рыдал на плече у своего друга, жалуясь на то, что не может управлять империей, что не

знает, о чем разговаривать с министрами, что делать с народом, от которого он был бесконечно далек.

- И, все же, он принял трон и женился, - подытожил Аркадий. – С этого момента российской Империи была уготована гибель.

- Я думаю дело не только в Николае. Его жена еще той дурой была.

- Да, была. Недалекая и чувствительная императрица Александра Федоровна, тоже приложила руку к гибели страны.

- А тебе не кажется, что гибель империи и династии стала неизбежна с началом первой мировой войны, участия в которой Россия могла бы избежать? Каша, однако, заварилась и своему мужу, уехавшему на фронт, императрица, писала послания, в которых советовала ему перед совещанием с министрами, погладить икону или причесать волосы гребнем, подаренным «нашим другом», то бишь, Распутиным.

- Сейчас выблюю, - Аркадий выразительно смотрел на своего собеседника.

- Да ладно тебе! Что, в первый раз сдаем страну кому не попадя?

- Тогда уж очень постарались. Отдали на откуп сибирскому мужику «с костостоем».

- А, что, если кто-нибудь поверил бы Николаю, а, главное прислушался бы к тому, что он говорил, когда его отец лежал на смертном одре? Неужели только он сам понимал, что управление империей ему не по плечу? Что, если бы его место занял Дмитрий Павлович, тот, что прицельными выстрелами убил Распутина, и которого наша царская чета выслала из России? Вероятнее всего, Россию бы не довели до возмущения, исторические дела, возможно, обстояли бы по-другому, и не было бы нашей кровавой бани, из которого родился наш скотский СССР.

- Ты все сводишь к этой самой кровавой бане. Но, как бы ты ни старался окольными путями, напившись сейчас вместе со мной, изменить историю, она, эта кровавая баня была, она случилась и то, что мы сейчас унижаем себя тем, что терпим чекиста в Кремле, никуда не денешь! Это факт, это дурдом, это черная дыра, это мы, это Россия!

Партия была закончена. Оба были пьяные. Проигравший напарник плакал. Аркадию было его жалко. Нет, не из-за проигрыша в шахматы. Из-за проигрыша в жизни. Ведь умный мужик был.

Друзья Стасова иногда разговаривали с Татьяной. Она, немного стесняясь, рассказывала им про свою семью. Они удивлялись, как такая тонкая, а, главное, честная натура может жить в клетке постсоветского неосталинизма и крепнущего путинизма. Еще не выпорхнула, чего-то ждет. Может быть, такого, как Аркадий? Впрочем, Аркадий, этот закоренелый развратник, чудовище, любит уезжать, но всегда возвращается в свою Россию и к своим бабам. А эта, которую он так часто приводит сюда, вроде другая. Аристократка духа, хотя и несмышленная еще.

Многие завсегдагаи «Идиота» краем уха слышали о Таниной прабабке, поэтессе, которая, как говорили, зачахла от любви. Самое начало двадцатого века, время декаданса, тогда любили в прямом смысле до гроба, не в смысле верности, а в смысле изощренности и извращенности. Все, кто связывал себя с миром искусства, были фаталистами в то время. Как актинии чувствуют прилив, точно так же, те призрачные и нервные существа, что обитали в некрепко сколоченном храме искусства, чувствовали приближение конца света. Конец света не приключилось, но российской империи, такой, какой они ее знали, очень быстро не стало. Впрочем, для многих исчезновение их привычного образа жизни, и означало конец света. Вот и любили до смерти, находя смысл жизни в страстных, преувеличенных, но, все же, поверхностных чувствах друг к другу. Мотались по городу всю ночь, читали стихи, ссорились, на заре пили шампанское прямо из бутылки, спотыкаясь на неровной брусчатке площадей, возвращались домой и в неверных серых сумерках с отвращением и обреченностью любили не тех. А что еще было делать? Жизни-то впереди не было. Если кто-то из них смог бы заглянуть в будущее, ужаснулся бы .... Тогда, в начале двадцатого века, наступил какой-то временной провал, ужасное, мерзкое

ощущение обреченности – безвоздушное пространство между эпохой царей и недолговечным, но кровавым игом коммунистов. Некоторые, предчувствуя беду, уезжали, положив начало великому исходу русских из России. Фаталисты оставались и, чтобы подавить страх, играли чувствами, превращая их в рискованное развлечение. Мораль не пользовалась спросом, хотя, когда она была востребована? Говорили, что так больше жить нельзя, что русская аристократия разлагается на глазах. Нужна революция, нужны перемены! Помните строчки из «Балтазара»? – «...ненужные жизни – жизни, которые невозможно прожить, раскиданные, как не пришедшиеся в пору одежды». Именно так.

Татьянина прабабка, Леночка, была из московских Киселевых. Замуж ее выдали в Петербург за Ефима Балка. Ефим был мужиком крепким, энергичным и деятельным, держал пол-России на поставках, торговал с пол-Европой. Роста он был невысокого, фигура у него была бочкообразная, руки большими и красными, но лицо его было подвижным, умным, лукавым. Он носил бороду и высокую черную фетровую шляпу. Леночка все это в нем не любила. Однако поначалу все наладилось и шло хорошо. Он называл свою молодую жену Леночка-Пеночка, птичка, кажется, такая есть, пеночка. Баловал он свою Пеночку, любил, с Парижской выставки* привез ей букетик в вазочке из полудрагоценных камней работы Фаберже*. Только вот свободного времени у него для Пеночки почти никогда не было. Заморясь от работы, иной раз приходил усталый и не до разговоров было, не было сил выслушать ее, вникнуть в то, что у нее в голове создавалось. Ефима ведь как воспитали: мужик – зверь самолюбивый, ему надо на виду быть, да чтобы не просто на виду, а в самом переднем ряду добычу гнать, мускулами поигрывая. А ей показалось, что раз он не занимается ею, значит, не любит. Молоденькая еще, глупенькая была, и мыслила чисто по-женски.

Ведь почему женщины так часто дураков любят? Да потому, что дураку делать нечего, он все свое время на женщину тратит, и ей кажется, что она любима. Отдай же преуспевающий, но занятой мужчина все свои богатства и свое сердце женщине, но не время свое, так та не найдет в себе сообразительности поверить в то, что любима. Женщина, оставленная мужем или любовником без внимания, чувствует себя обесцененной.

Леночка-Пеночка Балк была Аленушкой с картины Васнецова. У нее были такие же глубокие, грустные, тревожные глаза. По утрам она ходила неприбранная, волосы были рассыпаны по плечам, в руках простывшая чашка чаю. В эти не потревоженные часы между завтраком и поздним обедом, она не виделась с детьми, доверяя их нянькам и учителям, и составляла в своей головке совсем не плохие стихи. Мозг ее мучили образы, не успокоиться было ей, мягко убаюкав свое сердце, ни детьми, ни достатком. Так шло, пока она сдуру не влюбилась в молодого поэта, в повесу, прямую противоположность своему Ефиму. Поэт был смазливый, бездеятельным и бездарным, но болезненно страстным. Знаете, эдакий элегантный мерзавец, лицемер и кривляка. И времени у него было навалом. Балк, когда прознал про эту влюбленность, поэта побил, а жену запер дома. Просил свою Пеночку одуматься, говорил, что менять пятерых детей на проходимца не стоит. Леночка металась, а потом внезапно угасла. Ее душа была как птичка, которой нужно было петь о чистой и высокой любви, и петь на свободе. Умерла птичка от обильного материнства, от любовной тоски и от чахотки в возрасте двадцати восьми лет.

Предчувствуя свою кончину, она написала своему любимому изумительное стихотворение. Одно из тех стихотворений, где одновременно и больно, и страшно, и светло, и красиво. Иногда любовь совершенно невозможно ни понять, ни оправдать. Главное, нам с вами не судить. Просто спрашиваешь себя в таких случаях, какой смысл вообще в любви? Возможно, любовь к бездарному поэту была всего лишь эпизодом, недоразумением, опять же предлогом для смерти? Причиной, придуманной Богом? Все дело в том, что, переехав в Петербургский сырой климат и начав без конца рожать, Леночкино здоровье пошатнулось, а легкие, оказавшись слабым местом, взяли и вобрали в

себя ненужную болезнь. В этом и была причина ее смерти. Ефим Балк, ее муж, прожил, промаялся кое-как несколько лет, и как только поставил на ноги детей, так и поспешил за своей Леночкой-Пеночкой. Любил ее очень. Казнил себя, что не уберег.

Знакомые Аркадия спрашивали, правда ли, что Танина прабабка была именно той поэтессой, что написала стихотворение «Как исповедаться перед тобой в моей любви...».

- Да, - отвечала Таня, - именно той.
- А вы помните это стихотворение наизусть?

Татьяна знала почти все стихи своей прабабки наизусть, но читать их перед публикой не хотела, поэтому всегда отвечала:

- Боюсь, я ни одного не помню наизусть.

Глава 7.

Однажды, в середине декабря, Аркадий сказал, что должен уехать. Устраивалась международная филологическая конференция на Мадейре, и он должен представлять там свой доклад. Вероятно, его не будет дней десять, или около того. Он просил Татьяну не скучать и примерно вести себя. Ему хотелось, чтобы вышла непринужденная шутка, но голос его был серьезен и грустен. Отчего-то разволновался, сказал пошлость и между ними опять возник диссонанс. Спросил, что привезти ей в подарок.

- Привези мне персиков, - неожиданно попросила Татьяна.

Десять дней, проведенные в Фуншале, оказались для Аркадия адом. Он и не предполагал, что может сойти с ума, потому что не знал, что так сильно влюблен.

Он бы уехал сразу, но его доклад слушали только на пятый день конференции. Жаль было бросать плод двухлетней, такой возбуждающей и, одновременно, страшно изнурительной работы. Да, к тому же, он не мог распоряжаться этим трудом самостоятельно, ему помогали студенты, так что труд был общим. Он обязательно должен вернуться с наградой в виде признания этого труда.

Принимаясь несколько месяцев тому назад за работу, Аркадий помнил слова, сказанные Вольтером о том, что автора, который займется жизнеописанием Екатерины Великой, ожидает необыкновенное счастье. Вольтер оказался прав; роясь в прелюбопытнейшем материале, анализируя Екатерининские письма и любовные послания к Потемкину, так ясно и многогранно раскрывшими ее непростой характер, Аркадий был бесконечно возбужден и счастлив. Ему казалось, что, орудуя ее же словами, он постепенно выпрастовывает ее портрет. Одно слово к другому, одно письмо за другим, и вот появляются черты ее лица, в которых проглядывает ее ум, ее нрав, ее страстность, ее уравновешенность, ее сила воли. Ее величие, которое она в совершенстве научилась воплощать в жизнь.

Работа профессора Стасова состояла из двух частей. В первой части изучалась частная переписка Екатерины, ее послания к европейским философам и другим знаменитостям, а также был сделан исключительно интересный обзор ее «legislomanie» - «законобесия», как выражалась она сама, в том числе и ее «Наказа». Стасову было интересно проследить взаимосвязь екатерининского времени с реалиями современной России.

Вторая часть состояла из уникальных любовных «записочек», billets-doux, которыми императрица во множестве обменивалась с Потемкиным. Григорий Александрович писал ей точно такие же записочки, только Екатерина их тут же уничтожала, а он сохранял, рассовывая по карманам своего камзола или необъятного халата, в котором любил отдыхать, работать и путешествовать. Не удивляйтесь, тут нет описки, Потемкин часто разъезжал по России и, даже пересекал границы, в халате или в шубе на голое тело. Сами понимаете, нам очень повезло: благодаря его забывчивости и некоторой неряшливости, мы можем подслушать их разговоры.

Впрочем, речь тут идет о чужой переписке.

Екатерининские записочки раскрывают очень личную сторону отношений двух незаурядных людей. Читая их, кажется, что слышишь, как двое влюбленных разговаривают по телефону. Что же делать? Подслушать? Вы скажете, не скромно? Да что уж там, как раз в духе нашего времени.

Будучи человеком щепетильным, Стасов тысячу раз спрашивал себя, стоит ли выносить на широкую публику письма этих двоих – Потемкина и Екатерины. В конце концов, он поборол сомнения и ответил себе утвердительно: да, их надо обнародовать, о них надо говорить. В этих письмах столько искренних чувств и души, что для современного человека они все равно прозвучат сказкой. С другой стороны, в них нет ни пошлости, ни грязи. Стасов надеялся, что разум его современников среагирует на них по-доброму, подивившись их страстному драматизму.

Однако скажем сначала несколько слов о первой части доклада. Не стоит пересказывать весь доклад. Для нас с вами гораздо интереснее остановиться на тех размышлениях, что возникли у профессора Стасова в связи с некоторыми положениями екатерининских законов.

Стасов не мог не заметить, насколько верными екатерининские идеи остаются для современной России – и понятие о свободе, что дозволяется и что нет при этой самой свободе, и мысль о том, что если у людей нет собственности на землю, то и земледелие процветать не может, и убеждение о вреде монополий, и должен или не должен быть наказуем гражданин, возбуждающий на площади народ словами, и даже та мысль, что деспотизм поддерживается недостатком просвещения в народе. В общем, все то же, все те же проблемы и нравственные дилеммы, что присутствуют в российском царстве-государстве два века спустя. Величество и народ. Единственный вопрос: кто же более – величество или сам русский народ тяготеют к деспотической форме правления?

Крепостное право в России было отменено в 1862-ом году, а «народный вопрос» ведь так и не решен до сих пор в матушке-России. Да его и не решает никто. Муторное это занятие. Хлопотное. К тому же, с точки зрения любого политика времен новейшей истории, ненужное. Временщики приходят и уходят, названия партий сменяют друг друга, пришедшие во власть политики богатеют, а народ как прозябал в бедности, пьянстве и бескультурье, так и прозябает. Уж столько десятилетий у русского народа есть только одно никем неотъемлемое право – право быть обманутым. А быть обманутым – то же самое, что быть бесправным.

Правду надо сказать, что при Екатерине народ единым не был. Были крепостные, был рабочий люд, были служивые, была чернь и были вельможи, дворяне, землевладельцы, были люди искусства и науки. Одни находились в услужении у других. Среди имущего класса были и самодуры, и деспоты, но были и такие, кто не зря свой титул и земли

получил, кто ратными подвигами и добросовестным служением государству добился почестей и наград, прославив свою фамилию навеки. Таких много было. Служить таким не зазорно было. После революции семнадцатого года и гражданской войны, что за ней последовала, народ тоже единым не был. Пролетарские вожди истребили ту часть народа, что не согласилась принять их большевистскую ересь за новую религию. Оставшиеся в живых, по мнению красных вождей, должны были образовать твердую накипь на дне и начать служить режиму безмолвно и безропотно. То, что выжило после братской резни, единым опять не стало, но служить их обязали. Только кому?! На этот раз черни без заслуг и ратных подвигов за плечами, самозванцам без званий и почестей, что в Кремле поселились. Палачам и врялям с дранными подштанниками. Вот такова наша недавняя история, - удрученно подытожил свои невеселые размышления Стасов.

А сейчас? Что, новейшая история лучше? Да нет, не лучше. Как-то особенно ясно понимаешь, что современным политикам не выгоден народ трезвый, понимающий и живущий в достатке. Если вдруг народ таким станет – тогда он сила! Тогда, глядишь, не позволит такой народ своим самоизбранным правителям воровать да открыто кичиться наворованным, глядишь, и вовсе перестанет притворяться, что избирает. А политикам хотя бы имитация выборов все же нужна, потому как только избравшись, они могут «чудеса» творить, оставаясь при этом безнаказанными.

Стасов вспомнил Николая Михайловича Карамзина, которого очень любил. Предприняв в конце 18-го века, в возрасте двадцати четырех лет, поездку по некоторым европейским странам, в своих «Письмах русского путешественника» Карамзин вот что писал по поводу народа или нет, уже единой и просвещенной английской нации, объединившей все слои населения: «...Англичане просвещены, знают наизусть свои истинные выгоды, и если какой-нибудь Питт вздумал явно действовать против общей пользы, то он непременно бы лишился большинства голосов в парламенте, как волшебник своего талисмана. Итак, не конституция, а просвещение англичан есть истинный их палладиум».

Вопрос народов и политиков не нов. Однако, если два с хвостиком столетия назад, народ и его права чего-то стоили в той же Англии, то сейчас вопрос прав народов, а, главное, их участия в управлении державами, практически во всех странах мира стал очень напряженным. Политики явно одержали вверх над народами, а, заодно, и над демократией, превратив ее в junk food, которую быстро готовят и также быстро потребляют, стараясь не думать о том, из чего она состоит. Точно так же, как несъедобные гамбургеры и сладкую шипучку коричневого цвета, которые опасно есть и пить, демократию теперь экспортируют в другие страны, разрушая при этом древнейшие цивилизации, экономики, памятники культуры и обычаи. При помощи такого экспортного варианта демократии, политическая элита практически всегда гарантирует обеспечение, прежде всего, собственных нужд и интересов. Кроме того, войной, часто являющейся побочным продуктом экспорта демократии, политики несущей стороны часто прикрывают собственные преступные ошибки. В этих войнах погибают не только, кто несет демократию, но в гораздо большей пропорции те, кому она принесена.

Народы? Они безмолвствуют. Почему безмолвствуют? Потому что политики приучили их к специфическому хлебу и специфическим зрелищам, то бишь к синтетической жратве из супермаркетов, синтетическим блондинкам из зомбоящика и ежедневному вранью вместо новостей. Подростков же посадили на иглу видеоигр, так что, вместо того, чтобы думать о будущем, подрастающее поколение барахтается в липкой паутине виртуальных кровавых миров. Зло заключается в том, что в мирах этих есть ужасы, но нет страха, есть убийства и кровь, но нет боли, есть поражения, но нет чувства утраты. Проведя свое отрочество в такой паутине, подросток с онемевшими чувствами и приобретенной сноровкой убивать на разных уровнях, выходит в жизнь для того, чтобы убивать и насиловать, не чувствуя при этом ни боли, ни утраты. Такая деградация тоже на

руку политикам. Их продажные суды всегда могут оправдать тех, кто совершил преступление, таким образом обеспечив дополнительные голоса своим покровителям.

Разве власти нужен просвещенный народ? Вовсе не нужен. Тупая темная масса, она ведь гораздо безобиднее, ее истребить, если вдруг забунтует, и дело с концом. Референдум, как антитеза бунту, даже не рассматривается – не выгодно для власти и все еще невозможно для российского народа. Увы, после всех декабристов, народных воль, революций, перестроек, восстаний и протестов все еще невозможно. Пар в современной России выпускают посредством организации войн на чужих территориях. Этими захватническими войнами, распалаяют тот лжепатриотизм, что, на самом деле, является чистым воды шовинизмом.

Только вот что с просвещенным патриотизмом в таком случае делать? Ведь Россия знала, что это такое, но предпочла забыть. Карамзин совершенно справедливо полагал, - думал Стасов, - что только законы против роскоши и твердая нравственность смогут породить высокий патриотизм граждан. Любой вид рабства, напротив, знаменует собой отсутствие патриотизма. Чем же Россия воюет? Идеей и промытыми ею необразованными мозгами...

Однако вернемся на два с небольшим века назад. Правление Екатерины нельзя назвать ни безупречным в плане морали, ни в высшей степени справедливым. С другой стороны, чье правление, включая современных президентов и премьер-министров, можно назвать идеальным?

Великая императрица была права в том, и тут Стасов полностью был с ней согласен, что некоторое количество зла в нашей жизни неискоренимо. Социальное устройство на нашей земле, как видно, также величина постоянная. Всегда были и будут бедные и богатые. Народ и интеллигенция. Всегда будут рабочие и сенаторы, хлеборобы и ученые. Одни всегда работают больше руками и получают меньше, другие работают больше головой и получают больше. Всегда были и будут те, кто не умеет приносить пользу ни руками, ни головой, но всегда найдут способ украсть. Всегда были и будут те, кто считает, что жизнь к ним несправедлива. На протяжении тысячелетий в этом плане особенных изменений не произошло.

Впрочем, нет, кое-какие изменения, все же, наблюдаются: странности нашего времени дошли до того, что политики, приведшие свои страны к банкротствам, банкиры, торгующие дутыми «финансовыми продуктами», а также яркие заготовки обоего пола, сходящие с конвейера массовой культуры и мнящие себя звездами, получают гораздо более высокие зарплаты и гонорары, чем хирурги, спасающие жизни, или преподаватели, пытающиеся образовать наше юное поколение.

Поэтому, думал Стасов, за исключением вопиющего абсурда, который время от времени сваливается нам на голову, мир следует принимать таким, как он есть, с бедными и богатыми. Это как два соединяющихся сосуда: в одном – бедные, в другом – богатые, и содержание одного постоянно перетекает в другой. При желании из бедноты можно вырваться, богач же в любую минуту может оказаться у того порога, что зовется нищетой. Ни одно политическое устройство до сих пор никак не повлияло на эту вековую данность. В современном мире, иногда все же звучат одинокие голоса, вопрошающие о том, как и чем богатство нажито, и как оно используется, и требующие от власти устроить так, чтобы люди малоимущие жили и умирали в своем государстве с достоинством. Эти голоса звучат и затихают...

Возвращаясь опять к екатерининскому веку, зададимся вопросом: в чем разница между монархией и республикой? Совершенно верно, в монархической державе власть наследуется, в республике является выборной. Так вот, рассуждал Стасов, не легче ли было бы народу знать, что тот дурак, хапуга, тиран или бабник, что стоит сейчас во главе их державы, дан им свыше богом и судьбой? Если же народ отдаст свои голоса и избранный им политик, а, другими словами, какая-нибудь партийная сволочь, окажется

тем же дураком, хапугой, тираном или бабником, народу такой поворот будет гораздо тяжелее пережить, потому как в данном случае это будет его ошибка и его ответственность за неправильный выбор. Хотя, думалось Стасову, слабый и грешный человек все же предпочтет сам избрать того правителя, которого он достоин. У него это свободой выбора называется.

Что же касается России, то там не то, что свободы, а самого выбора у народа на самом деле нет. Есть иллюзия выбора. В России уже давно выбирают за народ и обидно, что многие этого не понимают, а если и понимают, то все же предпочитают правде иллюзию. Почему? Так удобней и спокойней. Кто захочет признаться в том, что над ним смеются?

С другой стороны, может статься, что монарх окажется совсем даже и ничего. Шанс иметь приличного монарха гораздо выше, между прочим, чем шанс иметь приличного политика у руля державы. И обойдется он не в пример дешевле. Ведь побеждает в предвыборной гонке не тот, кто лучше, а тот, кто сумел собрать больше денег на свою кампанию, и, кроме того, все кандидаты – как нам известно – всего лишь выносливые актеры, хорошо заучившие свои роли, написанные не ими. Слова в их ролях – сплошь пустые обещания, и, следовательно, являются ложью.

Правильно Екатерина сказала почти два века тому назад: «Избави боже играть печальную роль вождя партии...».

Нам говорят, что республика – это, прежде всего, демократия. Вольтер – блестящий ум из плеяды великих умов, перед которым Стасов бесспорно преклонялся, был приверженцем республиканской формы правления, однако вот что он писал: республика – «это общество, где гости, обладающие одинаковым аппетитом, едят за одним столом, пока не появится прожорливый и могучий человек, который заберет себе все, а им оставит только крошки». По прошествии нескольких веков после Вольтера, мы прекрасно понимаем, что «крошками» может оказаться свобода, «крошками» могут оказаться права и законы, не говоря уже о пресловутом равенстве. Так что ни при какой форме правления, даже самой демократической, на Рай Человека на Земле, о котором так самозабвенно мечтали коммунисты, особенно рассчитывать не приходится. Вывод прост: в конечном счете, все зависит от тех или от того, кто правит народом и страной. И если у правителя или группы правителей нет баланса в виде сознательной нации, такое правление, скорее всего, будет деспотическим даже в республиках со всеми их псевдодемократическими устоями и установками.

Кроме того, партии и их лидеры всегда являются выразителями интересов только части населения страны или даже одной группы населения. И то, только на словах, и то, только во время предвыборной кампании. Монарх же имеет своим интересом единство и благополучие всех своих подданных. Может статься, что все эти многочисленные политические партии, являющиеся, как нас все еще стараются в этом убедить, главной и отличительной чертой демократии, совсем не сближают общество и не объединяют страну, а совсем наоборот, разъединяют народ и делят на части страну. А один-единственный «просвещенный государь», гляди, и сблизит нас, разобщенных, потому что будет он на всех один. И пора нам, народу, понять вот еще что: демократия – это ведь не когда многочисленные партии грызутся между собой, это – когда народ участвует в делах того государства, в котором живет. Тут мы опять неминуемо возвращаемся к большому – теме просвещенного народа. Перестанет ли когда-нибудь он, этот народ, - спрашивал себя Стасов, - жевать свою жвачку перед телевизорами, очнется ли от лени, пьянства и привычки потреблять, или так и останется массой без ума и без души, которую всегда легко удовлетворить враньем, обещаниями, пропагандой и водкой?

В связи с этими размышлениями, Стасова все чаще посещали следующие мысли: а что, если послать все эти партии со всеми их политиками куда подальше, и озаботиться если не монархом, то национальным лидером, например? Тем, кто хорошо известен в стране и знаком народу по делам своим, а не по разглагольствованиям с высоких трибун.

Ни скоморох, ни тиран, ни алкоголик, ни бабник, ни олигарх, а крепкий умом и характером народный вожак, тот, кто сможет устоять, выковав из себя государственного лидера такой страны, как бескрайняя, бесхозная и безумная Россия. Кто захотел бы и смог бы превратить народ из темной и пьяной толпы в сознающую свои права и обязанности нацию...

Глава 8.

Во второй части своего доклада, перейдя от политики к любви, Аркадий развлекал и удивил ученую публику недолгим, но очень трогательным и пронизательным анализом частной переписки Екатерины – ее *billets-doux* к Потемкину. Императрица проявила неистощимую фантазию, беспрестанно выдумывая нежные, необыкновенно выразительные слова и ласковые прозвища для своего любимого. Только их перечисление, без всяких комментариев, вызвало бурю аплодисментов из зала.

Сорокачетырёхлетняя Екатерина была без памяти влюблена, в своего «Циклопа. А он смешил ее, пытаясь укрыться одеялом, которое Екатерина вязала для своей собачонки Томаса. Екатерина была лишена музыкального слуха, он пел для нее. Ее очень развлекала его многосторонность: он мог быть дальновидным и мудрым советчиком, обладающим поистине тонким умом; повесой, веселящим высшее общество; нежным и страстным любовником; поэтом, преподносящим свои стихи возлюбленной повелительнице («Как скоро я тебя видал»); ипохондриком, которого одолевали периоды лени и депрессии; самым энергичным, выносливым, пронизательным и успешным дипломатом и государственным деятелем. Она была околдована Потемкиным и искренне верила в то, что он не только самый гениальный, но и самый красивый мужчина, который ей когда-либо встречался. Любовь сделала ее слепой, она не замечала его очевидных физических дефектов. А у него их было предостаточно: кроме вытекшего глаза, что было несчастьем, изуродовавшим его лицо, нос также не радовал – он был большим и «ухабистым», голова имела грушеобразную форму, а тело было огромным и непропорциональным. А чего стоила его привычка постоянно грызть ногти!

Огромный, со зловещим одноглазым лицом, Григорий Александрович был, как мы уже сказали, великолепным любовником. Только он знал, как быть одновременно и повелителем и почитателем любимой женщины. Что правда, то правда, Потемкин делил свое ложе не только с Екатериной, но служил верой и правдой всю свою жизнь только ей одной. Поговаривают, что сама Екатерина, потреблявшая любовные утехы, как некоторые потребляют сладости, отнюдь не была искусной любовницей. Она была женщиной, наделенной самой большой властью в России, что уже само по себе возбуждает. Потемкину это не могло не импонировать.

В то же время, Григорий Александрович не был намерен засиживаться в любовниках, ему хотелось не только любить и служить, но и править. Для ненасытного, не знавшего ни в чем меры, Потемкина, тот факт, что он стал любовником Екатерины, главенствующей роли не играл. Он любил и добивался ее двенадцать лет с завидным натиском и энергией, но ее ответное чувство не стало для него единственной реализацией его амбиций и мечтаний. Потемкин оставался влюблен и после того, как стал официальным любовником, то есть генерал-адъютантом, так что чувство его было вполне искренне, но он хотел большего. А хотел он величия и власти.

Он не ждал подачек и милостей от Екатерины. К моменту обладания ею, он был уже овеванным славой героем. Дело в том, что Потемкин связывал свои надежды с

активной деятельностью на благо Отечества и во славу женщины, которую любил. Екатерина, его возлюбленная повелительница, олицетворяла для него горячо любимую Россию. Слава императрицы была славой России и наоборот. Покончив с высокими словами, нужно, справедливости ради, добавить, что любимым автором Потемкина был итальянец Макиавелли, и властвовать над Екатериной означало для него господствовать над Россией... и наоборот. Силен мужик, не правда ли?

Итак, в чувствах Потемкина было больше тщеславия, как и подобает мужчине, любовь же Екатерины была наполнена больше романтикой и даже сентиментальностью, как и подобает женщине.

«Она с ума по нему сходит», - сказал как-то сенатор Елагин тогдашнему французскому послу графу Дюрану, - «конечно, они влюблены друг в друга, но, право же, они так похожи!». В начале их романа, Екатерине и Потемкину не хватало дня и ночи. Как только они расставались поутру, они тут же начинали обмениваться записочками.

Что же обсуждалось в этих коротеньких посланиях? Когда Екатерине и Потемкину приходилось расставаться, они служили продолжением их бесконечных бесед, покрывая невероятно обширный и замысловатый калейдоскоп тем. Торжественные заверения в вечной любви, упреки и оправдания, разрешения ссор, важные государственные дела и дворцовые сплетни, обсуждение приемов и яств, которые там подавались, взаимное уведомление о состоянии здоровья, назначение свиданий в бане, где они часто вместе ужинали, иногда просто коротенький вопрос, иногда зашифрованные знаки, о значении которых никто не мог догадаться. В них французский мешается с русским, интимное «ты» с официальным «вы». Используя почти все нежные слова, Екатерина, не довольствуясь тем, что имелось в наличии в нескольких языках, выдумывала любовные словечки сама. Некоторые из них выглядят немного странно; если представить себе Потемкина, мужика прямо-таки не дробенького, то такие нежные прозвища как «Попугайчик» или «Котеночек» вызывают слезы умиления. Итак, она называла его «Мой золотой фазан», «Дражайший голубок», «Котеночек», «Песик» («Toutou» по-французски), «Дорогое сердечко», «Душа-близнец», «Папочка», «Попугайчик», «Отец», и, конечно, употребляла разные вариации его имени – «Гриша», «Гришенок», «Гришенька», «Гриссхифишенька». Если она была особенно расположена выказать ему свою любовь, а такое случалось на первых порах постоянно, она обращалась к нему следующим образом: «Козак», «Москвич», «Лев в джунглях», «Тигр», «Гяур», а иногда иронично, «Мой добрый господин», «Монсеньер» или «Князь», или «Ваше превосходительство», или «Ваше светлейшее Высочество», или просто «Генерал». Потемкин обращался к Екатерине менее затейливо и более церемонно. Он не скрывал своей страсти и нежности, но, тем не менее, всегда подчеркивал разницу в их рангах. Большей частью он называл ее «Матушка», и, отказываясь следовать примеру некоторых ее любовников, не обладавших ни вкусом, ни тактом, никогда не называл ее «Катиша» или «Като». Держа дистанцию в переписке с Екатериной, Потемкин, тем не менее, выказал прекрасное знание словаря любовных и нежных терминов, общаясь с другими женщинами.

Получая послания от Екатерины, он, желая продемонстрировать свою величайшую почтительность, доходил до того, что заставлял курьера, принесшего ему послание от императрицы, сначала встать на колени, и только потом отдать ему послание. Курьер оставался коленапреклоненным до тех пор, пока Потемкин готовил ответ и, наконец, отпускал его. Мучая курьера, Потемкин довольно часто мучил саму Екатерину своими капризами и даже невниманием.

Записочки Григорий Александрович рассовывал по карманам и, накапливаясь, они становились схожи с толстой пачкой потрепанных купюр. Время от времени, Потемкин доставал их и перечитывал. Екатерину такой способ хранения ее посланий приводил в бешенство, поскольку она боялась, как бы эти очень личные свидетельства ее

привязанности не попали в чужие руки. Весь двор, конечно, говорил и злословил о ее бурном романе с «Гяуром», ей же хотелось пристойности. По прочтении, она тотчас уничтожила *billets-doux*, написанные рукой Потемкина, поэтому до нас дошли только считанные из его любовных посланий. Поблагодарим еще раз Григория Александровича за его забывчивость и привычку рассовывать записочки императрицы по карманам.

Так что же писала ему Екатерина?

«Дорогой! Думаю, ты полагал, что сегодня я не буду тебе писать. Я проснулась в пять, сейчас семь, я напишу тебе... Я приказала своему телу, включая даже самый маленький волосок на нем, не выдавать тебе ни малейшего знака моей любви. Свою любовь я заперла в своем сердце под десятью замками, она задыхается там, ей тесно, я чувствую, она не выдержит и взорвется. Нет, ты только подумай, ты, разумный мужчина, возможно ли в нескольких строчках наговорить столько глупостей? Целый поток бессмысленных слов льется из моей головы и я не понимаю, как ты можешь выносить женщину с такими нелепыми идеями. Ах, господин Потемкин, что за чудовищное волшебство вы свершили, расстроив голову, которая до сих пор считалась одной из лучших в Европе! Время, настало самое время мне одуматься. Стыд и позор! Какой грех! Екатерина II, и вдруг жертва этой безумной страсти. «Ты отвадишь его своей глупостью», - говорю я себе. Я буду часто повторять эти слова. Только они могут помочь вернуть мне разум, и это еще одно доказательство твоей высшей власти надо мною. Ну, довольно! Довольно! Я успела настроичить тебе столько сентиментальных глупостей, что ты будешь смеяться над ними. Ну что ж, сумасшедшее письмо, отправляйся в те счастливые края, где обитает мой герой. Я, однако, надеюсь, что ты не застанешь его там, и тебя принесут обратно, и тогда я брошу тебя в огонь. Мой маленький Гриша никогда не прочтет этих строк, полных сумасшествия, но и огромной любви. Прощай, Гяур, Москвич, Козак, я тебя не люблю».

Для письмеца, набросанного на листе бумаги в семь часов утра сорокачетырехлетней женщиной, да не просто женщиной, а Екатериной с ее любовным опытом, не говоря уже о ее ранге, совсем не дурно. Довольно пылкое изъяснение в любви, она выдает себя с головой. Таких прекрасных и откровенных писем насчитываются десятки и десятки. А вот совсем коротенькое: «Голубь мой, доброе утро. Мой дражайший и любимейший, мне хотелось бы знать, хорошо ли ты спал и любишь ли ты меня так же сильно, как я люблю тебя». Или еще: «Генерал, вы любите меня? Моя любит Генерала очень сильно». (Это не описка, Екатерина написала именно так: «Moi, aimer General beaucoup»). Или совсем одно предложение: «Спокойной ночи, дорогой, я иду спать».

Странное дело – под влиянием любви к Потемкину, Екатерина сделалась очень поэтической натурой. Однажды утром она послала ему письмо следующего содержания: «Утро доброе, дорогой. Нечто странное приключилось со мною. Я превратилась в сомнамбулу». Далее она словесно живописует, как ей приснилось, что, гуляя в прекрасных садах, она оказалась в незнакомом ей месте, где повстречала совершенно необыкновенного мужчину; как они долго беседовали, и как ему удалось сразить ее своими необыкновенными чарами. «Затем я покидаю его, - продолжает Екатерина, - и вдруг я просыпаюсь. Ищу этого мужчину повсюду, но его нигде нет. Его портрет навсегда останется запечатленным в моей памяти. Я дорожу им, больше, чем целым миром! Если ты повстречаешь его, ты не сможешь оторвать от него глаз. Любимый, когда увидишь его, поцелуй его от меня. Он, правда, достоин этого. Вполне может статься, что ты, все же, увидишь его. Все, что от тебя требуется, когда встанешь с постели, повернуть голову направо и взглянуть в зеркало на стене напротив».

Но, о, ужас, вместе с такими полными любви посланиями, она могла писать и другое: «Мой дорогой главнокомандующий Генерал и Рыцарь нескольких Орденов! Я нахожу, что эта неделя была несколько перенасыщена идиотами. В случае, если Ваше

глупейшее плохое настроение Вас покинуло, будьте так добры известить меня об этом, поскольку мне кажется, что оно упорствует. И, так как я не давала вам повода для такого продолжительного гнева, все это тянется, по моему мнению, слишком уж долго. К сожалению, я единственная, кому время кажется бесконечным, а вы – злой Тартар».

Письма в таком духе встречались, все же, не часто. И уж совсем редко такие: «Дурак! У меня и в мыслях не было тебе приказывать! Не заслуживая такого холодного отношения с твоей стороны, я виню в нем своего смертельного врага – твою хандру...». Но после такого письма она снова погружается в бредовый восторг и ведет себя не как зрелая женщина, а как девушка, которая влюблена в первый раз. «Как только ты ушел, знаешь, о ком мы говорили? О тебе, дорогой! ... Что касается меня, я знаю, что буду делать. Я буду думать – о ком? О нем. Истина в том, что мысли о Грише и так никогда не покидают меня. Я не люблю его, но между нами есть нечто необыкновенное, что невозможно передать словами. Алфавит слишком короток и букв не хватает».

Во многих своих записочках Екатерина упоминает о бане. Она и Потемкин любили париться вместе, а потом и ужинать там же. Вот одно из посланий: «Голубь мой! Если тебе хочется поесть мяса, то извещаю тебя, что все приготовлено в бане. Но умоляю, не выноси оттуда еду, иначе все узнают, что для нас готовят прямо там». Потемкин пишет Екатерине: «Дорогая Матушка! Я только что приехал, замерз до такой степени, что не могу согреть даже своих зубов. Прежде всего, хочу знать, как Вы себя чувствуете? Я благодарю Вас за три платья и целую Ваши ноги», на что Екатерина отвечает: «Рада, что ты возвратился, дорогой. Я чувствую себя хорошо. Чтобы согреться: сходи в баню; сегодня ее натопили». Одна из записок начинается так: «Мой красавец, мой дорогой, с которым никто не может сравниться, я полна расположения и нежности к тебе и, пока я жива, ты будешь под моей защитой. После бани, я думаю, ты станешь красивее, чем когда-либо».

У этой пары было в обычае довольно подробно обсуждать проблемы, если таковые возникали, с их здоровьем. Его слабым местом были простуды, ее – несварение желудка. Она пишет: «Я не советую тебе, любимый, приходиться ко мне, ты можешь легко схватить простуду. Но я очень рада, что после бани тебе лучше, потому что я люблю тебя», или «Голубь мой, я очень расстроена твоей болезнью. Пожалуйста, сделай одолжение, пошли за Келченым, он осмотрит тебя. Я волнуюсь, потому что знаю, насколько ты небрежен со своими болезнями. Мой дорогой друг, я молю бога, чтобы завтра тебе стало лучше». Потемкин мог быть на удивление надоедливым, когда бывал болен, поэтому Екатерина пишет следующее: «В самом деле, пришло время расставить все по местам. Успокойся и дай покой мне тоже. Я тебе искренне говорю, что очень жалею о том, что ты болен, но я не буду баловать тебя нежными словами». Иногда они болели одновременно. Она пишет: «Если тебе действительно нужно видеть меня, пошли кого-нибудь сказать мне. С шести часов утра у меня страшное расстройство; боюсь, что, идя к тебе по этим нетопленным коридорам, да еще в такую плохую погоду, я только наврежу себе, мои, и так непрекращающиеся боли, еще усилятся. Я очень сожалею, что ты болен. Постарайся успокоиться, мой друг, это лучшее лекарство».

Однажды, то ли желая наказать Екатерину, то ли посмеяться над ней, Потемкин вместо записки, посылает ей свернутый лист чистой бумаги. Вот каков был ответ: «Сегодня не первое апреля, чтобы посылать мне пустой лист бумаги. Может статься, что это – результат твоего вчерашнего сна, либо ты сделал это чтобы чересчур не избаловать меня. И, поскольку, я не ведаю пока о твоих намерениях, я не могу догадаться о причине твоего молчания. Все же, меня переполняет нежность к тебе, Гяур, Москвич, Пугачев, золотой петушок, павлин, кот, фазан, золотой тигр, лев в джунглях!».

Как избалованная примадонна, Потемкин не упускает момента напомнить ей о том, насколько мало внимания она ему уделяет. Она отвечает следующее: «Разреши мне сказать тебе, мой любезный друг, что я никогда не забываю о тебе. Как только я

закончила слушать доклады, что заняло три часа, я сразу же хотела послать кого-нибудь за тобой, но не было еще десяти, и я боялась разбудить тебя. Как видишь, твоя злость не имеет под собой основания, но я знаю, что есть люди, которые вместо того, чтобы сказать «спасибо» за тактичное обращение с ними, ищут повода для недовольства. Дорогой, я люблю тебя, как свою душу».

Она из кожи вон лезла, чтобы угодить ему, задобрить его, побаловать, оказать ему почести, прославить и вознести его. И она же была любящей, нежной, смиренной женой, с содроганием ожидавшей его очередного каприза или плохого настроения. Почти как маленькая провинциалка, которая пишет письмо своему герою, она признается ему в одном из писем, что совсем не удивлена тому, что ни одна женщина не может устоять перед ним: «Думаю, что ни один мужчина в мире не знает лучше тебя, как заманить их в сети (женщин – прим. авт.)». Или: «Всей своей работой я стремлюсь к одной награде: твоей нежности. Я вижу в тебе бога, полного снисхождения, а совсем не злого Плутона. Сказав все, хочу добавить еще одно: если тебе так плохо, то я уступлю твоей воле, которая для меня всегда выше собственных капризов, так не любимых тобою».

Потемкин был как бездонный колодезь. Он проглатывал все: деньги, почести, любовь императрицы, но, чем больше он получал, тем несчастнее он становился. Прямо как в сказке. Это замечала и Екатерина, иногда ей казалось, что что-то гнетет его. «Покой для тебя такое состояние, которого твоя душа не выносит», - сказала она однажды. Тем не менее, когда он бывал в хорошем настроении, все опять, как по мановению волшебной палочки, становилось чудесно. «С тобой все легко. Вот что значит быть по-настоящему влюбленной!».

По утрам ей нравилось звать его к себе, но часто она сдерживала себя, боясь разбудить его, либо помешать ему работать. Вместо этого, она посылала ему нежные записочки. Иногда ей казалось, что он отдаляется от нее: «Я должна выбрать тебя, - пишет она, когда они оба были в Царском Селе. - Я пришла разбудить тебя, но, вместо того, чтобы найти тебя в постели, я увидела, что тебя нет. Теперь я понимаю, что это твое желание поспать было всего лишь предлогом, чтобы избавиться от меня. В городе ты проводишь подле меня много часов, иногда перед обедом, иногда по вечерам, в то время, как здесь я вижу тебя урывками. Гяур, Казак, Москвич, ты всегда норовишь ускользнуть от меня! Осторожней! Так ты можешь приучить меня больше не искать твоей компании. Я сделаюсь холодна к тебе. Ты можешь смеяться сколько тебе угодно, но мне не до смеха, когда я вижу, что тебе скучно со мною. Ты желаешь быть далеко, неизвестно где, лишь бы не со мною...».

Она всегда скучала за ним, но ей было радостно оттого, что он много работал, и она всячески поощряла его к государственным делам, несмотря на то, что ему часто приходилось быть в отъезде. Однажды, по такому случаю, она черкнула ему всего несколько слов: «Лети, мой голубь, и будь счастлив». Возвратившись, он посылает ей тоже пару слов: «Матушка, мы вернулись. Пора ужинать». И она: «Слава богу! Кто мог подумать, что ты уже вернулся!». Или вот еще один образчик их переписки. Она: «Как долго ты будешь забывать в моих комнатах свои вещи? Будь добр, не разбрасывай свои носовые платки где попало, по своей турецкой привычке. Много благодарю за твой визит и люблю тебя крепко, крепко».

Каждый раз, когда он бывал хорош с нею, она не уставала благодарить его, считая его нежность невероятно трогательной. Она спешила уверить его в своей любви и преданности в цветистых выражениях радости и любви: «Мой дорогой голубь, мой бесценный друг! Должна написать, потому что обещала тебе. Знай, что я люблю тебя и пусть это никого не удивляет. Для тебя каждый готов сделать невозможное, вот и я согласна быть твоей скромной горничной или твоим преданным дворецким, или обоими сразу». Комичное и непонятное заключается в том, что он действительно иногда относился к ней, как к служанке. Наберется не менее дюжины записок, где она жалуется

на то, что не может попасть в его апартаменты, потому что он ушел и запер двери. В таких случаях сама Екатерина всегда предупреждала Потемкина, желая избавить его от лишнего хождения по коридорам. «Дорогой! Я иду спать и дверь будет заперта. Если, вопреки ожиданиям, ты все же придешь, а вовнутрь попасть не сможешь, я буду плакать завтра горючими слезами. Я умоляю тебя оставаться у себя и постараться понять, что невозможно любить больше, чем я люблю тебя, душа моя».

Есть еще одно длинное письмо, в котором Екатерина описывает эпизод, сильно задевший ее самолюбие. «Спасибо за твой визит, но я так и не поняла, что помешало тебе вернуться? Возможно ли, что мои слова послужили причиной? Я объявила, что хочу спать лишь для того, чтобы ушли другие, а ты не вернулся потому, что подумал, что я действительно лягу спать. Но, можешь не сомневаться в том, что я достаточно сообразительна. Я отправилась спать, чтобы выдворить остальных, и, как только они ушли, я поднялась, оделась, и пошла в библиотеку, чтобы перехватить тебя там. Сидя на сквозняке, я напрасно прождала там два часа, после чего – около одиннадцати – я в довольно подавленном настроении возвратилась в свои апартаменты, где, благодаря тебе, я провела четыре бессонные ночи. Прошлую ночь я также не сомкнула глаз, безрезультатно гадая над причиной твоего изменившегося отношения ко мне, которое, тем не менее, показалось мне довольно непритворным».

Читая это письмо, трудно поверить собственным глазам. Вот так Потемкин! Страстный любовник императрицы, который в разгар их любовной истории заставляет ее провести два часа в холодной, темной библиотеке, и даже не помышляет о том, чтобы извиниться. Екатерина же не только терпит подобные выходки, но ни в коей степени не позволяет им повлиять на их совместную работу и на обсуждаемые ею и Потемкиным планы.

В это время при дворе одна за другой велись сразу несколько интриг, и все они были направлены против Потемкина. Среди остальных интриганов особенно старались братья Орловы. Старший из них, Алексей, имел различные заслуги перед Екатериной, включая помощь в избавлении ее от ее законного мужа Петра III. Именно поэтому, он позволял себе давать ей советы, не скрывая своей неприязни к Потемкину. Еще одно: Алексея Орлова невозможно было заподозрить в ревности – он никогда не был ее любовником, как его брат, Григорий, и его самолюбие не было ущемлено ни отставкой старого, ни предпочтением нового фаворита. Было ущемлено его тщеславие – он хотел, как и прежде, оставаться первой фигурой при дворе. Потемкин платил Алексею Орлову взаимной неприязнью, дав ему прозвище «Аптекарь». Так вот, Алексей Орлов объявил Екатерине, что ее «банные» свидания не являются ни для кого секретом. Но не баня волновала Орлова, а та скорость, с которой Потемкин взлетал вверх, к власти, и та твердость, с которой он устанавливал свое полное господство над императрицей.

В одном из своих писем, Екатерина пишет Потемкину: «Я должна во что бы то ни стало увидеться и поговорить с тобой, это необходимо. Тот, кого ты называешь «Аптекарем», был у меня и долго разговаривал со мной, но ему не удалось довести меня до слез. Он пытался заставить меня понять все сумасшествие моего поведения по отношению к тебе и, в конце концов, сказал, что ради моего счастья, он уговорит тебя ехать в армию: с чем я согласилась. Все они, во всяком случае, стараются читать мне наставления, в то время, как истинная правда заключается в том, что ты внушаешь им отвращение не больше, чем князь Орлов. Я не отвечала ни да, ни нет на то, что говорил «Аптекарь», дабы в будущем меня не смогли упрекнуть во лжи. Короче, я должна сказать тебе массу вещей, и особенно о том предмете, о котором мы говорили вчера между полуднем и двумя часами: но я не знаю, в том ли ты настроении, что и вчера, и я также не знаю, всегда ли твои слова сходятся с делом, потому что ты несколько раз обещал мне, что придешь и не приходил. Не раздражайся на мои упреки, они оправданы. До свиданья, и пусть бог бережет тебя! Несмотря ни на что, я постоянно думаю о тебе. О

ла, ла, какое длинное письмо получилось. Прости. Я всегда забываю, что ты не любишь длинных писем. Больше так делать не буду».

Что же за планы Екатерина и Потемкин обсуждали между полуднем и двумя часами? Поверьте, планы были совсем не шуточными, планы были амбициозными, далеко идущими, для кого даже шокирующими, а для кого и абсолютно неприемлемыми. Речь шла о женитьбе. Дело в том, что невероятно многогранная натура Григория Александровича, помимо великого любовника и недюжинного государственного деятеля, вмещала в себя также весьма набожного раба божьего. Потемкину было просто необходимо, исключительно по моральным соображениям, переплеставшимися, тем не менее, очень тесно с желанием иметь неограниченную власть, легализовать свой союз с императрицей. Он был движим жаждой власти, боязнью греха (!!!), но также и любовью: напомним лишний раз, что эти двое любили друг друга так, как многие не умеют любить. Их настоящая любовь доказала самое себя: сколько примеров знает история и жизнь, когда любовники, расставшись, продолжают оставаться нерасторжимыми в делах государственных?

Наконец, под пологом секретности, в Свято-Сампсониевской церкви, удаленной от фешенебельного центра русской столицы, бывшая Ангальт-Зербстская принцесса, София Августа Фредерика, теперь ее Имперское Величество всех Рассей, императрица Екатерина II, вдова его Имперского Величества царя Петра III, по своей доброй воле венчалась с Григорием Александровичем Потемкиным. Екатерина прибыла на свое секретное венчание в сопровождении своего доверенного лица и своей подруги Марии Саввишны Перекусихиной. Свидетелями со стороны Потемкина были его племянник граф Александр Николаевич Самойлов и его камергер Евграф Александрович Чертков. Одну копию брачного свидетельства доверили Самойлову, другую – Перекусихиной. Позже, племянник Самойлова, Бобринский, свидетельствовал в своих записях о том, что вышеупомянутая копия брачного свидетельства была положена в гроб его дяди, скончавшегося в 1814-ом году. Другая копия была передана семье Волконских*.

После состоявшейся церемонии, в записках Екатерины появились такие слова, как «дорогой муж» и «нежный супруг», а подписывалась она так: «твоя преданная жена». Она никогда не называла ни одного из своих любовников до либо после Потемкина мужем, а себя женой, она также никому из их не давала торжественных клятв наподобие вот такой: «Мой хозяин и нежный супруг! Начну свой ответ с того, что волнует меня больше всего. Зачем тебе хочется плакать? Зачем ты предпочитаешь верить своему больному воображению, нежели реальным фактам, все из которых подтверждают слова твоей жены? Разве два года назад она не была связана с тобой священными узами? Разве с тех пор я переменилась к тебе? Как это может быть, что ты больше мною не любим? Доверься моим словам. Я люблю тебя и связана с тобой всеми возможными узами». Это письмо довольно красноречиво и есть много других, написанных в том же духе.

Примерно через два дня после свадьбы она пишет Потемкину следующее письмо: «Я благодарю тебя за ужин, который ты дал в мою честь вчера и, хотя я была немного смущена, я все же, помятую о твоей нежности. Я думала о ней, ложась спать вчера вечером и проснувшись сегодня по утру. Будь так добр, скажи мне, что наш племянник Энгельгардт сказал тебе, когда вы остались вдвоем. Подозреваю, что твое сумасшествие должно было показаться ему странным... Прощай, Гришенька! Думаю, что если тебе непременно надо стоять за моим креслом, я буду красная, как рак. Надеюсь, в галерее будет достаточно свежо. Когда я поднимусь из-за стола, я скажу «Уф, уф!». Только не забудь и сам поужинать...».

Почему Екатерина, упоминая племянника Потемкина, Василия Энгельгардта, пишет «наш» племянник? И почему она вдруг почувствует себя неловко, если Потемкин будет стоять за ее стулом, прислуживая ей, выполняя обязанности, которые он

многократно выполнял и до и после того, как они стали любовниками? Не потому ли, что ее приводил в трепет их общий секрет? Ей непременно хотелось знать, что Энгельгардт думает об их «сумасшествии», но дело в том, что правда просочилась, и несколько человек узнали об их тайне. Потемкин был очень раздосадован. Она успокаивала его: «Что поделаешь, дорогой? Такое случается часто. В таких случаях Петр Великий посылал людей на базар и они приносили новости, которые только ему казались секретом. Прощай, моя душа. Я выбираю для тебя апартаменты на плане московского дворца».

Странно то, что всего два года спустя после венчания, Потемкин пребывал в черной меланхолии и разного рода сомнениях, ничего не было ему мило, как и в самом начале его знакомства с Екатериной, когда все было очень неопределенно. Хандра была очень в духе Григория Александровича и, все же императрица пыталась развеять его мрачные настроения: «Дорогой! Что за истории ты рассказывал мне вчера! Не перестаю смеяться, вспоминая их. Какие счастливые минуты я провожу с тобой! Без тени неудобства мы проводим вместе четыре часа кряду и я всегда покидаю тебя неохотно. Мой дорогой голубок, я люблю тебя крепко, ты красив, умен и умеешь развлечь. Когда я вместе с тобой, я забываю обо всем на свете. Я никогда не была так счастлива, как сейчас. Я часто стараюсь скрыть свои чувства, но мое сердце выдает мою страсть. Оно, конечно, переполнено и из него льется через край. Утром я не написала тебе раньше, потому что встала поздно и, к тому же, я знаю, что ты на дежурстве сегодня. Прощай, мой друг, веди себя хорошо перед другими людьми, так, чтобы ни один из них не смог заподозрить, что на самом деле происходит между нами. Меня страшно нравится дурачить людей».

А вот и несколько строчек из других записочек, наполненных счастьем: «Дорогой! Я не злюсь и не вижу причины для злости. Мой дорогой, вчерашний день был одним из самых счастливых в моей жизни, потому что закончился он так хорошо. Если бы все дни заканчивались именно так! Я всегда буду уступать тебе, душа моя, но и ты должен быть снисходительным, моя красота. Прощай, моя драгоценность, мое сердце, мой любимый муж». И снова: «Любимейший! Могу я прийти к тебе и когда? Я умираю от желания увидеть моего маленького Гришу, того, что принадлежит мне». Она всегда боялась, что он может быть чем-то раздражен: «Мой дорогой друг! Боюсь, что ты сердиться на меня. Если нет, тогда хорошо. Чтобы доказать, что не сердиться, приходи тотчас же ко мне в спальню. Моя душа желает страстно твоего присутствия». И еще: «Мой голубь, восемь часов. Я прошла до твоей двери, но там был твой камердинер, и я не посмела войти. Я пишу это, чтобы объяснить, почему мне пришлось прервать наш обычный распорядок, которым я так дорожу. Прощай, мой золотой фазан. Я люблю тебя очень, очень».

Заканчивая свой доклад, Стасов привел еще одну *billet-doux*, написанную Екатериной, которая вернее и ярче остальных характеризует их отношения, не оставляя нам уже совсем никаких сомнений: «Мой муж спросил меня: куда мне податься? Где найти подходящий угол, чтоб приткнуться? Мой дорогой и любимый муж, приди ко мне, ты будешь принят с распростертыми объятиями».

Глава 9

Доклад Стасова, профессора, преподавателя Санкт-Петербургского Университета, стал сенсацией на конференции. Все говорили о нем, передавая друг другу впечатления, тепло поздравляя докладчика. Оказывается, практически никто из тех, кто специально не интересовался эпистолярным наследием русской императрицы, не подозревал в ней столь

неординарных дарований, столько нежности и непосредственности. К сожалению, сам Аркадий был не чувствителен к похвалам. Он пребывал в том ужасном душевном состоянии, когда плохо понимаешь, где находишься, зачем находишься, что за люди тебя окружают, и что требуется делать и говорить. Доклад свой он прочитал хоть и с выражением, но в абсолютном безучастии души и сердца, или, лучше сказать, в полнейшем отсутствии себя самого, выдержав около трех часов на подиуме только благодаря силе воле и самовнушению.

Что с ним происходило? Ему хотелось убежать, ускользнуть, ушагать на своих длинных, нескладных ногах, улететь, оторвавшись от земли сильным взмахом крыльев. Ему иногда казалось, что вместо длинных рук, у него выросли крылья, покрытые серыми грязными перьями. Стасову надо было вырваться, а не сидеть в далеком Фуншале, убивая дни тоской – глубокой, злобной и безбрежной. Он превратился во врубельского «Демона», а стулья в конференц-зале в твердые холодные скалы. Ему было трудно и ненужно жить так долго в разлуке с Татьяной, ему надо было назад, к ней. Аркадий не знал даже, когда успел привязаться к ней, к ее широко поставленным глазам, к ее бледности, к наивному благородству, к ее целомудрию, к тому, что она даже не обещала принадлежать ему. К ее высокомерию, к тому, что она с трудом привыкала к нему, а теперь просто терпела его рядом, скупю радуясь приятным часам, проведенным в его обществе. Он еще не завоевал ее, да и завоеует ли вообще когда-нибудь? С другой стороны, зачем она ему сдалась? Столько женщин были его любовницами или хотели ими стать! Зачем, почему она? Эта бледная, как будто изваянная из алебаstra, юная гейша, не ведавшая страстей? Нет, он не хотел покорить ее ради обладания, он не хотел создать ее, как умелый учитель ваяет шедевры из податливого материала молодости, он хотел прожить с ней жизнь. Аркадий знал, что не будет разочарован.

Почти всегда случается вот что: мужчина и женщина приглянулись друг другу, их что-то толкнуло друг к другу, они влюбляются. Влюбляются, впрочем, не зная друг друга. Им дается знак, но не более. Впереди огромными, часто непроходимыми глыбами, лежит время, в течение которого этим людям предстоит узнать и полюбить друг друга. День за днем преодолевая снежную пустыню, они вдруг находят едва проклюнувшийся из вечного холода, трепетный цветок. Бесконечно уставшим, разочарованным и озлобленным, временами ненавидящим, но, все же, любящим, им предстоит отделять от тугого бутона лепесток за лепестком, пока не получится пышный цветок. Цветок, ухоженный и возвращенный парой, красивый плод их терпения и любви. Они не сдались, не предали друг друга, не купились на нечто более привлекательное и легкое, но недолговечное и пустое. Они не пожалели времени и труда на того или ту, кого приметили и к кому их потянуло. Но именно теперь, спустя время, любовь раскрылась во всей своей красоте. Именно теперь вы не отпустите ее ни за что и никуда. Аркадий, будучи старше Татьяны, прожил лет двадцать с ней в своем воображении, пройдя стадии влюбленности и первоначальных разладов, сделав ее своей, раскрыв перед своим внутренним взором сотворенный им нежный яблоневый цветок, с лепестков которого на него смотрела молодая женщина, желанная и недосыгаемая.

Он не знал, что был настолько влюблен. Его изощренный, разборчивый, стремящийся к совершенству ум коллекционера, не признавал разбросанных чувств, подчиняя все порядку и безупречности. Да, он грешил страстями, но страсти ведь не любовь. Любовная страсть – это невероятно сильное желание, которому часто трудно противостоять, и которое в большей степени испытывают мужчины, в меньшей – женщины. Заметим, что между любовной страстью и инстинктом продолжения рода связь есть, но ее нельзя назвать постоянной, она – переменная, как электрический ток. Поэтому говорят, что брак не вытекает из природы человека. У женщин любовная страсть имеет волнообразную и периодическую природу, потому что, возникая в определенное время, она затем гасится материнством, предполагающим ответственность, собранность и ясную голову. Нельзя же, право, ошалело носиться в поисках того, кто утолил бы твою любовную страсть, имея на руках ребенка! Женщина также отвлекается от страсти, если чувствует, что нарушена гармония бытия вокруг нее или, если возникла опасность. Она отвлекается от страсти, то есть не замечает явного беспокойства в толпе своих гормонов, когда у нее плохое настроение, когда она думает, что набрала несколько килограммов, когда на работе неприятности или, если ей сделали плохую стрижку в парикмахерской. Одним словом, женщина, чтобы воспылать страстью к мужчине, должна сначала понравиться себе самой. Мужчина, напротив, горит огнем страсти, ярким или еле заметным, практически постоянно. Аркадий познал страсть, она доставляла ему радость, но не обременяла ни его чувств, ни его сознания. Он с чисто мужским высокомерием относился к Екатерине Великой и ее влюбленностям. Теперь же завяз сам. Сравнивая, он понял, что еще ни разу в жизни не любил. Его давнишняя связь с актрисой была не любовью, а вариантом все той же страсти. Тогда не душа его волновалась, а его мужское себялюбие, стремившееся удержать незаурядную женщину подле себя. Господь – свидетель, он старался. Но любовь?

Да и хочет ли он любить? Таковую недоделанную и, в общем-то, несчастную молодую особу? Что он может ей предложить? Эротический опыт, накопленные мысли, деньги, свою жизнь? Сможет ли она оценить дары, которые он сложит к ее ногам? Что она сделает, как поведет себя, войдя полной хозяйкой в обитель его жизни? Его тянет к ней, но разве в его тоске есть признаки радости или возбуждения? Ничуть. Зато полно невыносимого помешательства, кажется, что тебя заперли в комнате без окон и не выпускают на волю, туда, где краски, солнце и воздух. В сознании Аркадия никак не могло соединиться чувство с обладанием. Противоречие состояло в том, что обладал он часто и многими, при этом не испытывая этого самого чувства – любви. Как обладать любя? И если он любит, чем будет отличаться обладание в этом случае?

Он мучился этими мыслями в окружении волшебной, необузданной, неувядающей природы Мадейры. Там дует голубой ветер, принося с собой запахи океана и странствий. Там идет дождь, нашептывая древние предания, а ты спешишь под зонтиком в какой-нибудь погребок, где закажешь стаканчик мадеры и, не прерывая разговора с дождем о былом, станешь смаковать и медленно проглатывать бархатную душу вина. Там светит солнце, обнажая вечную любовь могучего и дьявольски глубокого океана, настойчиво ласкающего крутые склоны своей возлюбленной Мадейры. В другое время Аркадий был бы счастлив, но сейчас ни природа, ни экскурсии не могли отвлечь его от навязчивых мыслей о том, что он спеленат и заперт, и что его не пускают туда, куда рвется его влюбленное сердце.

Его переводчик и гид, добродушный, остроумный, толстый и вечно потный Жоао, страдал оттого, что непонятно отчего страдал русский профессор. Никакая пронизательность, унаследованная от его бабки, не помогла бы понять португальцу Жоао, что его невнимательный турист был озабочен влюбленностью и, поэтому, мучается приливами беспокойных видений: вместо водопадов ему мерещатся ее распущенные темные волосы, разбросанные по белой подушке, вместо тропических цветов – ее губы, вместо высоких эвкалиптов – ее худое, длинное тело, вместо переливчатой воды, окружающей остров – ее влажные глаза. И только одно место, показанное ему Жоао, привлекло внимание Аркадия, найдя отклик в его изболевшейся душе. Этим местом был выжженный кусок земли на самой макушке острова. Никто не знал, откуда взялась эта проплешина, но короткая, пожухлая трава, ни разу за все последние десятилетия не позеленела, а черная, обугленная земля так и не возродилась к жизни. Некоторые предполагали визит инопланетян. Что же еще? Господнее проклятие? Но за что? Непредусмотренный визит инопланетян был, пожалуй, предпочтительнее немилости того, в чью доброту мы хотели бы верить. Итак, жалкий, но одновременно загадочный вид этой проплешины как-то сочетался с иссохшейся аркадиевой душой, надевавшейся, тем не менее, на лучшее.

Он исхудал и походил на голодного и ободранного волка в начале весны. Он скучал и не находил себе места. Донельзя хотелось позвонить. Протягивая руку к телефонной трубке, он замирал, но, если все-таки набрать нужный номер, что сказать или провить? Его голос выдаст его, он не сможет говорить о пустяках. Она наверняка спросит о докладе, ему же непременно надо будет говорить о любви. О своей любви. Получится, скорей всего, выпренно. А если ей это не интересно? Кто сказал, что с тех пор, как ее вытошнило на диван в его квартире, она успела его полюбить? Если вообще ее сознание и душа двигались в этом направлении. Она ничем себя не выдала. Скорей всего, она была вполне удовлетворена его дружбой и его покровительством.

Все свободное от конференции время, Аркадий проводил в номере отеля «Савой», производя немые, но бесконечные монологи на тему любви. Спрашивается, с чего бы это? Записной сердцеед, обладающий таким богатейшим опытом, прекрасно знающий, как соблазнять и покорять и, к тому же, филолог, так неужели ему трудно объясниться в любви ничего не выдавшей в своей жизни девчонке? Знаете, почему трудно? Потому что Аркадий видел в неразвитой Татьяне не человека, а потустороннее существо. Скажи такому существу «люблю», и оно обязательно не только поймет, но и поверит. А потом, если вдруг обстоятельства изменятся, и придется бросить, или просто разлюбишь, что же станет с ним, немым, но успевшим привязаться к тебе ангелом? Это невинное существо – ангел и Татьяна в одном лице – несомненно погибнет, и обидчику будет мерещиться ее душа до конца дней его. А ведь возможно, возможно, возможно разлюбить! Аркадий вполне был на это способен и страшно боялся совершить это преступление.

От беспокойных своих мыслей он как-то совсем потерялся. В зеркало он предпочитал не смотреть и уже несколько дней не брился. Персонал гостиницы обходился с ним вежливо, решив для себя, что Аркадий – гений из той далекой, холодной и неопознанной страны, что зовется Россией.

Но настал счастливый день, когда Аркадий сказал себе, что продолжаться так больше не может. Как и его герой Потемкин, он был человеком настроения. Заметим мимоходом, что все русские страдают таким недугом как хандра. Если Стасова одолевала меланхолия, он брал скрипку и, извлекая из нее звуки, похожие на вой, очищал свою душу. Здесь же, за неимением скрипки, он прибег к Потемкинскому методу: целый день в халате валяться на диване. Немного перефразируем: все вечера напролет, как приходил с конференции, так, не раздеваясь, в брюках и туфлях валялся на кровати. И теперь вот, вышел на балкон своего номера и долго, мутно и отрешенно, смотрел на высокие волны, с грохотом обрушивавшиеся на одетый в бетон берег у подножья гостиницы. Ему нужно было понять одно: почему он любит? Без этого двигаться дальше было нельзя. Если поймет, почему любит, значит, не разлюбит. Вдруг, он вспомнил кое-что, один незначительный эпизод. Сначала неясно, не видя связи со своими мучениями, но постепенно понимание стало проникать в его мозг; душа сначала молчала, но потом и она пришла на помощь. Значит, его догадка и знание, вытекавшее из этой догадки, были верны. Единственно верны. Аркадий упорствовал в своих мыслях. Внушал себе.

Этот эпизод случился некоторое время назад. Была все та же первая и единственная глубокая осень их знакомства. Будет ли вторая? Они с Татьяной сидели на лавочке неподалеку от Мариинского театра. Листья с деревьев давно облетели, воздух был морозным и влажным. Смеркалось. Разговаривать они не могли, прямо перед ними рабочие терзали отбойными молотками асфальт, как обычно, в последнюю минуту перед началом зимы, латая дыры в трубах отопительной системы. Татьяна заморожено смотрела на скачущий отбойный молоток, ее глаза были пусты, она слушала звук этого инструмента. Пронзительный, и пронизывающий, вибрирующий сначала снаружи, этот звук отталкивал, потом завораживал своей гадливостью, а затем, воспользовавшись твоей минутной растерянностью, проникал внутрь твоего организма, быстро распространяясь в органах и в мозгу, как опасная зараза. Но вот отбойный молоток прекратил работать и звук оборвался. Татьяна вздрогнула. Она потеряла звук. Звук отвратительный, резкий, проникающий и разъедающий, сначала ударивший наотмашь, но потом заполнивший до предела пустоту внутри нее. Аркадий тогда подумал, что его душевнобольная на самом деле является пустым сосудом. В ней не было ни знаний о любви, ни воображаемых картин о лучшей жизни, да и о возможной жизни вообще. В ней не было ни музыки, ни поэзии, ни слез, ни волнений, ни всхлипываний, ни восклицаний. Ни тяги к интриге, ни доли артистизма, ни жажды приключений. В ней не укоренился опыт восприятия, и ее эмоции были подавлены. «Ее можно наполнить чем угодно, – ужаснулся Аркадий. – Хорошо, что я рядом, а если бы кто другой?» В следующее мгновение рабочие собрались и разошлись. Наступила глубокая тишина, та тишина, которая наполняет точно так же, как могут наполнять звуки. Тишина как будто говорила: «Приготовьтесь, сейчас что-то случится». И когда уже ничего не ждалось, из открытого окна театра неожиданно вырвалось несколько звуков музыки. Глубокие звуки виолончели прорезали тишину торжественно и мощно, словно возвещая о свершении чуда. Кто-то начал музыкальную фразу и бросил ее на полутоне. Татьяна посмотрела на Аркадия, в глазах у нее стояли слезы.

Еще? – умоляя Аркадия, еле слышно пробормотала она.

Не знаю. – Ответил он. Ему показалось, что эти низкие, возбуждающие звуки вошли в ее тело как нож, причинив рану, от которой поначалу чувствуешь вместо ожидаемой боли, удовольствие.

Татьяна снова устремила взгляд к окну театра. Но вместо звуков музыки, из окна донесся резкий женский смех.

Ты любишь музыку? – тихо спросил Аркадий.

Я люблю не музыку, а звуки. Я не знаю музыки. Я не могу отличить Вивальди от Моцарта, и Бетховена от Чайковского. Много читала о них, об их произведениях, но музыку их не знаю. Знаю только названия опер, симфоний.

Я научу тебя. Я буду играть тебе на скрипке, ты будешь слушать. Мы будем ходить в театры, в концерты. Ты быстро научишься, я уверен. Ты наполнишься музыкой и будешь сиять.

Он сдержал свое слово. С тех пор они побывали на нескольких концертах в Мариинском и в Консерватории, вот только на скрипке ему еще не пришлось ей сыграть.

Сейчас же, стоя на балконе, Аркадию показалось, что Татьяна всегда напоминала ему цветок подсолнечника. Тогда она встрепенулась и потянулась к звукам, как подсолнечник тянется к солнцу. Подсолнечник, в общем-то, цветок не красивый. Цветок-замухрышка, беспризорник. И одет-то он в такую непереносимую цветовую гамму: в коричнево-желто-зеленые лохмотья. Именно из-за внутреннего несогласия с этим лишенным гармонии цветовым аккордом, Аркадий поначалу никак не мог найти общего языка и с Татьяной. Она ведь тоже как беспризорник. Выросла без ласкового внимания родителей, без материнской любви и отцовского присутствия. Тогда, убегая от него по площади, пряча лицо от стыда и боли, она назвала его «Папа Карло». И правильно назвала, чего же тут стыдиться?! Он поэтому и любит ее. Не за красоту, которой она не блещет, не за молодость, не за ум, который она прячет, а за сиротство, за обездоленность в любви. Как у любого мужчины, у него есть инстинкт отцовства, пусть и не совсем развитый. Только он не родной ее отец, поэтому всю свою жалость к ней он изольет в любви мужской, соединив в ней воедино любовь отцовскую и мужнину. Просто он будет любить ее за двоих. Его невидная собой душевнобольная отгадет, согреется.

Аркадий улыбнулся. Он пришел к согласию со своею непрошеной любовью, поняв, что именно так, за двоих ему и надо, и хочется любить. Что только так, именно так, единственно так, он и мог полюбить. Никакая женская красота, никакой кокетливый и острый ум, никакие женские плутни, ни добрая зрелость некоторых матрон, ни свежесть юных дев, уж больше не могли заставить его любить. Он хорошо разобрался в людях, знал, что почем на рынке жизни, знал, сколько просят за желания и соблазны, и сколько приходится платить за компромиссы и ложь. Ему надо было полюбить беспризорницу для того, чтобы искупить свои грехи. И, слава богу, что в его душе Петербургского Чудовища эта любовь поселилась сама, не спрашивая, не выторговывая себе место, а просто так, тихо и скромно уведомив о себе. Всю жизнь он был уверен, что встретит и полюбит царицу, а встретил ангела, не полюбить которого он просто не смог.

Была еще одна причина, как казалось Аркадию, любить Татьяну. «Мы оба некрасивые, что тоже притягивает и роднит», - сказал он вслух, рассмеявшись радостно и легко. И, правда, Аркадий не мог похвастаться той мужской красотой, в которой полно мальчишеского обаяния, когда теплота улыбки сливается с сиянием голубых глаз. В нем было полно звериного, опасного и властного. Она же не обладала той притягательной, чувственной красотой, что делает женщину желанной. Но у него, слава богу, мозги были на месте, а у нее душа была чистой и трепетной. **Иногда ему казалось, что Абрикосова – это та российская душа, что таила в себе белую голубку, и которая, однажды погибнув, до сих пор не воскресла.**

Наступило облегчение. Господь приложился к его уразумению, подсобив принять посланную им любовь. Расправив плечи, Аркадий вобрал в легкие побольше влажного соленого воздуха, и огляделся. Направо мигал огоньками отель «Карлтон» и Казино. Вспомнив, что деньги, привезенные им с собой, до сих пор не растрочены, он решил отвлечься и попытаться счастья. А раз так, мир, словно все это время прятанный за занавесом, снова вынырнул и предстал перед ним во всей своей заманчивой развлекательности.

Вернувшись в номер, Аркадий принял душ, побрился, облачился в смокинг и вышел, не удосужась обозреть себя в зеркале. Он был с любой одеждой на «ты» и поэтому знал, что его смокинг сидит на нем безупречно. Что касается фигуры, то ее недостатки устранены быть не могут. Итак, Аркадий шагнул по коридору «Савоя» к лифтам, не подозревая о том, что на его лице, в глазах, на полуотворенных больших губах, в складках лба – везде отпечатался недуг влюбленного мужчины, страдавшего одиночеством и нерастроченной любовной страстью.

Глава 10.

На вечерних улицах Фуншала накрапывал теплый морозящий дождик. Капли дождя падали на прохожих, по большей части одетых в вечерние наряды. Женщины прятали свои оголенные плечи в меха и накидки, нечаянно напоминая драгоценные яйца, которые пингвины запихивают поглубже между лап, в теплый пух живота, чтобы обязательно сберечь их в тепле. Мокрый воздух пах грибами, океаном и дорогими духами. Вечер был полон предвкушений: удача, флирт, секс, деньги – все могло случиться или не случиться сегодня вечером. О проигрыше никому думать не хотелось.

В казино Аркадий обменял деньги на фишки, но, прежде чем сесть за игровой стол, пошел в ресторан. После нескольких дней мучительных раздумий о том, любить или не любить, когда он был отравлен внутренним ядом сомнений, он теперь выздоровел и понял, что был страшно голоден. «Любить и поужинать!» - решил он и отправился в один из ресторанов Казино.

Ресторан был полон, люди ели и смотрели шоу. Маленький столик около сцены оказался свободным, Аркадий занял его и стал наблюдать за танцорами. Вскоре из-за кулис появилась певица. Она была главным действующим лицом на сцене. Ее красота ласкала взгляд, ее голос ласкал ухо, но не это заставило Аркадия вздрогнуть. Его передернуло оттого, что он увидел одну из тех женщин, которых коллекционировал: яркую, чувственную, вероятно, умную и бесконечно притягательную. Свет мягкими волнами обливал ее стройное, выразительное тело, затянутое в узкую перчатку белого платья. Впереди платье расходилось и Аркадий увидел великолепные ноги с тонкими щиколотками. Грива светлых волос шелковым водопадом падала на голую спину певицы. Ее милое лицо, спрятанное под маску театрального грима, тем не менее, выдавало ее возраст. Сколько ей? Сорок? Сорок пять? Она была иностранкой, скорей всего, англичанкой. Тонкая, стройная, нежная, сдержанная, доброжелательная. Женщина, уже изведавшая жизненные бури, но еще не растратившая своей чарующей прелести. Она хорошо исполняла свой номер, ее симпатичная веселость была искренней и, поэтому, заразной. Держа микрофон в одной руке, не прерывая мелодии, она прохаживалась между столиками, здоровалась с теми, кого узнавала и, смеясь, мимоходом касалась кончиками длинных наманикюренных ногтей мужских плеч и затылков. Между куплетами луч прожектора, освещавший певицу, перепрыгивал на сцену, где танцевали румбу. Во время такой паузы, стоя в полутьме и переводя дыхание, она увидела Аркадия. Подойдя к его столику, она остановилась рядом с ним и запела что-то медленное. Он заказал ужин. Она нагнулась к нему и пригласила его на танец. Поднявшись, он обнял ее и провальсировал с ней несколько кругов на открытом пространстве между столиками. Прикрыв микрофон ладонью, она прошептала:

Увидимся позже?

Аркадий не успел ответить, она начала снова петь, улыбаясь ему и всем, кто слушал ее. До конца представления Аркадий наблюдал за ней. Певица представлялась ему очаровательной белой бабочкой на яркой поляне. Одинокая душа. Из тех, кто не сдаётся. Он был немного околдован ею. Официант передал ему записку. Развернув небольшой листок бумаги, Аркадий прочитал: «Через полчаса в баре. Л.». Покончив с ужином, Аркадий отправился в бар. Он не раздумывал, идти или не идти, потому что не мог представить, что возможно было не пойти. С красивыми женщинами так не поступают. Посидят, поговорят, он купит ей выпивку, она изольет ему душу. Что в этом плохого? Их обаятельная беседа долго не продлится. В казино, за игральным столиком он еще успеет. Утро наступит только завтра. Она сидела на высоком табурете у стойки бара. Аркадий не сразу узнал ее, белая бабочка сменила крылышки – певица была одета в свободную футболку и потертые джинсы. Макияжа тоже не было. К нему было обращено голое, беззащитное, не молодое, но, все же, красивое и трогательное лицо. Довольно распространенный вид, подумал Аркадий, данный экземпляр которого доживал свой недолгий век. Он заказал выпивку.

Меня зовут Линда, - сказала певица.

Папа Карло, - представился Аркадий.

У вас много детей?

Я не женат.

Почему же тогда «папа»?

Я обручен и...

Женитесь на ребенке? – улыбнулась Линда.

Она выросла без отца.

Бедняжка. Красивая?

Нет, не красивая. Не развитая. Не обольстительная. Носит коричневое

пальто с отвисшими карманами. – Аркадий сделал большой глоток из хрустального стакана.

Зачем же тогда?

Она святая.

Грехи искупаете? – Линда внимательно посмотрела на своего собеседника.

Верите ли, люблю, - признался Аркадий.

Повезло вашей подопечной с отвисшими карманами.

Вы?

Я сама по себе. – Линда внимательно разглядывала свой напиток, медленно помешивая прозрачную жидкость соломинкой.

Аркадий молчал.

Знаете, - продолжала певица, - красота наказывает. Вам, некрасивым, жить значительно легче.

Когда?

Что когда?

Когда нам жить значительно легче? В молодости, не привлекая внимания или в старости, не сожалея ни о чем, потому что нам, некрасивым, нечего в старости терять? –

Аркадий был слегка раздражен.

Не злитесь. Я прошу прощения, если обидела вас. Или вашу подопечную. Я хочу вам исповедаться. Вы – абсолютно чужой человек. Некрасивый, но умный и, поэтому, возможно, поймете. А если не поймете, все равно, мне станет легче. Вы откуда?

Русский.

Русский? – Линда с удивлением помолчала. – Ну, тем более. Вы, русские умеете слушать. А мы, англичане...

Неужели любите болтать?

Тонкие брови на лице женщины удивлено поползли вверх.

Извините меня, - быстро проговорил Аркадий. – Было грубо с моей стороны. Я знаю. Последнее время я сам не свой. Спешу туда, к ней. Домой. А уехать не могу.

Поэтому мне каждую минуту кажется, что я теряю время, которого у меня нет. Я нетерпелив и груб. Говорите. Я буду слушать.

Вы когда-нибудь замечали, что происходит с цветком розы, прежде, чем с этого цветка опадут лепестки?

Нет. Что? Цветок плачет? – Аркадий разглядывал бутылки за спиной бармена.

Дрожит. Прежде, чем опадут лепестки, цветок секунду-две трепещет. И потом все. Конец. Мгновение назад пышный, яркий, нежный, благоухающий, и вдруг голый оств, ничего. Кочерыжка. Так же и женщина. Теряет свою красоту мгновенно. Не постепенно, как принято думать, а в одночасье. В одно прекрасное утро видит, что все, больше она красивой никогда не будет. Лепестки опали. Это ужасно.

Старость?

Нет, не старость. Старость – это приговор и, как всякий приговор,

обреченность. И то, из тюрьмы сбежать можно, от старости не сбежишь. Нет, ужасна некая неуловимая грань между молодостью и старостью – момент увядания красоты.

Ужасен момент опадания лепестков. Привыкаешь к своей красоте и не знаешь, как жить без нее. Пугаешься, стесняешься. Злишься. Хочется спрятаться, как Грета Гарбо. Моя красота воспитала меня капризной и переборчивой. В молодости я всех отвергала – не было никого, кто был бы достаточно хорош для меня, вернее, для моего лица.

Мне хотелось отдать свою красоту единственному, неземному избраннику, вот и осталась одна-одинешенька. А божественная красота моя, в угоду которой я пожертвовала человеческой любовью, теперь уходит, предает меня, и я остаюсь стареть с достоинством. Вы знаете, что значит, стареть с достоинством?

Понятия не имею, - Аркадий впервые с начала разговора повернул голову и

посмотрел ей в глаза.

Сколько вам лет? – спросила певица.

Сорок шесть.

Я старше вас. – Линда залпом осушила свой бокал. – Вступаю в безвоздушное пространство старости, которая изуродует до неузнаваемости и доставит прямо в лапы смерти.

Теряя красоту, вероятно, стоит подумать над тем, чтобы развить ум.

А кому он нужен, мой ум?! – прошептала певица ему на ухо.

Вам. Красотой вы общались и обманывали, умом будете жить. – Аркадий попросил бармена наполнить их опустевшие стаканы.

Одна?

Вдвоем с вашим умом. Совсем не плохая кампания.

Да, мудрость – привилегия старых женщин. Но вы вот надумали жениться, да еще и на молоденькой. Почему же не остаетесь с вашим умом?

Ко мне пришла любовь. – Робко предположил Аркадий.

Повезло. А ко мне эта самая любовь уже никогда не придет. В этом вся разница.

Я ни-ко-му не нуж-на. – Сказала Линда нараспев.

Вы уверены? – Аркадий снова взглянул на нее.

Мужчины, мои сверстники, тоже стареют. О, мужчины стареют ужасно, гораздо тяжелее нас, женщин. У нас многое зависит от внешности, у вас, мужчин, другие козыри.

И, вдруг, все, крышка, земля уходит из-под ног, мужчина теряет свою могучую силу и ищет спасения в чужой молодости. Мы теряем лицо, вы – свою мужскую силу, а в дополнение, и вы и мы теряем достоинство.

Для каждого велика своя потеря, - отрезал Аркадий. Ему начинал надоедать этот разговор.

Это уж точно... – Линда почувствовала себя обиженной, поэтому и разозлилась.

– Я вам вот что скажу: любая красивая женщина одновременно благословенна и проклята.

Благословенна своей красотой, потому что красота – это неотразимое очарование, дающее власть над другими. Проклята потому, что все равно потеряет и красоту, и власть. Как ей жить?

В глазах у Линды стояли слезы, еще минута и она разрыдается.

У мужчины то же самое, - Аркадий несколько смягчился. – Теряя силу, он теряет власть. Но зачем, например, вам власть над другими?

Я же не просила этой власти. Я родилась красивой и, ничего не подозревая, испытала эту самую власть. И теперь не хочу с ней расставаться.

У вас прекрасный голос.

Как только я потеряю свое лицо, меня выгонят со сцены.

Каждый человек, рано или поздно, уходит со сцены. – Аркадий был несколько пьян. Он понимал, что говорит банальности, но чем он мог помочь этой красивой, но стареющей женщине? Не зная, что делать, он сказал еще одну глупость. Зрелость для женщины – это возраст наслаждения.

Ему не хотелось ни насиловать, ни ломать себя теперешнего, с поселившейся в душе любовью, появление которой он так тщательным образом проанализировал и оправдал. Он продолжал говорить расхожие фразы. Фразы эти падали мертвыми телами на стойку бара, и даже магия алкоголя, туманившего сознание, была не в силах ни оживить их, ни сделать более приглядными. Трупик в задушевные слова не превращались.

Как вы не понимаете Линда, что именно в вашем возрасте женщина

становится, наконец, самою собой? – проповедовал Аркадий. – Вы изысканная женщина, воплощение совершенства. Вы все знаете, все умеете, за прошедшие годы вы обогатили свою личность и опытом, и знаниями, и интуицией, и, все же, в вас еще полно женственности и красоты. Сейчас, именно сейчас, пришло время испытать высшее наслаждение, отдать дань любовной страсти. Сейчас вы сможете оценить то, что в молодости вы не смогли, у вас ни ума, ни вкуса не было...

- Я боюсь. – Перебила его Линда. Ей надоело слушать то, что она, как женщина, понимала лучше его. – Сейчас да, я понимаю, лепестки еще не опали, но что будет через мгновение?! Вы говорите прописные истины. Я знаю, что сейчас прекрасное время, когда восторг и страдания сливаются воедино, но я уже, как роза, начинаю дрожать. Это невыносимая душевная мука осознавать, что в любой момент все будет кончено! Сходишь с ума, становишься неосторожной, неаккуратной с собой, со своей жизнью и со своими желаниями. Боюсь превратиться в эгоистичную, похотливую стареющую вымогательницу маленьких удовольствий. Вот чего я боюсь!

Как видно, женщина, сидевшая за стойкой бара рядом с Аркадием, принимала его за кого-то другого. За Мефистофеля, например (его внешность как раз была подходящей), или пророка в смокинге, или заблудшего святого с фишками в кармане. Она нуждалась в чудесном, спасительном пророчестве. Ей был необходим рецепт избавления от страха перед совокупной участью всех женщин и человечества вообще. Впрочем, она не так сильно возражала против старости, раз уж избежать ее все равно было нельзя, она не желала расставаться со своей подругой-красотой.

Представьте себе, чего на самом деле стоит красота, дающая и хлеб, и власть, и наслаждения!

Поэтому женщину, допивавшую второй стакан мартини с водкой и не желавшую расставаться со своим капиталом, понять было можно. Но как помочь? Что сказать? У захмелевшего Аркадия способа сохранить красоту не было, на ум приходила философская бредня о том, что внешнюю красоту надо загодя переработать во внутреннюю и светиться ею. Но, кажется, это он уже говорил. Вдруг, его непрошено осенило.

- Вас сможет полюбить молодой мужчина. Намного моложе вас. Только он.

Линда посмотрела на своего собеседника устало, с досадой.

- Я объясню, - быстро продолжал Аркадий. - Некоторые из сыновей страдают из-за того, что их некогда красивые и молодые матери стареют. В этом нет ничего непотребного или извращенного. В каждом молодом человеке уживаются одновременно и сын, и мужчина. Если вспомнить Фрейда, то каждый молодой парень не прочь разделаться со своим отцом, в котором видит хоть и старого, но все же соперника а, главное, обидчика своей матери. Особенно ярко разгорается этот конфликт в сознании молодого человека, если разница в возрасте у его родителей достаточно большая. Но, не будем заходить так далеко. Вернемся к тому, что молодой мужчина – это наиболее возможный претендент на ваше сердце. Он не только способен вас понять, он может вас преданно полюбить. Вы же не его мать! Между прочим, у Екатерины Великой все любовники были моложе ее, и Бальзак в юности полюбил Лору де Берни, которая была старше его матери. И другие примеры есть. Объективности ради, надо заметить, как императрица, так и провинциалка Лора, помогали материально своим молодым обожателям. Это – обратная сторона юношеской любви: раз молодой поклонник не возражает против того, чтобы примешать к своей любви толику материнского молока, то и ожидать в ответ от зрелой женщины он будет не только нежных ласк, но и материнской заботы. – Аркадий расхохотался. Смех его был не веселым. Уже предвидя, что должно произойти, он становился угрюмым и раздражительным.

- Не совсем традиционная теория. Хотя ...

Линда сначала смутилась, подумав, что смеется он над ней, но потом обрадовалась. Это был рецепт, дававший не только надежду на выздоровление, но продлевавший жизнь.

Возможно, перед нею действительно был Мефистофель. Она повернулась и просто, и доверчиво обвила шею Мефистофеля нежными руками. Еще совсем недавно оба боялись. Аркадий боялся своей любви, певица – потери своей красоты. Теперь их страхи были позади. Оба, запродав свои греховные души, нашли иллюзорное спасение в чужих молодых жизнях. Женщина трепетала, веселая и восхитительная, она завлекала своего спасителя последними, нестойкими проблесками данной ей богом красоты. Аркадий вздрогнул, в нем проснулся коллекционер, нашептывающий ему, что последний раз он насладится безымянной любовью, последний раз взор его будет обласкан красотой, последний раз он не будет сдерживать себя, потому что перед ним достойная его женщина, благоухающая, порочная, уверенная в себе, чье тело – источник всевозможных наслаждений. В нем проснулся любовный азарт, которому он должен был повиноваться. В его душе трубили охотничьи горны, призывая отдать дань страсти, томно и сладостно пробудившейся в его теле. В его серых глазах появилась дьявольская глубина. «Некоторые души гниют также быстро, как и тела», - Аркадий вспомнил где-то вычитанную фразу. Он был обуздан. Снова обуздан своей страстью к женщине, достойной сиюминутной любви.

Он посмотрел на нее. Этого было достаточно. Она поднялась с высокого сидения, взяла его за руку и вывела из темной утробы бара. Как только за ними закрылась дверь ее номера, Аркадий схватил ее и прижал к стене. Он так долго сдерживал желание к другой, что ему было не до церемоний. Жалая поцелуями ее губы, шею и плечи, он пожирал певицу с неконтролируемой похотью. Его руки слепо и грубо искали мягких округлостей, его длинные ноги обвивались вокруг ее бедер. Он был похож на змия, который вот-вот заглотит белую мышку. Мышка трепыхалась, помогая змию побыстрее с ней расправиться. Мозг Аркадия провалился в бездонную полость разгоряченного страстью тела, он забылся, мир вокруг него растянулся в неясные миражи и перестал жить. Жила и пульсировала только страсть Питерского Чудовища к женщине, которую он не знал. Полчаса тому назад он спас ее от времени, грозившего вот-вот отнять у нее красоту. Жертва времени так и не была принесена, в то время, как страсть настояв на своем, лишила мужчину рассудка.

Всю ночь его мучила собственная плоть, не желавшая успокоиться. Он набрасывался на певицу, когда спазмы завладевали его телом, он содрогался и мучился точь-в-точь, как корчатся люди, которых рвет над унитазом. Каждый раз он освобождался от своего желания, но легче ему не становилось. Женщина же с каждым разом разгоралась все больше. Временами Аркадий был с нею жесток, временами извращенно нежен. Он не мог насытиться, не мог освободиться от тяжести похоти в самом себе. Мучаясь, и не зная, отчего он так мучается, он прощался со всеми красивыми и доступными женщинами, он уходил от них в монастырь брака, где его ждала нетронутая жизнью и мужчиной причудница. Всю оставшуюся жизнь он будет видеть только ее лицо, ее тело, он будет слышать только ее голос. Он будет верен ей до конца своих дней, превратив любовь человеческую в любовь божественную. Он будет спасен от страстей и соблазнов. Из его жизни исчезнут смятые простыни, распаренные страстью женские тела, шепот, вскрики, блаженство и пресыщенность женской благодарностью. Питерское Чудовище превратится в божьего человека, с искрой чистой любви в душе. Ему послана Татьяна. Он воспользуется этой возможностью.

Аркадий отпустил Линду только на заре. Не говоря ни слова, он оделся и ушел.

Пока он возвращался пешком в «Савой», дождик перестал, но все вокруг выглядело серым, мокрым и тоскливым. Дело было сделано. Ночь прошла, магия, вильнув хвостом, убежала. Это утро было продолжением не прошлой ночи, а началом следующего дня.

- Этот хвост от другой кошки, - прошептал Аркадий.

На улицах появились Рождественские украшения, раньше Аркадий как-то не удосужился их заметить. Он шагал по пустынным улицам абсолютно один, испытывая непомерную грусть и усталость. Его душа была пуста. В карманах его пальто болталось несколько фишек, которые он так и не использовал в Казино. Он швырнул их на мокрый

асфальт. «Чушь собачья! Надо же было придумать такую идиотскую, проклятую чушь с этим Казино!» Засунув пальцы в карманы, он ощутил теплую пустоту. Если бы он нащупал там хоть соринку или крошку, или смятый бумажный шарик, он разорвал бы карманы к черту. Карманы, глаза, душа должны были быть пустыми, полыми, для того, чтобы принять его ужас и муку.

В своем номере он, как был, одетый, сел на кровать и задумался. Еще вчера вечером его настроение было другим. Он принял решение любить, он пошел в Казино, он почувствовал голод, он нашел ее, другую, ненужную женщину. Голод был утолен, теперь ему никогда не захочется есть. Он насытился разом всеми женщинами из своей предыдущей жизни. Хотелось, очень хотелось быть преданным новой, свежей влюбленности, но не получилось. Все было зря, и не просто зря, а стыдно и мерзко зря. С другой стороны, его можно было понять и краешком желая оправдать, представив предыдущую ночь как прощание. Каждому мужчине нужен некий водораздел в его жизни, где есть «до» и будет «после». Ему так легче жить. «До» водораздела была воля и время для забав. Была игра, захватывающая – у него даже прозвище в этой игре было – «Питерское Чудовище». Игра, впрочем, была слегка однообразной. Его победы – ни одного поражения – вот в чем было однообразие. Правда, та актриса, которую он любил, ушла, но уход ее также провозгласил его победу. Его было слишком много для нее, ее женское тщеславие не могло ужиться с его характером, недюжинным умом, искусством любовника. Она ревновала его к его же достоинствам. Когда мужчина слишком хорош, женщина не очень счастлива рядом с ним. Ей нужен кто-нибудь попроще, положительный, но заурядный, тот, кто не отличается ни талантами, ни большими страстями. Такой сожигатель в самый раз, потому что в его жизни женщина будет занимать главенствующее место. Женщины всегда могут обвести такого мужчину вокруг своего пальчика. Постоянно напоминая о своей слабости, они незаметно добиваются главных ролей, и потом так сживаются со своей главной ролью, что расстаются с ней только на смертном одре. Правду сказать, рядом с его актрисой ему, тоже главному герою, места не находилось, ну, да бог с ней. Сейчас пришло время, он сказал своему прошлому «Прощай».

Над океаном занималась заря, день обещал быть солнечным. Аркадию постепенно становилось лучше, покойнее. Он прилег на кровати и вытянул свои длинные ноги. Вдохнул. Так чувствуют себя пациенты, которым посчастливилось избежать смерти. Они были приговорены, а теперь выздоравливают. Так и он. Выздоровливает. Ему казалось, что тело его невесомо. Сил не было пошевелить даже пальцами, но в душе была чистота. С каждым вдохом силы будут возвращаться к нему, потому что есть солнце, есть Бог, есть любовь. Есть вера.

Его обволокла, затянула и пригрела в своей утробе греза счастья. Аркадий закрыл глаза и унесся не то в дрему, не то в те места, где думать не надо, где думают за тебя, а ты только и делай, что понимай. Ему понялось, что бороться с собой больше не надо, любовная страсть, что была порочной раньше, к нему не вернется. Ему понялось, что что-то большое и хорошее случилось с ним. Он был снова обуздан, на этот раз смирением. Он заснул, допустив к себе еще раз мысль о том, что в его жизни теперь будет только одна женщина. Непривычная женщина, дивный ангел, ниспосланный небесами. «Пройду, не смяв и лепестка», - вспомнилась ему легкая фраза из чего-то персидского.

Проснулся Аркадий поздно, уже вечерело. Совсем скоро в который раз уже с тех пор, как появились день и ночь, вечер выплывет фиолетовым шаром и повиснет за окном. На поверхности этого шара, как на рождественской игрушке, отразится жизнь. Аркадию представились торговые улицы, расцвеченные огнями, витрины, полные красивых вещей, люди, взволнованно и счастливо делающие покупки. Ему вдруг захотелось купить подарков Татьяне. Много разных подарков. Обрадовать ее. Удивить. Чего она хотела? Персиков? Больше всего она, конечно, обрадуется персикам. Вероятно, их запах напомнит

ей о чем-то хорошем из ее детства или из другой жизни. Из той жизни, в которой она была гейшей и ела белые персики.

Его любовь требовала выхода. Вчера он опять был любовником, но сегодня ему уже хотелось стать заботливым мужем. Неожиданно его обуяло нестерпимое желание дотронуться до всего того, до чего всего через день будет дотрагиваться она. Он скучал по ней, чувствовал себя виноватым. «Приняв Татьяну, этот божественный дар, невинную душу, я не должен был уступать страсти», - твердил он себе. Витрины мигали ему яркими огнями, а он вдруг не к месту вспомнил Обломова. Испугавшись любви, тот в ужасе думал: «Да, страсть надо ограничить, задушить и утопить в женитьбе». То же самое думал и Аркадий. Так что же купить?

Татьянин гардероб был скорбной статьей для размышлений. В нем не доставало самого необходимого, не говоря уже о мелочах. В то же время, Аркадию совсем не хотелось покупать вещи практичные. Желание приобрести для нее искристые, золотистые, с бантиками и ярлычками, упакованные в коробочки, завернутые папиросной бумагой рождественские подарки, родило фантазии о духах, о платках и о сумочках. Дорогой и хорошей, в то же время, необходимой вещью станет настоящая теплая шуба. Аркадию нравились платки от Гермеса с цепями, лошадьми и большими цветами. Что же до духов, то он купит ей не меньше дюжины различных флаконов. Татьяна не была знакома с запахами, как не была знакома с музыкальными произведениями. Он объяснит ей, что женщины используют различные ароматы для того, чтобы возбудить мужчину, чтобы полонить его, чтобы доминировать и властвовать. Или, наоборот, с помощью дополнительного запаха, каковым являются духи, женщина вдруг может заявить о своей слабости и податливости, тогда она пахнет как первый весенний день, или как зимняя ночь, когда хорошо заниматься любовью под танец падающих снежинок, когда тишина – это музыка. Короче говоря, женщина может и должна пахнуть по-разному: как карамелька, как загадка, как опиум. Благодаря своему богатому опыту демона-искусителя Аркадий знал, что аромат воодушевляет женщину не только выбрать свой наряд на сегодня, под духи, но также изменить манеру разговаривать, походку и даже видение окружающего мира. Вчера она была шалая и думала так, а сегодня тихая и думает иначе, а завтра, кто ее знает, превратится вдруг в небывалого зверика и замыкает. И все потому, что вчера она носила Александра Маккуина, сегодня Кензо, а завтра Роберто Кавалли или кого-нибудь еще.

Аркадий хотел провести свою беспризорницу по лабиринтам всех доступных за деньги ароматов, водрузить ее на облако благоуханья, а там, пусть выбирает сама то, что придется ей по вкусу. Вместе с другими духами, он купит ей «Шанель № 5», универсальный и такой мудрый запах, подходящий почти для всех женщин. Но, прежде всего, он расскажет ей о том, что эти духи были созданы французским парфюмером, жившем в России, неким Эрнестом Бо. В начале двадцатого века, он создавал ароматы для царственных особ России, а после революции, уже во Франции, Коко Шанель и Эрнеста Бо познакомил Великий князь Дмитрий Павлович Романов. Тот Романов, который был любовником Коко и который мог бы, но, к сожалению мировой истории, сто лет тому назад не оказался на российском престоле...

Аркадию мерещилось со временем превратить Татьяну в капризную, зрелую, требовательную женщину. Сам же он видел себя в роли некоего кудесника, беспрестанно потрафляющего ее желаниям. Он надеялся, что щедрость его никогда не иссякнет. Его развитое мужское самолюбие заговорило по-новому: вместо многочисленных любовных побед ему вдруг понадобилось избаловать ту единственную, на ком он остановил свой выбор.

По дороге в гостиницу, Аркадий, уже нагруженный пакетами и свертками, вдруг увидел в одной из витрин золотого ангела. В небольшом магазинчике торговали рождественскими украшениями, и посреди разноцветной мишуры стоял ангел. Его одежды

были прошиты золотыми нитями, крылья за спиной были в нерешительности полуоткрыты. Как и положено ангелам, его лицо не было ни мужским, ни женским. Говорят, в человеке соединяются душа и тело, а ангел – это душа в чистом виде. Бесполое фарфоровое лицо ангела загадочно улыбалось, веки были полупущены. Эта незамысловатая, но прекрасно выполненная игрушка, притягивала спрятанной в ней тайной. Ангел наверняка знал то, чего не знаем мы, люди: секрет мироздания и что нас ожидает. Аркадий вспомнил о том, что его Татьяна тоже ангел. Плоти в ней почти не было, была душа, непознанная, загадочная. Спрятанная. Он купил ангела.

Торопясь обратно в гостиницу, Аркадий буквально пробивал себе дорогу сквозь людскую толпу, заполнившую улицы вечернего Фуншала. Люди смеялись, разговаривали, спешили, останавливались, разглядывали, спотыкались, ловили такси, заходили и выходили из магазинов, одним словом, мельтешили, мельтешили, мельтешили. Предпраздничная толпа всегда немного безумна и, посреди этого чужого безумия, шагал Аркадий, радостный и нетерпеливый, с пакетами и ангелом, зажатым под мышкой. Он спешил не столько назад, в гостиницу, сколько к ней, к своей душевнобольной, в Петербург, где она его ждала. Наверняка ждала. Да и то сказать, десять дней разлуки оказались слишком долгим испытанием.

Глава 11.

А в сыром, холодном и сумеречном Петербурге и дня не проходило без того, чтобы Татьяна не думала о своем Папе Карло. Она скучала по его большим, серым глазам, всегда так внимательно и ласково смотревших на нее. Ее молодая и цепкая память набрасывала эскизы его выразительных рук, гибких и сильных пальцев на руле, когда он вел машину. Своим внутренним взором она видела его высокую, нескладную фигуру, за короткое время их знакомства, успешную превратиться в стену, надежно отделявшую ее от неприятных прикосновений жизни. Его уродство сначала отошло на второй план, а потом и вовсе растаяло в ее трогательной растерянности, предвещающей влюбленность. Ей не хватало его всегдашней уверенности, чувства юмора, часто направленного на нее саму, потому что Папа Карло любил дразнить ее, как и его терпения. Только сейчас она начала понимать истинную цену терпения взрослого мужчины, который ни разу, с тех пор, как ее вытошнило на диван в его квартире, не позволил себе дотронуться до нее. Как видно, он нашел правильную тропку к ее сердцу, ясно увидев, насколько боязливо оно, ее сердечко, и что обычные между мужчиной и женщиной отношения не привычны для нее. Боясь признаться себе в этом, Татьяна поселила в своем сознании фразу, пришедшую к ней пару дней назад: «Он – мой, он сотворен специально для меня». Впервые за время своей короткой жизни, она ощутила себя собственницей. В ее жизни многое происходило сейчас впервые. Впервые приходили чувства, они удивляли ее, но потом сами собой связывались с ее пониманием о плохом и хорошем. Много размышляя, она никому ни о чем не рассказывала, не искала поддержки и объяснений, не просила советов. Татьяна просто взрослела на глазах, превращаясь в женщину.

Торопя приезд Аркадия, она в то же время, не хотела его видеть, потому что боялась. Таня не знала, как он поведет себя, когда заметит искорки в ее глазах, теплоту в ее улыбке и счастье, разлитое по лицу. Все осенние месяцы он был с ней, но любил ли он ее? А если нет, что тогда она станет делать со своей любовью? Гадать было страшно, а если все же представить на мгновение, что в его сердце так и не родилось ответного чувства, то становилось так невыносимо больно, что аж душа пищала.

Декабрь подходил к концу. Несколько коротких светлых часов, жавшихся к полудню, не могли осветить день. Маленький, несговорчивый и капризный зимний день прятался в темные меховые одежды своей матери-ночи. Несмотря на сезонную тоску, Татьяна не была ни несчастлива, ни грустна: она была сосредоточена, наблюдая рождение внутри себя чувства к некрасивому, взрослому мужчине. Зимняя темень даже подходила ей, укрывая от любопытных глаз, словно покровы Богородицы, ее постоянную молитву о сохранении любви, как таинства в ее душе. Татьяна боялась потерять свое чувство, обронить его, не донеся до конца. Она боялась, что что-то злое и нехорошее может задеть его ненароком и погубить.

Поэтому однажды Татьяна собралась и пошла в Лавру Александра Невского.

Было ужасно холодно, и вечная Петербургская промозглость жалила в самые кости. Открытые двери собора очерчивали другой мир – в их проеме мерцал золотой теплый свет. Зажженные свечи освещали и согревали, наполняя внутреннее пространство собора ароматом таящего воска. Такой церковный, такой навязчивый, такой православный аромат восковых свечей цвета гречишного меда. Посреди холодной темной ночи собор был обетованной, божьей землей, яйцом, в котором теплилась и трепыхалась пламенем вечная жизнь. Несколько ступеней, ведущих к распахнутым дверям, соединяли и разделяли два мира, божий и мирской. Только раз каждому из нас дано посетить мирской мир, и только раз божий мир, когда мы рождаемся и когда умираем. Вполне возможно, что душа наша посещает мирской мир не единожды, и также, не единожды, она возвращается в божий мир, только она об этом не знает. Когда душа отлетает из своей брэнной физической оболочки в мир иной, с нее стирается информация и память. Поэтому говорят: «Душа очищается».

Татьяна поднялась по ступенькам и вошла внутрь. Ей нужно было знать, любит ли ее Аркадий. Могла бы пойти к гадалке, но пошла в церковь. Пришла за неким знаком, за намеком, сама не знала, за чем. Иной раз хочется молча с кем-нибудь поговорить, так, чтобы не облекать чувства и мысли в слова, а просто думать и чтобы думы твои были услышаны. Лица на иконах казались вполне подходящей компанией. Татьяна не была крещенной и не верила в Бога. Ее мать тоже не была верующей, а если ты не впитал веру с молоком матери, как некий миф, как совокупность традиций, как добро, могущее идти только от Бога, одним словом, если вера не укоренилась в детстве, став частью твоего «я», то поверить в Бога во взрослом возрасте не так просто, для этого нужно осознанное согласие разума. Многие приходят к Богу через испытания – тяжелую болезнь, потерю любимых или через другую боль, которой на нашем, земном веку, хватает. Подчас в этих испытаниях отчаяние доходит до такого предела, когда одному терпеть невозможно, а другие, даже близкие тебе люди, помочь тебе просто не в состоянии. И тогда, неизведанным, но верным путем ты находишь Бога и он, либо убивает тебя, избавляя от дальнейших мучений, либо спасает, давая надежду и силы справиться с испытанием. Именно тогда ты начинаешь верить. Преданно, безоглядно, как можно верить только Ему. Ты изумляешься, поняв, что твой жизненный путь был предопределен и что ты шагаешь по этому пути не в одиночку. Вот и продолжай шагать в обнимку с Богом, только не проси у него справедливости, потому что никто так до сих пор и не понял, что именно Бог подразумевает под этой самой справедливостью.

Таня робко двигалась, переходя от одной иконы к другой. Нащупала мелочь в кармане, аккуратно положила монетки на прилавок, взяла свечу и зажгла перед образом. Пошла дальше, заглядывая в темные углы, за иконостас. Она явно кого-то искала. Людей в соборе не было, в такой холод сидят по домам, да и время было позднее. Наконец, она постучала в фанерную дверь в стене рядом с иконостасом. Вышел смотритель. Старец, видно, ужинал, не совсем чистой тряпичей он утирал бороду, в которой застряли хлебные крошки.

- Случилось что? – тихо спросил он.

- Вы священник? – в свою очередь поинтересовалась Таня.
- Я – смотритель. Священник будет завтра, поутру.
- Неважно. Я хочу покреститься.
- Мне не положено крестить. Крестит батюшка, да и то только по определенным дням.

Таня стояла молча, в нерешительности. Уйти означало проиграть не только этот раунд с церковной бюрократией, что было в общем-то неважно для нее, но и спасовать перед собой, отказавшись от возникшего в ней желания приобщиться к божьей пастве. А, самое главное, ей казалось, что если она не настоит на своем, ее любовь к Аркадию подвергнется риску.

Смотритель повернулся к ней спиной, собираясь исчезнуть за дверью.

- А какая разница? – неожиданно для себя почти выкрикнула Татьяна. – Вы меня покрестите или священник, какая разница? Вам что, сам Бог запретил крестить? Вы тоже ему служите. А если вечером, а не утром, так что же? У Бога рабочий день закончился?

Старик снова развернулся и уставился на молодую женщину. Взор его был лукав, но, в то же время, в нем было и порицание.

- Молодая особа, вы грубите.
- Чем же я нагубила? Я покреститься хочу, а вы меня прогоняете.
- Да, негоже получается, – согласился смотритель. Он повидал жизнь. В Бога он верил с младенчества, с того момента, когда даже себя не помнил. Себя не помнил, а вот что в Бога верил, помнил. Пережил и выстоял все. Послушником служил в Почаевской Лавре в Украине. Тогда Хрущев силой пошел на церковь. Раз коммунизм через двадцать лет должен был засиять раем на земле, значит церквам с их попами пришло время убираться. Приехали псы, что приказы тогдашней власти исполняли, набросились на всех церковных, кто в чем стоял, в том и повезли в бутылки. Все ценное из утвари разметали, двери заколотили. Он тоже сидел, потом выпустили. За что сидел? За то, что тогдашней власти Бог соперником оказался. От Бога, впрочем, как многие другие, он не отрекся. Так что же, прогнать теперь эту страждущую душу? Или взять на себя грех, покрестить? Да и в чем же грех? Все перед Богом равны. А то, и, правда, развели бюрократию. Получается, вроде как бы пришел избиратель на избирательный участок голос подать, а ты его прогоняешь, не нужен нам твой голос, мы и так хороши собой, обойдемся и без твоего голоса. Бог не простит. Раз к Богу пришли, он должен принять.
- Ну, раз приспичило, давай креститься, – немного помолчав, уступил смотритель.
- Только денег у меня нет, - призналась Татьяна.
- И не надо. Господу твои деньги ни к чему, а у наших, церковных, денег-то этих и так полно. Мы им не скажем. Ты постой здесь маленько, я в крещальне все приготовлю. И собор запру, а то уж время позднее.

Старичок засуетился, и через некоторое время Татьяна оказалась в небольшой темной комнате, освещенной толстыми свечами. Она села на длинную деревянную скамью, наблюдая, как старик достает медный чан, наполняет его водой, читает молитвы. Когда все было готово, он внимательно посмотрел на молодую особу, пристроившуюся на кончике деревянной скамьи.

- А зачем тебе креститься? – вдруг спросил он.
- Затем, что люблю. – Еле слышно ответила Татьяна.
- Бога любишь? Это – хорошо, - удовлетворился старичок.
- Не Бога, человека.
- Н-да. Чувство не малое, – смотритель задумался. – А чего тогда к Богу пришла?
- Чтобы любовь мою сохранил.
- Веришь ему?
- Не знаю, хочу верить. Кому же еще верить?
- Тому, кого любишь. Он-то знает, что ты его любишь?

- Не знает. А когда узнает, вдруг оттолкнет? Боюсь я этого очень. Не хочу.
- Тогда давай покрестимся. Бог тебе сил даст выдержать твою любовь. Хотя, должен тебе сказать, что любовь и без его поддержки почти всегда права бывает. Любовь-то ведь, она – богово чувство. Как увидишь того, кто душу тебе разбередил, скажи ему, не таись и не бойся. Если он твой суженный, то откликнется, а если нет, так и печалиться не стоит. Только не давай ему попользоваться собою. А то заешь, мужское-то самолюбие, оно дикое, как зверь в горячке. Наделает еще бед, раз поймет, что девчонка-то влюблена.
- Да нет, он не такой.
- А раз не такой, то и хорошо. Давай вставай, подходи и склоняй голову. Я тут и крестик для тебя украл. В киоске у входа их там целая коробка. Завтра одного не досчитаются, ну и делов то! Крестик не золотой конечно, и даже не серебряный, но не в этом дело. Носи его, не снимай.

После «процедуры» старику не хотелось отпускать вновь обращенную. Сев на лавку, где раньше сидела Татьяна, он начал лукаво:

- Я ведь не поп, я божий человек при церкви. Многого не понимаю или, может, понимаю, да не так. Ты бы объяснила мне, раз все равно коротаем вечер вдвоем, про современный мир-то за окном. Или боишься поздних вечеров? Сейчас ведь на улицах неспокойно.

- Нет, не боюсь. Никто меня не тронет, - тихо отозвалась Татьяна.
- Это откуда же такая уверенность? Девчонка вроде молодая.
- Я некрасивая и одета скромно, - улыбнулась Таня.
- Одета-то ты скромно, тут ты права, а вот насчет красоты ты зря. В тебе, милая моя, душа светится и свет ее через твои глаза льется. Поэтому ты тоже божий человек, даже побольше меня будешь. Я ведь только приживаю при нем, а ты вроде как его творение.
- Мы все его творения, дедушка.
- Ну, не скажи, в кои творения художник вкладывает самого себя, а кои просто так, на конвейер ставит.
- Спасибо на добром слове. А чего же вы не понимаете? Я вижу, вы понимаете гораздо больше других. Я сама хотела спросить у вас, можно?
- Спрашивай, не стесняйся. Коли смогу, отвечу. – Старик был рад разговору, да и Татьяна ему нравилась. Худенькая, она сидела с растрепанными волосами, от которых он только что отрезал небольшой хвостик, по лбу ее стекала масляная капля, глаза сияли, а на тонкой шее болтался металлический крестик. Старик удовлетворенно поджал губы – Богу такие нужны, он ангелов из таких делает.
- Дедушка, - начала Татьяна, - я вот пришла к вам в церковь покреститься, а что такое церковь? Связана ли она как-то с Богом? Храмы стоят, иконы сверкают, а где же Бог за всеми теми богатствами и властью, что церковь имеет? Разве нужны церкви банки, земли, дома, разве нужно каждый раз без разбору вставать на сторону тех, кто государствами правит, и кто про людей забывает? Что же такое церковь с теми, кто обещался Богу, а, значит, и людям служить?
- Дочка, ты молодая, наивная, но в тебе душа трепыхается, что та голубка, которая на свободу рвется. Так и быть, скажу тебе то, что наболело, что передумал в одиночестве, и что никому доселе не говорил. Не говорил даже самому себе в этой пустой комнате, хоть слышали меня одни только стены. Чтобы вернуть людей Богу, надобно попам нашим и всяким там протоиреям и архимандритам, другими словами, самозванцам всяким, кто посягнул назвать себя боговыми слугами на земле нашей, повернуться к этому Богу лицом, а не раззолоченной задницей. Сначала им надобно долго прощения вымалывать у Бога, а потом начать служить не Кесарю, как всегда с церковью было, а Духу, т. е. ему, Богу, коли и взаправду в него верят. А Дух-то, голубка моя, он ведь свободен. Душа, что Господь вселил в нас, она – свободна, никому, кроме Него не подвластна. Никаким государствам и

никаким правителям. Забыл об этом народ, али не знает? А попам-то нашим, мерзавцам, стыдно должно быть. Вместо того, чтобы в народе своем достоинство пробуждать, да про душу, что всегда свободна была, рассказывать, они сколько уж веков гнусавят о том, что человек – это грешник, которого спасать надо. А сами тянут, тянут нас в рабство к Кесарю, которому сами служат. Так ведь удобнее, запуганный человечешка он только рабом-то быть и может. Забыли про Господа. А Он ждет. Время настало. Сейчас надо, потом поздно будет. Уже давно пора начать защищать «честь мундира» своего от тысячелетних грехов и лжи, иначе никогда не отмоемся.

- А как же нужно «честь мундира» защищать?

- Я тебе случай из истории расскажу. Не с нами это было, а с нашими братьями славянами, только с теми, что католики. С поляками, одним словом. Не с нашей церковью и не с нашей Богородицей. Но ты послушай, пример поучительный. С другой стороны, разве может Богородица быть «нашей» или «не нашей»? Так вот, на великую Речь Посполитую шведы напали. Даже не напали, а мирно так вошли огромным войском. Давно это было, в 17-ом веке. Да ты, наверное, лучше меня-то историю знаешь. Небось, в школе учила. А какую ты историю учила? – поинтересовался старичок. – «Партийную» или уже «ничью»?

- «Никакую», - смеясь, ответила Таня.

- Вот так, «никакую». Это ты правильно сказала. Историю, голубка моя, надо не по учебникам, а по книгам учить. Хорошие книги надо читать. Там писатели обо всем пишут, а если писатель к тому же и дар божий в себе несет, то он и историк, и философ, и патриот, к тому же. А учебники-то чиновники с учеными степенями пишут, им все равно, лишь бы содержание исправно платили. Однако, отвлеклись мы. Как только шведы-то вошли в необъятную тогда Речь Посполитую, так все польские князья, один за другим, стали предавать отечество свое и короля своего Яна Казимира. Со шведами спешили в союз вступить. Покорились без одного выстрела, все выгадывали, как бы свои имения и вотчины в целости сохранить. А завоеватель, как ты знаешь, соглашения подписывает, а потом плюет на них. Так и в тот раз случилось. А тут было покусились шведы на святыню ихнюю, на монастырь, что в Ченстохове воздвигли, Ясной Горой называется. В монастыре том хранилась икона Ченстоховской Богородицы – большей святыни для поляков нет. А шведам надо было в монастырские сундуки с талерами свои лапы запустить. Один из шведских генералов пришел с войском и приказал монастырю сдаваться. Монахи же со своим ксендзом отказались сдавать монастырь. Осадил тогда генерал монастырь и начал его ядрами из пушек поливать. И не день, и не два это длилось, а несколько месяцев. Монахи все не сдавались, когда переговорами время тянули, когда тоже из пушек в шведов палили, когда вылазки делали. Так или иначе, но слух распространился по всей Польше – сопротивляются монахи, не стали изменниками, а Богородица им в этом помогает. И тогда случилось чудо: проснулась вся страна, поднялась с колен, и начали люди бить шведов. А кто пример показал? Ксендз и монахи, другими словами, церковь.

И нам теперь только такой способ остался спасти «честь мундира». С божьей помощью разбудить народ, заставить снова поверить в нас, возродить в них истинную веру, открыть ему, убаюканному, что в этом царстве-государстве уже давно без него обходятся. Сплотить народ, вдохнуть в него искру божью, рассказать ему, что земля, по которой он ходит – его земля, и что заждался он сделать ее своей. Правители и их чиновники законы-то пишут, да все для себя, пока до народа дойдет, так и не останется тому народу ничего. Вот тебе и национальная идея, что в воздухе витает.

- Что же, еще одну революцию нам делать? – с сомнением спросила Татьяна.

- Да бог с тобой! Разве та революция для народа делалась? Так, пролетарские вожди потщеславились, с помощью чужих денег взяли вверх над теми, кто неспособен был нашу Россию-матушку защитить. С помощью речей своих подлых и обманных подняли темную необразованную толпу, разъярили ее, а потом почти половину того же народа и истребили.

Да разве только русских истребляли... Та революция – страшная страница нашей истории, кровавая, и навсегда такой останется. И сейчас так же будет, если народ не сплотится верой и великой идеей.

- Народ ведь бедный у нас, да и пьянствует к тому же, - опять засомневалась Таня.

- Ан, нет, голубка моя, народ – это не только тот народ, по которому Лев Николаевич Толстой все убивался и к которому хотел уйти в избу жить. Народ – это вся нация. Народ – это и академики, и врачи, и учителя, и художники, и крестьяне, и горожане, и рабочие, и военные, и студенты, и вся остальная молодежь. И даже меньшинства всякие, они тоже народ. Только политиков не надо больше на нашу голову! Не надо этой оравы никчемных крикливых людишек, что страну и народ грабят! Без чести и без совести людишки, и без принципов. Балаболки бессовестные. Организовываются такие вот балаболки в партии, глядишь, они уже сила. Пролезли наверх, сами себя выбрали, и давай эксперименты над народом ставить. А как же иначе, ума-то ведь нету, и взять неоткуда, а про совесть я уж и не говорю. А как к власти подберутся, так и в Бога начинают верить. А чего ж не верить? Думает, не иначе, как чудо случилось со мной. Сижу я в этом кресле, обкрадываю свой народ и Отчизну, а меня никто за руку не хватает. Ну, не чудо ли?! Значит, Бог есть. Вот и поверил, горемычный, иконы целует, свечки ставит, а не знает, что его впереди ждет. Поэтому мне, старику, так кажется: пусть бы народ наш объединился и выдвинул общим голосованием по всей стране одного, того, кто заслужил.

- Да где такого взять? Народ наш спит, да терпит, - подытожила Татьяна.

Наступила тишина. Видно, оба думали о своем. Потом Татьяна, встрепенувшись, вдруг спросила:

- Я про монархию, что отдохнула. Они ж все уже давно не русские, дедушка!

- Э, нет, тут ты ошибаешься. Ты телевизор смотришь?

- Нет.

- А что так?

- Нету у нас.

- Ну и ладно, хорошо, что не смотришь. А у меня тут в каморке стоит, так я для компании смотрю иногда. Я в одной программе видел парня одного, до сих пор забыть не могу. Молодой парень приехал к нам в Россию из Канады. Издалека. Родился он там в русской семье. Паспорта-то у них канадские, как я понял, а семья русская. Давно они в Канаду переселились, сразу после революции. Почитай, лет сто без малого уже живут там. Этот парнишка, лет двадцать шесть ему, какое он поколение, что на чужбине выросло? Четвертое? Пятое? Так вот, во-первых, говорит он по-русски.

- Что ж тут такого? Если он из русской семьи...

- Нет, не поняла ты, - перебил Татьяну старик, - он именно *по-русски* говорит. Не по-советски, не по-чиновничьи, не по-бандитски, не по-хамски, а именно по-русски. Язык чистый, как когда-то был у нас, течет, словно прозрачная вода по камешкам переливается. Я как услышал, аж душа от радости запрыгала. Век бы слушал, не переслушал. А ты вот скажи мне, на каком языке наша молодежь разговаривает?

- На русском.

- А вот и не на русском. Кабы на русском... Она, эта молодежь, что слушает-смотрит? Заграничные фильмы она смотрит и слушает. Сколько лет уже? Двадцать? А они все переводные. А на какой язык переводные? На непонятный. Берут просто американские слова и прямо их так и переводят, не думая. Что на ум придет, то и ляпают. И невдомек таким переводчикам, что таких слов в русском языке нет, а, если и есть, то мы их так не употребляем. Откуда им знать? Книг-то сейчас никто не читает. Поэтому и говорит наша молодежь на переводном, а не на русском.

- Ой, дедушка, да что переводной, Вы бы почитали интернетовский язык.

- Что, и такой есть? И тебе нравится?

- Нет, не нравится. Но это целая культура. Если ты не говоришь на этом языке, значит, ты не их, чужой.

- Ах, так, чужой. Ты вот дальше послушай про этого парня. Он приехал сюда, говорит, жить и работать здесь хочу. Все удивляются – зачем? Ведь в Канаде лучше. А он говорит, меня с детства приучили Россию любить, вот и приехал сюда, на Родину. Так ему гражданство не дают. Всем остальным за хорошую мзду дают, а ему не дают. Чужим его почитают. А знаешь, почему? Потому что он такой русский, каких они не видели. Такой русский, каких у нас истребили и повыгоняли, а теперь за своего не признают. Русским-то быть, это ж не значит водку пить, а потом, под пьяную руку свою бабу бить или в подворотнях не русских убивать. Или в других странах свой «русский мир» огнем и мечом насаждать. Нет, не такими русские были, а, может, еще и есть где в далеких странах. А ты говоришь, чужой...

Татьяна запахнула пальтишко и как-то сникла. Было видно, что она устала.

- Ну, ты вот что, - забеспокоился старичок. – Приходи как-нибудь еще. Да и молодца приводи своего. Поговорим все вместе. Про то, да про се. Про душу и про тех, кто эту душу у нас отнял-то. А теперь иди, вечер и впрямь поздний. Провожатые-то не нужны?

- Нет, дедушка, что вы, не надо. Спасибо вам за все. Я обязательно приду снова. Поговорим обязательно. Все вместе.

- ***Иди, голубка моя, а я помолюсь за тебя и за любовь твою. Если б у русского человека душа была такая, как ты – чистая и любящая, мы бы, глядишь, еще и выпростались из небытия-то нашего.***

Когда все было позади, по-новому счастливая и успокоенная Татьяна стояла на ступеньках, озираясь вокруг себя, вдыхала морозный воздух и дивилась необычайной легкости во всем теле. Ей было совсем не холодно. Она решила заглянуть на небольшое кладбище, что располагалось между собором и оградой монастыря. Там была похоронена ее прабабушка, а рядом с ней была могила жены Пушкина, Натали. «Они тоже хотели, чтобы их любили», - подумала Таня, пожалев о том, что у нее нет цветов. Она обломала ветку с покрытой инеем ели и смела снег с могил. Пока сметала снег в ее памяти из ниоткуда выплыло любимое стихотворение, написанное ее прабабушкой, Леночкой-Пеночкой Балк. Глотая морозный воздух, Таня шептала строчки, которые перед самой смертью Леночка сочиняла для того, кого любила...

«Как исповедаться, как мне сказать тебе, чтоб ты поверил? Зла на тебя я не держу... Когда мой час пробьет и я умру, к тебе я вновь вернусь. Как дух, как привидение слечу к тебе оттуда, свысока, из неизвестного для нас небытия.

Ты будешь на моей могиле горевать. Закат окрасит крест на ней пурпуром. Тот пламенем займется и озябшие цветы, что жмутся к мрамору, согреет ненадолго. Они заснут: в их снах тебе пригрежусь я и обниму одетый трауром твой дух.

Прозрачные перегородки дома укроют нас, но протрубит заря и нас разлучит. Скользнув из теплого кольца твоих объятий, душа моя засобирается в Аид. Ты будешь спать и грезить. Слетевших с уст моих миллионы поцелуев, порхая птицами, тебе прошепчут: «Я вновь приду, тоску твою развею. Ты только не забудь».

День, став врагом, насильно засияет светом. Ты будешь умолять вернуться ночь. Нетерпеливый тихий голос твой пробудит к жизни чудеса. И вот, с раскатами полночных гроз, я возвращусь, неся заветное свое желанье: найти приют в тебе, в твоей душе навеки, навсегда.

Найдя убежище в твоей душе, я затаюсь. Воспоминания мои о прошлом, как, впрочем, и о том, что ждет меня, существовать не будут. Питаясь из охранной пуповины, что полнится твоей любовью, я буду спать, пока не появлюсь на свет опять. В который раз.

Тогда, увы, придет твой час... Я буду горевать, любуясь на твой крест. Всего лишь незнакомка для тебя, всегда одна, полна печали о твоём уходе. Моля заполнить пустоту своей души, я буду звать тебя. Ты прилетишь ко мне, как дух, как призрак, оттуда, свысока, из страшного и незнакомого небытия.

И это будет длиться, длиться... Пока я не умру, пока ты не родишься вновь. Пока, благословив нас жить вдвоем, уставшая судьба не отречется от вечного проклятья своего. Старуха-вечность, случайно обронив свою разлуки нить, уж не найдет ее. И вот тогда мы обретем друг друга навсегда!»

Постояв еще немного и уже собираясь уходить, она заметила, что что-то темное и легкое, медленно, как во сне, опустилось на могильную плиту ее прабабки. Присмотревшись, Таня увидела черное воронье перо. Оно недвижно лежало посреди высеченных слов и, несомненно, являлось знаком. Ей была доверена тайна. О чем? О ком? Что за предзнаменование? Черное перо... Случится что? Нечто плохое? Таня вдруг поняла, насколько озябла. Содрогаясь всем своим худеньким телом, она закашлялась. На снег упало несколько капель крови. Она быстро пошла к калитке, стараясь думать о хорошем, о своей любви и о том, что завтра приезжает ее Папа Карло, и сразу все станет снова хорошо.

Как только самолет приземлился в аэропорту «Пулково», Таня тут же почувствовала, что Аркадий вернулся. Сердце гулко забило, а по душе разлилось тепло. Учувяв, что он в Петербурге, она начала ждать его звонка. Как безмолвный зверек, забившись в норку с комочком своей любви, она затаилась. Что же теперь будет? Ее выманят ласкою и, посадив на ладошку, пригреют ее чувство, или зло потревожат, заставив покинуть убежище?

Аркадий же не торопился со звонком, ему надо было довести до конца те изменения, что начали происходить в нем во время его пребывания на Мадейре. Переступив порог квартиры и войдя в свою комнату, он понял, насколько стал другим. Его прошлое, застывшее в складках тяжелых портьер, оплывших свечах в высоких подсвечниках, в стопке пластинок со старыми шлягерами, потрясло его до глубины души.

Вошла мама, он рассеяно чмокнул ее щеку. Вдруг вспомнил, что подарка ей не привез. Почему такой промах? Однако, ему простительно. Во-первых он был болен сердечной тоской, какой болеют только раз в жизни, а, во-вторых, он теперь совсем не чувствовал себя «навсегда виноватым» перед ней. Он, вероятно, женится. У него есть предчувствие, оно играет и плещется в душе, что дела его не так уж плохи, и, скорей всего, состоятся. А, раз так, у него появятся дети, а у нее – внуки. Он, наконец, совсем решился и готов дать продолжение их роду. Вот только надо спросить согласия другой стороны, или, лучше сказать, у другой половинки этого радостного намерения, но не сейчас. Сейчас ему боязно. Он спросит совсем скоро, но не сейчас.

Елена Федоровна молча села в его комнате, наблюдая за ним. Она была невысокого роста, полноватая, уже давно без талии и естественного цвета волос, но всегда причесанная и напудренная. Хотелось ей завести себе собачонку, но она все как-то не решалась, раздумывала. Если так все будет и дальше идти, с любовницами, но без семьи, то заведет. Обязательно заведет. Общения с мужем, запечатленным на портрете, висевшем в ее спальне, ей уже не хватало. Она часто разговаривала с ним, но, по правде сказать, она уже не помнила, как он выглядел, так же, как на портрете или иначе? Время стирает все, любовь в том числе. Остается привычка, память, что был человек, что была замужем, что

любили друг друга, что обнимали друг друга горячо и ласково, а вот прикосновения его рук уже не воскресить в памяти, как не воскресить его настоящего лица, привычек, его улыбки, любимых словечек. А у собаки шерсть мягкая, глаза добрые, душа простая, любящая, о ней надо будет заботиться и это главное. Таким святым женщинам, как Елена Федоровна, рожденным для других, необходимо живое существо, дабы любить и баловать его, иначе их святость места себе не находит.

- Как съездил? – спросила она.
- Съездил хорошо. Даже очень хорошо. Болел, но потом вылез.
- Болел? – в голосе Елены Федоровны позвучала тревога.
- Да, болел. Болел тоской мужчины, сомневающегося в том, что его любят.
- Влюбился? В кого? Ладно, Аркаша, уж столько раз влюблялся и все несерьезно.

Уж сколько женщин было, но ни одна не осталась. Что, она иностранка? Вернулся «телом без души»?

- Вернулся и телом, и душой. Она из нашего Питера, живет не далеко от Финляндского вокзала. Знаешь, девочка такая, курочка, тихая и нежная. Тебе понравится.

- И ты молчал все это время? Как же давно ты знаешь ее? Почему никогда не приводил?

- Было дело однажды. Ей не понравилось.
- Что, твоя холостяцкая берлога не понравилась? И правильно! – рассмеялась мама. – Люблю, уже люблю твою курочку.
- Ну, ладно. Ты пока иди, мне тут в берлоге надо порядок навести. Потому что если она, наша девочка-курочка, согласится жить со мной, надобно привести ее в приличное место.

Мать растерянно и счастливо посмотрела на Аркадия и тихонько вышла из комнаты.

Ах, как нелегко быть матерью взрослого сына! Надо любить в нем все, и самостоятельность, и несколько враждебную независимость, и забывчивость, и глупости, и ошибки. Мальчишки, когда взрослеют и превращаются в мужчин, не знают наверняка, как относиться к своим матерям. Наступает пора, они начинают избегать матерей, уж слишком много в них сплелось непонятного. И молоды они еще, и женщины к тому же, но все же не те женщины, которых предназначено любить пылко и страстно (матерей не любят до обожания). Они совсем другие женщины, знающие про своих сыновей слишком многое. Они те женщины, которые выносили свой плод в утробе, как это интимно и даже гадко порой кажется незрелым еще мальчишкам, потом произвели на свет дитя, страшно страдая при этом, потом выкормили грудью, опять как-то уж очень интимно и нехорошо, и потом купали их маленькими, и теперь знают все их секреты. Как вести себя с ними? В сыновнем сердце спрятано много вопросов и укрыт стыд, отчего и происходит душевная неповоротливость и, даже, некая враждебность перед матерями.

Маленькими они были другими. Однако, время остановить нельзя и настает неотвратимое и, все же, прекрасное мгновение, когда сыновья вырастают. Мужая, они теряют, как щенячий пух, свою непосредственность. И вот, они уже уворачиваются, когда хочешь потрепать их по шевелюре, когда хочешь обнять, приголубить, как раньше, или, в шутку толкнув на диван, начать щекотать, а они бы заливались хохотом до слез.

Детские времена проходят быстро и бесповоротно. Умирает мальчик во взрослеющем сыне и, вместе с мальчиком, умирают мамины молодые годы. Он мужает, а мама смотрит на свои руки, удивляясь, когда же кожа на них успела так высохнуть. Со стареющей кожей приходит и одиночество. Рядом с мамой ее сын, теперь взрослый мужчина, а она не его женщина. Она – его мать, и должна будет обрадоваться той, которую он полюбит. Он-то ничего не заметит, будет думать, что мама радуется его счастьем от души, а она будет слезами обливаться, предчувствуя разлуку, и от ревности, и оттого, что покажется ей, что выбрал ее сын не ту. И то, правда, наши сыновья часто ошибаются. Но это их ошибки и не

материнское дело их судить, осуждать или, не дай бог, вмешиваться, пытаясь контролировать их жизнь.

Елена Федоровна задумалась о своем сыне – взрослом, умном мужчине, нескладном и некрасивом. Она любила его всем сердцем. Но любила его свободно для него, как бы со стороны, не угнетая свою любовь, не угрожая и не делая его кругом виноватым. Она сумела понять, что предназначение матери, особенно, если ее ребенком оказался сын, выражается в двух ипостасях: в безусловной любви и в одиночестве.

И еще в молитве, той, что оберегает его от неудач, страшных испытаний и безответной любви. Именно так Аркашина мама понимала суть дела, и поэтому сын ее, хоть и слегка отстранено, но, все же, любил ее и всегда держал ее в своем сердце. А это означает только одно – счастливые для себя минуты он непременно постарается разделить со своей мамой.

Чтобы отвлечься от вкрадчивых мыслей о внезапном и, судя по всему, счастливом будущем, в народе говорят в таких случаях: «чтобы не сглазить», Елена Федоровна присела за кухонный стол и стала составлять список того, что надо купить. Она быстро набрасывала слова плохо отточенным простым карандашом на листочке в клеточку, вырванном из ученической тетрадки.

Тем временем, Аркадий орудовал в своей комнате. Ему предстояло многое изменить в интерьере своей бывшей лаборатории Страстей и Неги. Например, тяжелые гардины, прятавшие в своих складках подсмотренные тайны любовных утех. Он подошел к окну, ухватился за край плюшевой занавеси и с силой рванул вниз. Занавес рухнул вместе с карнизом. Аркадий с удивлением посмотрел на дырки в стене и на белую штукатурку, просыпавшуюся пудрой на подоконник и на пол. Затем он направился к дивану, застеленному клетчатым пледом. Диван нагло усмехался ему в глаза. Он был главным хранителем любовных воспоминаний, и, к тому же, непосредственным участником самих утех. Диван был уверен в своей неприкосновенности.

- Выброшу, как есть. Целиком. – Медленно и решительно произнес Аркадий. – Куплю кровать.

Как только приговор был произнесен, он отправился за мусорным мешком, куда полетели все подсвечники и другие сломанные, запыленные вещицы, в страхе теснившиеся по углам полок. В самом разгаре очищения от скверны, Аркадий запнулся и уставился на свои коробки с бабочками. Правильно будет, если они последуют за подсвечниками. Но, нет. Он собрал все коробки, поставил их одна на другую на пол, сел в кресло и начал сортировать свою коллекцию. «Белые крылышки, желтые крылышки, разноцветные крылышки, маленькие крылышки, большие ...», - бормотал он. А затем он подумал: «Самое время остепениться. Я подошел к точке притяжения. Точно так же, как есть точка опоры, есть и точка притяжения. Слава тебе, Господи, ты помог мне принять должное без испытаний. Просто послал любовь. Странную любовь, неожиданную, любовь к несмышленной девочке, но все же любовь. Как расценить твоё послание? Я просто принял его, пока не разгадав». Аркадий продолжал рассматривать своих бабочек. Вдруг, он застыл с коробкой в руках.

- Если б не Татьяна, - сказал он вслух, вдруг начиная понимать это самое божье послание, - жизнь наверняка подстроила бы мне какую-нибудь гадость. Во искупление грехов. Болезнь или еще что похуже. Засосала бы, как в воронку, и, поминай как звали! Все эти женщины-бабочки, ненасытная страсть к чужим, незнакомым, не преданным мне бабам, б-рррр. И сам-то я был хорош! Питерское Чудовище, демон-искуситель! Хорошо, что остановился, а то заигрался бы. А Таня спасла, спасла меня. Стану теперь семейным человеком, и буду жить в свое удовольствие. Буду жалеть? О чем? Что отобрали у меня маску искусителя, что вырвали из меня как жало, душу демона? Нет, жалеть не буду. А то уже разлагаться стал и пованивать. Она, Танька моя, увидела это мое разложение, зайдя сюда всего на минуту, поэтому и стошнило ее на этот диван. Со мной случилось чудо, надо

это признать. Спасибо, Батюшка, тебе за все! – с этими словами Аркадий воззрился на потолок.

Помолчав минуту в раздумье, он встал с кресла и начал складывать стопку из коробок: сначала сфинкса, потом ванессу с павлиньими глазками на крыльях, затем рыжую аглаю, на нее бражника, потом лицену, теклу и болорию, поверх них коробку с почти прозрачной боярышницей, на нее катокалу с белой оборкой, потом последовал лимонный махаон в черных пятнышках, эль-альбаум, совка и аргиол, на которого осторожно была поставлена коробка с белой авророй, а поверх, как бы признавая, что зло, бывает, и побеждает добро, была водружена черная бархатная эребия, и, наконец, вся постройка увенчалась драматической красно-черной евфидриадой. Отдельно он положил коробку с пушистыми бабочками, у которых задние крылья были очень ярко окрашены. Этот необычный вид имел названия, относящиеся к любви: «избранница», «нареченная», «супруга», «прелюбодейка». Сначала Аркадий хотел оставить эту коробку, но потом решил и ее водрузить на остальные – чтобы не сглазить. Лучше нареченную и супругу в жизни иметь, чем названиями дохлых бабочек умиляться.

Осторожно подцепив эту колону снизу, Аркадий стал с трудом маневрировать через гостиную, потом по коридору на кухню.

Елена Федоровна закончила составлять список и подошла к кухонному окну. Снег покрывал улицы бело-грязными заплатами. Приближался Новый Год, и она затосковала по шумным и веселым застольям, которые ее покойный муж любил устраивать в этой квартире. Аркаша, с тех пор, как стал студентом, уходил в компании, она почти всегда праздновала одна, очень редко сговаривалась с приятельницей. А с той праздновать было еще тоскливее, чем одной. Так хоть поговоришь с ушедшими, с их тенями, с настольными часами, с книгами да с вечными вещами – свидетелями жизни любимого человека, и на душе немного отляжет. А с приятельницей приходилось слушать глупости и сплетни, все про жизнь скудную и серую, да про международное положение, подслушанное из телевизионных новостей. Наутро, после праздничной ночи, приходил Аркаша, иногда один, чаще с женщиной. Она не вмешивалась. Так жизнь и текла. А вот сейчас, что же он такое сказал? «Был болен любовной тоской». Неужто и, правда, влюбился? Вот радость-то была бы! По ее щеке скатилась слеза. Елена Федоровна зашмыгала носом и вынула из кармашка маленький платочек, сложенный треугольником.

В это время на ощупь, потому что стопка коробок закрывала ему обзор спереди, осторожно и медленно, подобно большому кораблю в гавань, на кухню вошел Аркадий.

- Решил подарить их Университетскому музею, - торжественно объявил он. – Есть у нас место, где можно сложить их пока?

- Аркаша, маленький мой, - Елена Федоровна успела незаметно высморкаться, - я найду место на антресолях. Но как ты решился? Я все хотела тебе сказать, какая гадость эти твои бабочки. Высушенные, мертвые. Давай лучше живых цветов в горшках купим. Они, знаешь, эту самую положительную «чи» создают.

- Знаешь, что нам нужно, ма? Спроси, «что»?

- Что? – послушно спросила Елена Федоровна.

- Грандиозную новогоднюю елку. – Аркадий напоминал оракула, вещавшего судьбу правителей и народов.

Елена Федоровна все поняла. Видно, на этот раз Новый Год в их доме будет другим. Возвращается семья. Ее муж умер, на его место придет Аркашина жена, а потом, дай бог, и детский голосок зазвучит в доме. Именно так жизнь и движется вперед.

Разгромив свою комнату и решив вопрос с бабочками, Аркадий направился к телефону. Он позвонил своему давнишнему другу, реставратору музыкальных инструментов; надо было посмотреть клавесин, который нуждался в починке и настройке. Жора был человеком смышленным, одаренным, чутким и застенчивым. Он хорошо знал свое дело, в деталях разбираясь в разного рода струнных и клавишных, а на фортепьяно и сам прекрасно музицировал. Тем не менее, между друзьями существовали различия: Георгий был гораздо моложе, ему не было еще и тридцати, к тому же, он был необыкновенно красив. К Аркадию он относился скорее как к старшему брату, восхищаясь его умом, успехом у женщин, независимостью мышления. Жора был похож на ангела, спустившегося на землю – он любил людей, верил им, не подозревал в них плохого. Аркадий часто с грустью и болью смотрел на своего молодого друга. Любуясь его лицом, на котором была выписана гениальной рукой мастера тончайшая, добрейшая и наивнейшая душа, он жалел Жору. Предвидя его будущее, он содрогался. Люди изуродуют его душу и убьют его самого. На Земле, среди смертных, Ангелы долго не живут. Поэтому Аркадию приходили в голову разные мысли о том, как уберечь Жору. Иногда ему казалось, что самое лучшее спасение в том, чтобы стать любимцем женщин. Да, надо окружить его женщинами, они будут откликаться на его восхищение и станут платить ему симпатией. Женщины в любви добры, а если и начнут мстить за измену, их коварство и злость не причинят вреда, они точно стрелы без яда, только на вид страшны. Женская злость имеет причину, которая обычно кроется в их обиде, поэтому она не страшна – обида прошла и злость испарилась. Кроме того, у женщин отходчивое и щедрое сердце. Редко какая из них отважится проклясть любимого, наведя на него порчу и доведя до могилы.

Страшиться надо злости беспричинной, тотальной злости, ненависти, рожденной из ничего, из пустой души. Бесталанные люди, проживающие ненужные жизни, моментально распознают рядом с собой несхожую особь и тут же начинают ее травить. Травят, следуя своему инстинкту убийц, травят потому, что эта особь уродилась красивой, талантливой, щедрой и беззащитной. Такой и останется до своего последнего дыхания, когда затравленную и павшую, ее растерзает чернь.

Одну из разновидностей человеческой жестокости Аркадий испытал на себе, знал не понаслышке, что означает зависть и травля. Его пытались преследовать Университетские коллеги во главе с деканом. Все началось после смерти отца. Сразу после окончания Университета, Аркадий попал в штат преподавателей при отцовском содействии. Ему завидовали, но какое-то время не трогали. Он защитил кандидатскую, а потом и докторскую диссертации, став молодым профессором русской литературы.

В начале девяностых, Стасова окружали коллеги, среди которых были бесцветные молодые преподаватели, получившие последнее советское образование на обрыве эпохи, когда империя со своей настырной коммунистической идеологией исчезала, а ей вдогонку еще не родилась новая недоношенная держава, пораженная недугами воровства и мнимого величия. Времена были смутные и растерянные. Население огромной страны меняло матрицу своего мышления и тогда просто не существовало точки опоры, точки отсчета, нового, современного чипа, на основе которого можно было бы оценивать литературные произведения. Ведь чем бессмертны хорошие романы? Связью с эпохами. Гениальным писателям иногда удаются такие сюжеты и такие характеры, что переживают века, их посещают откровения, становящиеся ответами на вечные вопросы. Новые поколения оценивают литературные произведения с высоты своего времени, той эпохи, в которой живут. Тогда, в начале девяностых, никакой эпохи не существовало, был эпохальный вакуум, великое время перемен. Помните, как у Диккенса*? – «Это было лучшее из времен, это было худшее из времен, это был век мудрости, это был век глупости, это была эпоха веры, это была эпоха недоверия, это было время Света, это было время Тьмы, это была весна надежды, это была зима отчаяния, впереди у нас было все, впереди у нас не было ничего... ». В те смутные времена литературное наследие никак не оценивалось и,

вообще, как предмет, литература размещалась на задворках востребованности. Все ударяли по менеджменту и программированию, не всегда понимая, что это такое. Литература, казалось, принадлежала прошлому и никаких дивидендов принести не могла, в то время, как слово «менеджмент» гулко откликаясь в будущем, манило в просторные коридоры совместных предприятий и инофирм. Именно поэтому молодые специалисты в области литературы специалистами, мягко говоря, не были, они были неудачниками, теми, кто вывалился из временной лодки и, от нечего делать, занялись тем, что, на самом деле, бессмертно – русской литературой.

Следующей категорией коллег Стасова были дамочки средних лет с поджатыми губами, выучившие наизусть свои бесцветные лекции и панически боявшиеся отступничества не только от одной строки, но и от одной буквы написанного. Эдакие общественные деятельницы, которые знали, как организовать любое предприятие для галочки лучше, чем собственный предмет. А также одряхлевшие патриархи с галстуками бабочкой, насквозь пропитанные формальдегидом социалистического реализма. Все они по привычке скармливали студентам жвачку о том, что великие писатели только потому вечны, что описывали беспросветную жизнь обездоленного и нищего люда, не искренне приписывая ему главенствующую роль везде и во всем.

Они, безусловно, проигрывали на фоне Стасова и, поэтому не любили его. Он не просто читал лекции, намного обгонявшие свое время, он устраивал прямо-таки провокационные семинары. Его успех у студенческой аудитории бывал оглушительным, неизменно вызывая тревогу и зависть у коллег, и, инстинктивно объединившись, бесцветные и злые, они производили незначительные, но довольно раздражающие акты неуклюжего коварства. Враги Стасова, имевшие убогие и чванливые мозги, боялись его и старались подвергнуть остракизму. Ему всячески намекали, что могут обойтись без него. Андре Моруа сказал, что «зависть умеряет свое бешенство, только вдоволь насладившись своей низостью», а мы добавим, что зависть ненасытна и, поэтому, бездонна, как бездонна и низость человеческая. На этом и остановимся. И так все понятно.

Затравить Стасова, вынудив его уйти из Университета было, тем не менее, невозможно: Аркадий был не из пугливых, он был вожаком, а не подвывалой. Иногда он, все же, досадовал на людскую низость и неоправданную злобу, и тогда, в конце девяностых, думал уехать преподавать в Европу или Америку. Слава богу, предложений хватало. Он часто размышлял о том, что надобно бы стать пофигистом или, красивее сказать, пирронистом, каким-то образом приноровившись к учению Пиррона, проповедовавшему, что ко всему окружающему надо относиться с полным безразличием. Но Аркадий не был безразличным человеком и, каждый вечер, возвращаясь по Петербургским улицам домой, он вспоминал, что в его городе возникло движение передвижников, родились примитивизм и футуризм, что в переполненных залах Петербурга драли глотки Маяковский и Есенин, что позже, его город приютил авангардистов и первые подпольные рок-клубы. В конце концов, в Петербурге был «Идиот», где собирались его друзья-писатели.

Стасов часто вспоминал одно из писем, написанных Потемкиным вдогонку одного несчастливому стечения обстоятельств. Речь шла о второй русско-турецкой войне, когда в августе 1787-го года, Потемкин двинул против турок построенный в Севастополе флот. Надежды его на победу не оправдались, налетел сильный шквал и разметал все корабли. Прямо боги, что ли, вмешались, точно в греческих мифах и эпосах, где небожители принимали сторону того или иного героя. Немного дрогнув душою, Григорий Александрович писал Екатерине: «Матушка государыня! Я стал несчастлив. При всех мерах возможных, мною предпринимаемых, все идет наыворот. Флот севастопольский разбит бурей; остаток его в Севастополе, корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки. Я при моей болезни поражен до крайности; нет ни ума, ни духу». Эта последняя, бесконечно русская фраза «Нет ни ума, ни духу», каждый раз потрясала Аркадия своею

выразительностью, он улыбался, но тут же на глаза навертывались слезы. «Нет ума, да и черт с ним, - думал он, - когда-нибудь поумнеем, но наш русский дух, душа наша бесценна. И коль уж родился русским, везде русским будешь и лучше уж оставаться здесь».

Аркадий Стасов не мог ни оторвать, ни отделиться своего «я» от того давнишнего, нарождающегося Санкт-Петербурга, когда Екатерина и Потемкин буквально вырывали свою северную столицу из болотной грязи и, продолжая дело Петра, возводили дворцы, сады, театры и флот. От позолоченного благолепия Санкт-Петербурга времен Александра III. От того несчастного Петербурга, в котором у растерявшегося и неспособного русского дворянства отобрали Россию. От жалкого и жестокого Петрограда, накрытого мутной волной революции. От блокадного Ленинграда, в котором, вселяя надежду в умирающих от голода людей, Шостакович писал свою бессмертную музыку. От Ленинграда застоя и балетных «Белых ночей». От Ленинграда первых лет перестройки и Собчака, за спиной которого уже рождался бандитский Петербург Путина.

Елки-палки! Тогда, в 90-х, Питерский порт, нефтяной терминал, Пулковое- все было под контролем бандитов, а деньги пилили в Монако вместе с Путиным. Банк «Санкт-Петербург», участвовавший в путинской афере «Сырье в обмен на продовольствие», кредитовал также бандитов, и он же был соучредителем фирмы СПАГ, которая в 1993 году отмывала кокаиновые деньги. Мутная мафиозная контора, которая много лет была на подхвате у мэрии Петербурга. В бытность Путина вице-мэром, он со своими корешами из мэрии, организовывал транзит колумбийского кокаина через питерский порт. Тогда в Питере была модной песенка «Жигули»:

В Питере в пивбаре «Жигули»,
Можно выпить пива за рубли.
Можно там и водочки поддать,
Можно и по морде схлопотать.

Аркадий подумал о том, что, если кто-нибудь, когда-нибудь сможет доказать, что теперешний российский президент много лет имел дела с бандитскими группировками из Питера и Тамбова, которые крали-отжимали-крышевали, который сам воровал налоги российских граждан, а потом строил себе дворцы, то тогда такому президенту, а, на самом деле, позорному бандитскому шнырю, грозит несколько пожизненных сроков в тюрьме. Только кто на это отважится? Петербург прошел свой круг ада от Петра Великого, не жалевшего жизней людских ради великой идеи прорваться в Европу, до Путина, тоже не пожалевшего жизней ни россиян, ни и чеченцев ради того, чтобы во власть попасть. А, чтобы во власти остаться, не пожалевшего жизней ни молдаван, ни грузин, ни украинцев, ни сирийцев. Может статься, что миллионы других людей расстанутся со своим жизнями, лишь бы вор из питерской подворотни удовлетворился злом сполна... Бандитский Питер 90-х заложил фундамент для Петербурга конца второго десятилетия двадцать первого века, прагматично-делового и, увы, безразличного к злу, грехам и людскому горю. Петербурга, по-прежнему, пугающего нищим бытием своих задворков. После двух с половиной веков знаменитый l'esprit екатерининских времен, дух, объятый мыслью, уже не витает в столице на Неве. Осталась российская безудержная и безвкусная роскошь, осталась российская безысходная нищета, но не осталось российской гениальной души.

Но наш Стасов нашел свою Татьяну, лучик света в темном царстве, и теперь, конечно же, никуда не поедет.

Профессор Стасов вел третий и четвертый курсы – уже не былинная Русь, но еще не советский период. Аудитория во время его лекций всегда была набита до отказа, никто не болел, никто не прогуливал. Он знал, как увлечь, как заинтересовать, как заставить

чувствовать и думать. Его магия состояла в игре. Аркадий играл Пушкина и Крылова, Грибоедова и Гончарова. Несмотря на свой высокий рост и неуклюжую фигуру, ему удалось перевоплощаться даже в Лермонтова. Он играл, создавая иллюзию. Студентам казалось, что перед ними живые классики и их герои. Но классики не привычные, не те, застегнутые на все пуговицы, знакомые им со школьной скамьи персонажи, а живые и расхристанные, страдающие, многие со странностями, некоторые жестокие, некоторые похотливые, некоторые слабые и подневольные, некоторые чистые и гордые, часто неудовлетворенные и редко счастливые, но все великие.

Стасов, например, возражал, даже восставал против того, что советские идеологи присвоили себе Пушкина и Толстого. Присвоив, они обращались с ними по своему усмотрению. Почетно заклеив одного «зеркалом русской революции» (разве бедный Толстой мог предугадать, «зеркалом» какой именно революции ему придется предстать перед потомками?), убийство другого они изо всех старались окрасить в политические тона, приписав это преступление российскому самодержцу.

Точно так же, как коммунисты украли у народов страны Советов победу в Великой Отечественной войне, как, впрочем, и любые другие достижения, они украли у советского народа хороших писателей, которые могли бы писать другое, а писали то, что от них требовали. Огромный конгломерат из 140 наций, более семи десятков лет, довольствовался литературным вкусом и идеологической необходимостью своих необразованных вождей!

Целых семь десятилетий высилась стена из коммунистов и их армии идеологов. И, практически уже целое столетие в России не существует историко-культурной традиции. Начав перекраивать и переосмысливать историю еще до революции, на протяжении всего существования Советской империи, ее трактовали как то было нужно единственной и великой партии. История России была историей большевиков, революции и КПСС. Другой истории не было. Однако даже история про «них» была ложью.

Поскольку литературу использовали в зависимости от надобностей вождей, советские идеологи нуждались в союзниках из того, предреволюционного мира, им хотелось, чтобы народы усвоили твердо и бесповоротно: самодержавие сделало невыносимой не только жизнь простого народа, но и жизнь представителей благородных кровей. Для этой цели ими были выбраны дворянин Пушкин и аристократ Толстой. Им дали путевку в советскую жизнь, в советские школы и университеты, практически в каждой квартире на полках стояли ППС их произведений. Они, измененные до неузнаваемости, осветченные и переименованные, стали частью советского быта. Рядовой житель страны Советов не совсем понимал, о чем они писали, не знал их истинных судеб, но смутно помнил то, что было написано в учебниках – Пушкин был враг царю, а Толстой был враг своему классу. Этого было достаточно. Увы, эти двое, перешагнув не по своей воле черту, стали таки частью советской культуры. Не их в этом вина.

Восставая против незаконной собственности Советов на этих двух великих русских, профессор Стасов также снял их с пьедестала. Толстому он отказывал в мудрости, понимании и предвидении, Пушкина же упрекал в том, что, не сумев лучше распорядиться своей жизнью, он дал растерзать себя суете.

Стасов писал книгу о русском прозаике и русском поэте. Думал назвать эту книгу «Избранные». Избранные Богом и большевиками. Ну, Богом понятно, почему. Большевиками, в общем-то, тоже. Сдирая слой за слоем покровы вранья и пропаганды, Стасов обнажал этих двух великих русских до их истинной человеческой ипостаси – совсем не героической и временами даже не привлекательной, оставляя им только одно прикрытие и оправдание – их гениальность, подаренную им Богом.

Словом, профессор Стасов оправдывал свое прозвище «Питерское Чудовище», и не только потому, что был непостоянен и, даже, коварен со своими любовницами, а еще и потому, что не боялся высказывать при широкой аудитории свои ... чудовищные мысли.

Через час Жора стоял в разгромленной комнате Аркадия и пил мадеру из стакана. Его длинные прямые ресницы отбрасывали тень на кожу под глазами.

- Зачем ты изуродовал комнату? – спросил он.
- В таком виде она была непригодна для жизни, - коротко ответил Аркадий.
- Смотри для какой. По-моему, ты использовал ее на полную катушку. Всем нравилось. И тебе, и твоим бабочкам.
- Бабочки, Жоржу, на антресолях. – Аркадий переименовал имя своего друга на португальский манер.
- Чего так? – удивился Георгий.
- Жизнь круто изменилась. Я встретил Татьяну.
- И что Татьяна?
- Принудила меня к покаянию.
- Грустно.
- Да нет, почему же? Я влюблен, – признался Аркадий.
- Как раньше?
- Я никогда раньше не был влюблен.
- Не ври. Нельзя соблазнить женщину, ничего не чувствуя.
- Жоржу, ты честный и чистый мальчик, - констатировал Аркадий с пафосом. – Помнишь, что сказал Бальзаковский Гобсек? «Ежели человеку меньше тридцати, то его честность и дарование еще могут служить обеспечением суды. А после тридцати уж на него полагаться нельзя». После тридцати человек, наконец, знакомится с жизнью и познает ее. Так что торопись. Твоя простота и честность еще не долго будут производить впечатление, тем более, на женщин. После тридцати жизнь таких, как ты, отслаивает. Другими словами, оставляет в дураках.
- Я и так в дураках. Деньги есть, а женщины нету. Парадокс какой-то, - усмехнулся Жора.
- Ты робок и застенчив. Как хотел бы я оказаться сейчас на твоём месте! Быть робким и застенчивым, и, в придачу, красивым, как ты, и знать, что вся жизнь впереди! К сожалению, я никогда не был ни робким, ни застенчивым. Эти два качества в сочетании с уродливым лицом вызывают жалость, а мужчина никогда не должен допускать, чтобы его жалели. – Аркадий немного помолчал, но, увидев, что Жора слушает его, решил продолжать. – Жизни не надо хамить, что правда то правда, она этого не выносит. В ее пределы надо вступать с уважением, и, тогда тебе будет разрешено прожить довольно сносно. Но, вернемся к нашей теме. Любой женщине нужна история. Своя или чужая. Я завлекал своих бабочек в сети историей Екатерины и Потемкина, Экзюпери и Консуэлы, Онассиса и Марии Каллас, Листа и Мари д'Агу, Авроры Дюдеван, то есть Жорж Санд и Жюля Сандо. Только никогда, никогда не становись Жюлем – уж слишком ничтожным и слишком зависимым он был! Женщине нужны истории, герои которой были бы богаты и знамениты. Она тут же перевоплощается в героиню нашумевшего романа или еще лучше, в голливудскую звезду, и вот, ей уже кажется, что она – это Элизабет Тейлор, а ты – Бартон, вешающий ей на шею бриллиантовое кольцо.
- Ты циник. – Заметил Жора.
- Я – веселый циник, - нашелся Аркадий. – Женщина – странное существо, живущее иллюзиями. Почему ее так тянет в несуществующий, по крайней мере, для нее, мир, я не знаю. Женщина никогда не принимает мужчину без ухаживаний, то есть без приложения. Цветами, подарками, болтовней мы помогаем ей преодолеть некий барьер, который она сама преодолеть не может. Словом, если удастся как следует распушить ее фантазию, можно считать себя победителем. В этом смысле на начальном этапе мужчина всегда каторжник. Я никогда не дарил женщинам цветы. Я рассказывал им истории.

Знаешь, как Лист завоевывал женские сердца? Он был красив и гениально одарен, как и ты, но он также трудился, чтобы заманить женщину в сети, без усталости рассказывая о своих победах. Ему не нужны были другие герои, он использовал самого себя! Ну, давай, представь себя и женщину.

Жора застенчиво хохотнул.

- Это вполне возможно, - настаивал Аркадий. – Расскажи ей что-нибудь, потом подойди к роялю и начни играть. Молчи и не смотри на нее. Как будто ты забыл о ней, как будто она перестала существовать. Играй хорошо, с чувством. Да ты по-другому и не умеешь. Отдайся на ее глазах музыке. Покажи ей, как ты умеешь любить. Не отрываясь, она будет следить за каждым твоим движением. Когда ты закончишь играть, знаешь, что она сделает? Подойдет к тебе, сядет у твоих ног и обовьет твои колени руками.

- Да, если бы! – Жора долил себе мадеры. Ему надо было захмелеть, чтобы поверить в себя и женщину, обвивающую его колени руками.

- Как только она это сделает, будь немногословен. Скажи пару слов глубоким, срывающимся голосом. Знаешь, таким голосом, который только шуршит по голосовым связкам, потому что страсть перекрыла доступ кислороду. Все, она твоя. Но, это только первая часть, прелюдия к завоеванию женщины. Обыкновенно именно здесь мужчины останавливаются, делая огромную ошибку. Поэтому они и остаются заурядными любовниками. Я же продолжал трудиться, следуя примеру нашего великого русского любовника. Потемкин знал, что физическое обладание женщиной означает конец только для идиота, для настоящего любовника обладание – только начало. Умелое обладание только женским телом делает мужчину искусным любовником, обладание также и ее душой, делает мужчину великим любовником! Только тогда женщина поймет и оценит твои труды, только тогда полюбит тебя навсегда, только тогда твое самолюбие и мужское тщеславие будут удовлетворены, и только тогда ты можешь делать с ней все, что захочешь! Только тогда, даже брошенная, она не сможет навредить тебе. Однако, запомни одно правило: бросая, не унижай женщин.

Оба задумались. Жора недоверчиво поглядывал на Аркадия, а тот вдруг весело, от всей души рассмеялся.

- Я тебе свой опыт передаю и свое звание «Питерского Чудовища», потому что ты достойный мой наследник! Жизнь – это игра, Жоржу. Ты посмотри вокруг. Кто не играет? Политики и государственные деятели играют с жизнями людей и судьбами народов, церковники – с людской наивностью и доверчивостью, наживаясь на наших радостях и горестях, богатые во всем мире играют со своей совестью, а богатые в России играют также со своими жизнями и свободой. Ты же будешь играть безобидно, развлекаясь с красивыми, богатыми, умными женщинами. Только не обижай их. Играй им лучшую музыку, люби их, наслаждайся их телами, потому что в один прекрасный день Господь пошлет тебе Татьяну.

- В наказание? – удивился Жора. – Ты же сказал, что влюблен. Подожди, что-то я не пойму. Ты как-то странно говоришь о об этой своей Татьяне.

- Жоржу, ты мне друг, тебе я признаюсь. Я говорю так, потому что боюсь. Раньше не боялся. Бояться было нечего, женщин было много, и они ничего не значили. А эта значит все и надо донести ее, как тончайший сосуд до конца жизни, не разбив. А вдруг, жизнь подножку поставит? Я боюсь. Не любви. Я боюсь жизни. В жизни все может случиться. Жизнь, она знаешь, такая штука...

Аркадий отвернулся. Жора встал с кресла, подошел к нему.

Аркадий и Георгий напоминали двух богов, сошедших с полотна художника. У ног их валялись поверженные портьеры, на диване лежала скрипка, у стены стоял клавесин. Один из мужчин замер у окна, заматеревший волк, с длинными, посеребренными растрепавшимися волосами, с глубокими, умными серыми глазами, с большими руками и ногами. Мужчина, узнавший и понявший страсть, но вдруг испугавшийся настоящей

любви. Мужчина с измученной душой. Его широкий рот с жестко вычерченными губами кривился гримасой недоверия. В его лице и фигуре с избытком было власти, мощи и энергии, но все это было пленено испугом. Аркадий был гигантом, нежданно-негаданно потерявшим силу, в растерянности смотревшим на свои пути, забывшим, кто он был на самом деле.

Его друг стоял рядом, прислонившись спиной к стене. Молодой, красивый, с бледным лицом и темными, коротко остриженными волосами. В его позе было почти женское изящество, происходившее не от кокетства и любования собой, а от врожденной грации. Его карие, большие глаза были полны мягкого света и покорной нежности. Его невинные, по-детски свежие, яркие, насмешливые губы, подрагивавшие в приподнятых уголках, просили и обещали жаркие поцелуи. Нежные в начале, ядовитые в конце. Георгий, несомненно, научится искусству любовной страсти. Он не станет демоном-искусителем, как его друг, но ангелом, ворующим сердца. Георгий был чист, и жизнь так долго не трогала его, но меж тем, дверь перед ним уже была распахнута, и ему предстояло перешагнуть через ее порог.

- Все мужики паникуют, когда до дела доходит, - Жора положил руку на плечо Аркадия. – Предложение, женитьба, семья. Ответственность. Сплошной кошмар, но у тебя получится. Ты мужик умный и добрый. Вон скольких баб у сердца согрел. Твоей Татьяне понравится.

- Завтра ей все и скажу. Поможешь диван на свалку вытащить?

Как только Жора ушел, Аркадий бросился к телефону, звонить Татьяне. Он колебался. В мечтах он уже привязался к своему счастью. А, вдруг, что-то непоправимо жуткое случилось во время его отъезда? Что-то, что невозможно будет исправить? Ему не достало храбрости позвонить из Португалии, он разбирался со своими чувствами, так что сейчас самое время снять трубку и набрать ее номер телефона. Последовали гудки.

- Алло? – Татьянин голос звучал невыразительно, именно так она разговаривала со всеми. Разве она не почувствовала, что звонил он?

- Это я. – Страх убил радость, поэтому Аркадий не совладал с задавленными и почти враждебными интонациями, вдруг прорвавшимися из страха. – Приехал.

Татьяна было встрепенулась, но тут же утасла, не услышав радостного нетерпения в голосе Аркадия. Почему он так равнодушен и даже зол?

- Я знаю. – Она укрылась в своем привычном убежище из коротких невыразительных фраз.

- Знаешь? Ждала? – Аркадию хотелось удостовериться, что все по-прежнему хорошо и только потом с облегчением обрадоваться.

- Сессия. Была занята. Но ждала. Да, ждала. Думала.

- Думала? А что думала? – Аркадий вдруг запнулся. Испугался своего вопроса и поэтому, чтобы избежать ответа, быстро продолжал, моментально умертвив свое воображение. – Вот и хорошо, что думала. Завтра. Встретимся завтра, в Летнем Саду, на нашем месте. После обеда, часа в три. Да?

- Да. Встретимся. – Татьяна была сбита с толку. Она допустила к себе любовь, а он, любимый, не кричит от радости, не признается в любви, не летит к ней сломя голову. Не нетерпелив, а, напротив, очень уж терпелив и все откладывает встречу. Зачем? Татьяна почувствовало разочарование, она тихо положила трубку на рычаг и сникла в ожидании приговора.

Аркадий проклинал себя за вернувшуюся к нему неуклюжесть. В доме стояла тишина. Елена Федоровна ушла за покупками. Аркадий прошелся по комнатам, кляня себя за то, что снова не смог по-людски выразить своих чувств. Счастье поглощает не только наши силы, но и разум. Счастье – это мучение, не потому, что оно прекрасно, а потому что в нем скрыто неизбежное окончание. Счастье, даже в самом начале, даже когда его радости так изобильны и многообещающи, что кажутся вечными, уже обречено на гибель. Счастье

как шантаж. Точно так же, как и наша жизнь: едва родившись, мы обречены на смерть. Поэтому в часы радости люди умные терпят невыносимые муки. Аркадий знал, что многие философы и писатели отвергали счастье, как нечто мимолетное, глупое, не приносящее настоящего удовлетворения, как нечто, что раздражает размеренное, налаженное бытие, где властвует разум. Многие из них предпочитали счастьем покой.

Он подошел к библиотеке и погладил корешки книг. Библиотека, как собрание ценнейших книг и великолепный предмет мебели, досталась Аркадию от отца. Стасов-старший был не столько добрым и внимательным отцом, сколько большим интеллектуалом и хорошим административным работником. Тогда еще была жива Партия. Единственная Партия, преданность которой в высших эшелонах власти никто не обсуждал. Не потому, что продолжали верить в Идею, а потому, что принадлежность Партии дарила властью и награждала привилегиями, так что хорошо жилось и партийцам, и их семьям. Развлекались в своем же кругу. Те шумные застолья, о которых всплакнула Елена Федоровна, проходили в компании одних и тех же лиц, поэтому и были они шумными и веселыми. Бояться было некого, все друг друга знали и не стеснялись. Стучать в то время было уже не в моде – места у кормушки хватало всем.

Маленький Аркаша внимательно изучал своего отца, наблюдая, как он смеется, как разговаривает, как танцует, и не находил в своем отце ничего естественного, непосредственного или сексуального. Даже когда его отец танцевал со своей женой, Аркашиной мамой, он танцевал не как просто мужчина и муж, а как партиец – морально, нейтрально и идеально. Аркадий наблюдал своего отца из года в год, с каждым годом понимая все больше, и, постепенно, как форма протеста, в нем развились независимость и непокорность. Осознание того, что он некрасив, подстегивало его бунтарский дух, преломившийся позднее в ненасытную и неконтролируемую любовь к женскому полу. Повзрослев, Аркадий своему «пороку» придал изысканный характер. Он не злился на отца. Его воспитание было поручено матери. Тогда так было принято. Елена Федоровна сидела дома, готовила вкусные обеды, держала одежду и полы в чистоте, следила за бюджетом, платила за квартиру, покупала газеты своему мужу, ходила в школу на родительские собрания, и, пока Аркаша не перешагнул тот порог, когда в посторонней помощи уже не нуждаются, проверяла его уроки. Аркадий иногда задавался вопросом, были ли его родители близки, настолько нейтральными, вежливыми и поверхностными были их отношения, во всяком случае, на людях. Вероятно, когда-то они, все же, были близки, иначе он не появился бы на свет. Аркадий догадывался, что служение Партии, убивало всякие плотские желания не хуже церковных запретов, потому что Партия, наравне с другими утопиями, проповедовала некий моральный кодекс, представлявший отношения между мужчиной и женщиной неизменно чистыми и наивными, или платоническими, или попросту фригидными, то есть такими, какими были отношения между Адамом и Евой до того, как вмешался Змей. Надо признать, что первые коммунисты-идеологи Библию читали и, отринув самого Главного, потому что имели ему замену, кое-что все же оттуда почерпнули.

Так что, у Аркадия отец был и, как будто, его не было. Благодаря отцу, Аркадий появился на свет, благодаря ему, превратился в Питерское Чудовище, благодаря ему, стал преподавать в Университете. Благодаря отцу, который приносил в дом книги, купленные им в книжных киосках, размещавшихся на каждом этаже в правительственных и партийных учреждениях, Аркадий стал читать прекрасные произведения. Вот, пожалуй, и все. Отец никогда его не обнимал и не говорил, что у него самый лучший сын. Никогда не хвалил. По сути, Аркадий был свободен и от любви, и от воспитания, и от принуждения, и от ласк. Он рос в доме, где был достаток и вежливые, бесчувственные отношения между родителями. Расклад не самый плохой, поэтому он был не в претензии. Своих детей он

будет воспитывать по-другому, и жену будет любить по-другому. И сейчас он готовится к этой части своей жизни, которую собирается прожить по-другому.

На Аркадия нашло настроение, грустное и беспокойное. Чтобы занять хоть руки, он начал вытирать пыль с книг. Медленно переступая от одного края книжного шкафа к другому, он молился. Он знал молитвы, но молился не ими, а потемкинскими письмами, записочками уже заматеревшего Григория Александровича к своей племяннице Вариньке, в которую тот был немного по-стариковски, привязчиво влюблен.

*Из пятерых сестер – его племянниц, именно Варинька сумела пробудить в Потемкине наибольшую страсть. Капризная, послушная своим настроениям, ревнивая, она во многом напоминала самого Григория Александровича, и в возрасте девятнадцати лет прекрасно знала, как дергать за веревочки, манипулируя своим влиятельным дядюшкой, которому в то время как раз исполнилось сорок. Она была почти так же жестоко непредсказуема с ним, как он был с Екатериной, но ей позволялось все, и Потемкин из кожи лез вон, чтобы угодить ей и задобрить ее. Он называл ее «Улыбочка» или Варинька, и, вспомнив, как они с Екатериной обменивались маленькими записочками, *billets-doux*, сочинял своей Вариньке самые задушевные и страстные посланьица.*

Например, «Варинька, люблю до бесконечности. Дух мой, oprичь тебя, не ведает пици иной. Так еще не любил... Жизнь моя! Ангел мой! Кровь моя! Приезжай опять, целовать буду. А не приедешь, так высеку»; «Я не забыл тебя, Варинька, и никогда не забуду. Целую всю тебя... несмотря на то, что я так болен, я навещу тебя. Ты – моя жизнь, ничего мне так не дорого, как ты... любовно целую тебя... мой милый, мой дорогой друг... Прощай, сладость моих губ, приходи и поужинай со мной»; «Ты крепко спала, глупышка, и ничего не помнишь. Перед тем, как уйти, я подоткнул одеяло, поцеловал тебя, накрыл тебя халатом и, перекрестив, благословил»; «Скажи мне, моя дражайшая, моя красавица, моя Богиня, что ты любишь меня; я немедленно выздоровею от этого, сделаюсь веселым, счастливым и довольным. Я весь полон тобой», «Красавица! Тебе ль изъяснять, что достойна любви ты, душа и ягненок нежная. Победа твоя надо мной, слабым, и сильна и вечна... Сударка, опять голова болит. Ну, приди же, приди – целовать буду...», «Варюшечка, моя возлюбленная, моя улыбочка, смотри не заболей, а то я отшлепаю тебя. Любимая, я очень ясно видел тебя во сне. Как только оденусь, приду поцеловать тебя», «Мой ангел, мои прелестные розовые щечки, я целую тебя, дорогая, и не могу выбросить тебя из головы».

«Люблю тебя до бесконечности. Дух мой, oprичь тебя, не ведает пици иной. Так еще не любил...». На этой молитве Аркадий закончил вытирать пыль с увесистых томов Энциклопедии. «Скажи мне, моя дражайшая, моя прекрасная, моя Богиня, что ты любишь меня; что благодаря тебе, я непременно выздоровею и сделаюсь веселым, счастливым и довольным. Я полон тобой». С этой молитвой Аркадий покончил с небольшими томиком Есенина. «Малышка моя, я целую тебя двадцать два миллиона раз». Аркадий как раз заканчивал протирать пыль с творений Вольтера, когда вернулась Елена Федорова. Увидев тряпку в руках своего сына, она всполошилась не на шутку.

- Безумие воеет у меня в мозгу, - сказал ей Аркадий.

Елена Федоровна обняла его и ответила:

- Любовь проходит через бесконечное множество превращений, прежде чем навсегда слиться с нашей жизнью.

Оба хорошо знали Бальзака.

Поздно вечером того же дня Аркадий вошел в свою комнату. Не зажигая света, он осмотрелся. Его обновленная холостяцкая берлога казалась больше, несравненно чище и краше. Выглядела комната не жилой и таинственной. Вымытая, почти без мебели, она напоминала невесту, которой осталось одна ночь до венчания. В окна лился желтый свет от фонарей, на белых стенах играли сизые тени. Около стены, где раньше скрипел и вздыхал всезнающий и всё помнящий диван, зияла пустота. Эту пустоту заполнит новенькая кровать, которую привезут завтра поутру. Елена Федоровна повесила на окна новые прозрачные занавески. В этой новой комнате теперь свободно витала душа, прятаясь ранее в густых складках тяжелых портьер. У стены стоял настроенный клавесин. С пластинок была стерта пыль. На натертом до блеска полу лежал открытый футляр со скрипкой. Кресло, задвинутое в угол, пустовало. Завтра Аркадий, если бог даст, приведет сюда свою молодую жену. Он еще раз огляделся и, вдруг, ему почудилось невероятное. Что-то или кто-то зашевелился в кресле. Аркадий испуганно отвернулся, но потом заставил себя присмотреться. Пока он старался разобрать контуры фигуры, почудившейся ему в кресле, в воздухе разлился аромат сигары. Аркадий обернулся и быстро подошел к креслу.

- Подожди минутку, я схожу за коньяком, - радостно прошептал он.

Вернувшись, Аркадий не удержался и начал спрашивать:

- Отец, ты? Как? Каким образом?

- Как видишь. Собственной персоной. Как, и сам не знаю. Хотел повидать тебя.

Поговорить. Уважили.

- Я думал о тебе, - быстро заговорил Аркадий, как будто боясь, что видение исчезнет. – И, знаешь, не совсем хорошо. Но и не плохо, нет. Хотел спросить. Из-за того, что ты был коммунистом...

- Ты, кажется, влюблен? – прервал его отец.

- Да, влюблен.

- При чем же тогда коммунизм?

- При том, что не знаю, сможешь ли ты понять меня. Я про душу и стоит ли мучиться сомнениями и угрызаться совестью? Ты, может, не знаешь, сейчас времена другие, а я люблю как школьник.

- Я очень рад за тебя, - ответил отец. - Самая большая награда мне, что мой сын умеет и хочет любить, а, главное, не боится любить. Почему же я не могу дать тебе совет?

Коммунизм не имеет ничего общего с общечеловеческими ценностями и, как любая идеология, вещь преходящая, душа же – бессмертна. Ты, возможно, не разглядел, но я никогда не был коммунистом. Я просто работал, был коммунистом при должности.

- Маму ты любил, вообще женщин? – не унимался Аркадий.

- Давай сначала про коммунизм, хочу оправдаться перед тобой. Ответь мне, кого из коммунистов ты знаешь? Быть наивным коммунистом – значит верить во власть бедных и полуграмотных людей, быть истинным коммунистом – значит, прикрываясь лозунгом о братстве бедных и полуграмотных людей, захватить власть самому. Пожалуй, единственными искренними и, в то же время, невинными коммунистами, были Энгельс и Чернышевский. Энгельс снабжал Маркса, великого теоретика, деньгами со своей текстильной фабрики, чтобы тот мог писать о братстве, капитале, ужасах эксплуатации и прибавочной стоимости. Чернышевский описывал коммунизм, привидевшийся его героям во снах, что естественно, потому что наяву такое увидеть невозможно. А последняя сцена его «Что делать?» вообще напоминает блаженство общежития в борделе. Я каждый раз смеюсь, когда вспоминаю анекдот из Набокова о Чернышевском. Однажды на дворе у Чернышевского появился орел, прилетевший клевать его печень, но не признал в нем Прометея. Так кто же был истинным коммунистом? Наши великие коммунисты...

материалисты-диалектики... Давай начнем с Маркса, «мелкого буржуа до мозга костей», который пророчил человечеству конец истории.

- Христиане первыми запатентовали эту идею, - засмеялся Аркадий. – Раз человечество вышло из Рая, в Рай оно должно и вернуться. Или другой вариант: свершиться, наконец, второе пришествие, и для человечества настанет другой конец истории. Неприятный. Можно, конечно, обскакать Бога, и превратить все в горку пепла.

- А ты знаешь, возможно, последний вариант оказался бы самым щадящим для человечества, - подхватил его мысль отец.

- Я бы сначала политиков точечным ударом...

- Маркс считал, что политика – это та же религия, но без возвышенного. «Человек человеку – бог», поэтому его рай – это совершенное бесклассовое общество, завершающее собой людскую историю. Только триумфальное воцарение коммунизма, только новый Иерусалим, в котором на равных – а других нет – истекает благодать, мог оправдать то количество жертв, которое было принесено идее коммунизма. А что получилось? Вместо «великого града Человечества», о котором мечтали теоретики политической экономии, как сказал Альбер Камю, «рабство стало всеобщим, а небесные врата остались закрытыми». Почему так случилось? Маркс однажды написал Энгельсу, что учение Дарвина* составляет основу их собственного учения. Но сотней лет позже Дарвиновская теория эволюции была опрокинута другими открытиями, вводящими в биологию, да и в другие науки, принцип случайности, относительности и неопределенности. Устои, казавшиеся незыблемыми, пошатнулись. Экономика, которую Маркс сделал политической, тоже изменилась до неузнаваемости – ей пришлось считаться с энергоносителями, атомной энергией и финансовыми инструментами. Знаешь, как тот же Набоков назвал дарвиновскую теорию эволюции? «Естественный подбор». Так вот, учение Маркса, которое в то время могло показаться научным, тоже было на самом деле подбором, состоявшим из фактов и умозаключений, годящихся на тот момент для воплощения великой миссии пролетариата. Кто же такой пролетарий? Пролетарий – это человек, доведенный презренным предпринимателем до крайней нищеты, до той стадии, когда у него не остается ни собственности, ни морали, ни отечества. При таком раскладе пролетарий превращается в глобального мстителя, который приводит в исполнение приговор, вынесенный им частной собственности. «Ныне все дома мечены таинственным красным крестом. Судья – это история, исполнитель приговоров – это пролетариат». К сожалению, Маркс был далек от пролетариев, но, взявшись предсказать их великую и загадочную миссию, под конец все же предал их. Его ошибка заключалась в том, что он верил, что крайняя нищета полуграмотных работяг может автоматически привести их к политической зрелости. Этого просто не могло случиться. Ленин, подхвативший идею коммунизма, это понял и за пятнадцать лет до революции, оповестил всех о том, что рабочие не способны сами выработать свою идеологию, что, по сути, означало одно: пролетариат нуждался в вождах. Пролетариат использовали, заставив его поверить в его великую миссию, и этот самый пролетариат сражался и умирал, чтобы привести к власти своих вождей. Пока вожди правили и властвовали, пролетариат продолжал в тех же рабских условиях, если не в худших по сравнению с капитализмом, накапливать богатства уже для большевистской, а потом и для советской государственной машины. Пока он горбатился, вожди продолжали толковать ему о его миссии и о грядущем благе, которое, если не его дети, то внуки, обязательно обретут в «Граде Справедливости». Тем, кто не поверил и не согласился быть одураченным, ставили клеймо «классовый враг» и уничтожали миллионами. «Град Справедливости» построен не был, миллионные жертвы были принесены напрасно. Вот тебе краткий курс коммунистической утопии.

- Устрашающий апофеоз с миллионами мертвецов...

- И оставшимися в живых рабами, - согласился отец. – То, как великие теоретики и практики коммунизма обошлись с пролетариатом, напоминает мне колонизацию Южного

берега Африки голландцами и англичанами. Колонизаторы из кожи вон лезли, дабы местные племена уразумели, что все делается исключительно для их блага. Что новая религия ради их блага, что орудия труда, на которых их же и заставляли батрачить, якобы тоже ради их блага, алкоголь и деньги тоже для блага. А пока проповедовали про блага, между делом, истребляли эти самые племена, отбирали их земли, оттесняя их все дальше вглубь континента, превращая коренных жителей в рабов. А когда, наконец, утвердились сами, про блага рабов и про проповеди свои тут же забыли. Остаткам коренного населения отвели углы под названием «резервация». Там их показывают туристам.

- Но ты же сам из лагеря «колонизаторов», когда ты понял, что вера, которую ты исповедовал, была насквозь фальшивой? – спросил Аркадий.

- Я не понял, я всегда знал, - сказал отец. – Подожди, давай сначала покончим с известными всеми миру коммунистами. Мещанин Ленин, мастерски использовав идею коммунизма, перевернул всю страну с ног на голову и, не забыв между прочим, отомстить за своего брата, казнив царя и его семью. Не побрезговал чистейшим зверством. Он погубил Россию, установив в стране Красный террор, превратив утопическую идею коммунизма в практику кровавого большевизма. Создал военизированную империю «справедливости». Был ли он настоящим коммунистом? Некоторые говорят, он был гениальным организатором. Сколько гениальности нужно, чтобы всколыхнуть черное людское море, заставить эти малограмотные души ненавидеть и убивать? Вспомни Гитлера. Идея очистить земли от классов и наций для других классов и наций, витала в воздухе в двадцатом веке, просто одни называли себя коммунистами, другие – нацистами. Но, пойдём дальше. Сталин. Был ли он коммунистом? Человек, почти тридцать лет стоявший во главе Коммунистической партии? Конечно, нет, он был «кремлевским самозванцем», другими словами, никем. Строй, то есть политическая система, была им использована как удобный пьедестал для себя, для своего величия и безграничного себялюбия. Говорят, при нем Советский Союз превратился в мощную индустриальную державу. Чего стоят заводы, фабрики, плотины и мосты, построенные уголовниками и политзаключенными, то есть «несогласными»? Сколько миллионов жизней стоила индустриализация и коллективизация? При Сталине наша страна пережила геноцид. Народы уничтожались десятками миллионов. Маленький человек, сын башмачника, во главе сильного государства, которое было, по сути, не государством, а репрессивной машиной, перерабатывавшей «несогласных» в расход. Никогда не верь системам, сын, всегда ищи за ними человека. Революции никогда не делаются для народа. В центре каждой революции стоит огромная по размерам фигура себялюбца.

- Я никогда не мог понять, и до сих пор не могу, - сказал Аркадий, - как случилось, что миллионы русских интеллигентов и крестьян, так долго не желавших принять Сталина, все-таки позволяли полуграмотному сыну башмачника учинять расправы над собой и своими семьями? Неужели в нас так сильно живет тяга к страданиям?

- Все дело в том, что народ так и не отошел от гипноза революции. Страшно было признаться себе в ужасе происшедшего. Этот ступор продолжился страхом, обуявшим страну во время сталинского геноцида. Именно тогда, несмотря на счастливые и лживые мюзиклы Мосфильма, народу показалось, что выход не в сопротивлении и восстании против собственного уничтожения, а в страданиях. А что для русского человека страдания? Это убежище от совести. Когда страдания снисходят на нас, нам мало, нам хочется страдать еще глубже и изощреннее, потому что страдания освобождают нас от действий и оправдывают наше бессилие. – На бледном лице отца появилась горькая улыбка. – Большинство образованных русских были фаталистами. Вера в предначертанную судьбу была гораздо сильнее веры в собственные силы. Они бесконечно болтали и двадцать раз отмеряли, но так и не решились отрезать. А гольтьба вкупе с мещанами долго не рассуждали, действовали. Действовали, правда, в соответствии со своим разумением. Ну, давай о хрущевых, брежневых и иже с ними, даже говорить не

будем. Так вот, я тоже, как и они, никогда не был коммунистом. Я, как и они, притворялся, только мотивы у меня были другие. И, слава богу, что имя мое не превозносилось каждый день во лжи. Когда-то я был молодым человеком, мечтал, как все молодые мечтают о том, что буду заниматься своим любимым делом, и это дело непременно сделает меня великим. Но потом повзрослел, огляделся и понял, что в нашем государстве великими становятся только по указу партии и правительства. Я долго не выбирал. Подумал так: стану партийцем, на это и ума, и образования моего хватит, у моей семьи будет сытная еда и добротная крыша над головой. Мать твою любил. Тебя любил. Любил и боялся. Редко с тобой разговаривал, потому что не мог сказать тебе правды. Прятался в книгах от осточертевшей кремлевской реальности. Слава богу, что все теперь кончилось, а конец истории не настал, как того хотелось Марксу.

- Теперь тоже всякого хватает, - Аркадий затынул и подошел к окну.

- Ты не любишь свое время? – поинтересовался отец.

- Существует субъективное и объективное отношение ко времени и к жизни.

- Да, я знаю. Проживая жизнь, нам кажется, что каждое прошедшее десятилетие было лучше настоящего. Но это глупость, поверь мне. Субъективная, как ты говоришь, глупость. Просто двадцать, десять лет тому назад мы были моложе. Мы тоскуем не по временам, а по собственным молодым годам.

- Мне теперь кажется, что мое детство было лучше, чем моя теперешняя жизнь.

- Возможно, так и было. Нам всегда хорошо в нашем детстве, потому что мы многого не понимаем и находимся под крылом у взрослых. Если детство не изуродовано обстоятельствами, оно всегда предстает в воспоминаниях как теплое безопасное гнездо. Теперь же ты взрослый мужчина. Самостоятельный, но свободный. Нет КПСС. Никто мозги не полощет.

- КПСС нет, есть другие ужасы, - огрызнулся Аркадий. – Сейчас в России происходит то же самое: наверху хозяин, а внизу беспредел – чиновники-взяточники, «крыши», цензура, бесправие, в провинции прозябание в холоде и нищете, полиция, вселяющая страх в граждан, жирующая на их бесправии, вершащая самосуд над без вины виноватыми, продажные и ленивые губернаторы, все с тупыми сальными рожами. Путинский режим терроризирует народ похлеще, чем это было во время отца Сталина и его рати из палачей-чекистов. Правда, сейчас в России еще и крадут. Много, бессовестно, беспредельно и открыто. С благословения нового хозяина из питерской босоты, ставшего самым богатым вором в мире. Знаешь, отец, мне всегда казалось, что демократия, как передовая идеология, подразумевает наличие некоторых незыблемых принципов. Как я ошибался!

Свободолюбивая, принципиальная, неподкупная, толерантная, всегда кичившаяся своей демократичностью Европа, Европа, являющаяся родиной философии, Возрождения и Просвещения, теперь легко продается за взятки, откаты, за газ и за рынок сбыта своих продуктов и услуг. Эта старая шлюшка готова внимать тому, в чьей полувосточной-полуазиатской стране сидят за решеткой политзаключенные; где убивают журналистов за то, что они осмелились сказать правду; где средства массовой информации превращены в рупор бесстыдной пропаганды. Где убивают истинных оппозиционеров в центре Москвы выстрелами в спину. Где подавляют непокорные народы, устанавливая в их небольших государствах режим террора, в которых за последние двадцать лет, благодаря именно такой «мудрой политике», был создан новый, самый большой и самый активный центр терроризма. Где бывшие союзные республики силой возвращают под крыло изъеденной злом империи. На соседние независимые государства наша Россия пошла войной! Нет, ты представь, мы убиваем украинцев! наших братьев! Пришли, отняли Крым, с помощью местных уголовников расковыряли рану на Донбассе, теперь поливаем там огнем украинских солдат, мирных жителей и детей. Это в голове не укладывается...

- Что я могу ответить тебе, сын? Хорошо, что я мертв? Или зачем я жил? – отец отвернулся к окну, по щекам его текли слезы.

- Не говори ничего. Молчи. Я тебе рассказывать буду про современную Россию. Тут у нас серьезные дядьки в пиджаках на миллионную аудиторию призывают вооружаться, бомбить, убивать детей в Сирии, сбрасывать ядерные бомбы на Вашингтон. При тебе такого не было, сейчас есть – профессия «политолог». Паскудная говорящая рать, которая может комментировать буквально все, навязывая свое необразованное мнение, унижая собеседника и целые народы, переворачивая сознание и настаивая на том, что мир видят правильным только они, а ты тупой дурак. У нас теперь прокуроры становятся партнерами в нелегальном бизнесе, получая миллионные откаты от заправил преступного мира. Судьи, вместо вершителей правосудия, превратились в послушных исполнителей указаний сверху, они боятся не подчиниться, боятся быть независимыми и выносить оправдательные приговоры, потому что в случае непослушания, пострадают сами. Из 100 обвиняемых, часто без всякого основания, оправдательные приговоры выносятся только двум. Каждый шестой бизнесмен в России подвергался уголовному преследованию не потому, что нарушал законы, а потому, что сумел организовать успешный бизнес, который у него захотели отжать. Признать свою вину в России менее опасно для жизни, чем добиваться справедливости. У подавляющего большинства россиян, страх – главный спутник каждодневного бытия. Страх перед жизнью, в которой не найти защиты от беззакония, в которой не найти достаточно средств на пропитание и лечение детей, где для среднего гражданина из провинции, с его нищенской зарплатой или пенсией, просто не существует медобслуживания, где инвалиды каждый день повторяют только одно заклинание: «Я выживу. Я не сдамся». Однако теперешний наш гэбэшный вождь, этот засранец из питерской подворотни, в эту опущенную нацию, парализованную страхом, решил кинуть национальную идею. Как факел в гору мусора, который тут же занялся. Он объявил о «русском мире». Каждая страна, где есть русские, может быть захвачена! Путин идет на помощь к русским, потому что эта пьяная и забитая нация требует спасения! В инкубатор ее, чтобы не исчезла с лица Земли! А, пока будет там перерождаться, освободить под будущих ублюдков земли по соседству, уничтожив украинцев, грузин, молдаван и прибалтов. И знаешь, что? Никто не поднялся. Не восстал. Не воспротивился ни войне в Грузии, ни в Украине. Пошли убивать. Чтобы кредиты не платить.

- Какие кредиты?! – выкрикнул отец.

- Банковские. Набрали кредиты, рассчитаться не могут, так им предлагают пойти убивать, тогда спишут. Приходят двухсотые грузы, ты понимаешь, гробы с телами тех, кто пошел убивать, так матерям и женам запрещают их хоронить. Закапывают гробы по ночам на пустырях, а семьям затыкают рот баблом. Ты веришь во все, что я тебе говорю? Ты понимаешь, что и ты, и я, и они, что мы все русские?!

- Сын, в России убивали всегда, - отец как будто сдался под напором всего ужасного и непонятого, о чем ему рассказывал Аркадий. - Убивали при дремучих царях, убивали, когда прорубали «окно в Европу», убивали Романовых и старух, совершая преступления и раскаиваясь только на страницах у Достоевского, убивали народ во время Октябрьского бунта и последовавшей за ним гражданской войны, миллионами убивали во время сталинского геноцида... Убивают, как видно, и сейчас.

- Убивают не только народы по соседству, журналистов, бизнесменов, губернаторов и простых смертных, убивают, отец, детей – своих и чужих!

- В стране, где убивают собственных детей, плохо, видно, жить. – Отец наклонился и закрыл ладонями лицо. Аркадий разлил по бокалам остатки коньяка. Сделав несколько больших глотков, он продолжал.

- У нас, в России, собственная жизнь до такой степени стала ненавистна, что не хочешь, просто не можешь позволить ей повториться в твоём ребенке. Поэтому и убивают. А, бывает, убивают по пьяни или под горячую руку. Бывает, что нищета не позволяет лишнего рта. Есть ли такое душегубство еще где в мире, даже в самых бедных, самых несчастных и обездоленных странах? В России родители убивают своих детей, педофилы

уродуют и убивают младенцев, полицейские зверски насилуют и убивают невинных, засовывая им бутылку шампанского в задний проход, приезжие убивают русских, русские убивают приезжих, десятки тысяч умирают от несчастных случаев, потому что с пугающей регулярностью падают самолеты, взрываются шахты и станции метро, умирают от наркотиков, болезней, тоски и алкоголя.

- Слушаю тебя и не могу поверить. Как ты-то сам здесь еще находишься? Почему не уезжаешь?

- Не хочется уподобляться нашей хреновой элите, наворовавшей миллиарды. Их дети уже давно учатся не в Петербурге, а в Лондоне. Там же у них и дома, и свои состояния они прячут там же. В Петербургском Университете только такие, как Татьяна Абрикосова остались.

- Ну, кто-то же им должен противостоять? Супердержавы, Запад, Штаты?

- Европа, я тебе уже сказал, превратилась в продажную сучку. Особенно старая Европа. Бывший социалистический лагерь - Польша, Литва, Эстония, еще держатся. А вот венгерский президент запродался с потрохами. Ты не представляешь, что происходит во Франции. Там Путин верховодит абсолютно и, боюсь, окончательно. Германия. Наполовину куплена. В Штатах наш маленький Крошка Цахес выбрал руками американцев себе президента. Правда, возможно, на этот раз он ошибся. Помнишь, мы о ступоре говорили? Этот столбняк или ступор, зародившийся сто лет тому назад во время большевистской революции, перекинулся, как зараза, на полмира. Тогда боялись осмыслить, сейчас вообще думать разучились. Но научились любить деньги. В этом вся беда. Этот питерский отброс из подворотни, выводит из игры одну страну за другой. Почему так?

- Так ваш сегодняшний Путин и есть результат всего предыдущего «естественного подбора», когда на поверхность всплывает дерьмо. Настоящее питерское чудовище. Что, политической оппозиции совсем нет? – переспросил отец.

- Есть для галочки. В России однопартийная система, как при Сталине. Оппозиционных лидеров держат в роли статистов, их показывают, дабы для «своих» и «чужих» создать видимость демократии. Для правящей партии или, как ее еще называют – «партии власти», они не представляют угрозы, поэтому их выпускают на люди и дают им эфирное время. Лидеры всех этих «оппозиционных» партий – трагикомичные фигуры. Они паяцы и клоуны, в лучшем случае шуты. Отваживаясь на минимальную правду, они, чтобы выжить при президентском абсолютизме, обречены быть шутами до конца своей политической карьеры. Что ты хочешь? У нас декриминализовали домашнее насилие и побои. По стране, как грибы снова вырастают памятники Сталину. Сотрудникам ГУЛАГа устанавливают памятные камни. Заводят уголовные дела на режиссеров. Украинские ребята, режиссеры-документалисты, были объявлены террористами и приговорены к 20 годам колонии. Сидят у нас, в России. Настоящих террористов делают героями и награждают орденами. Мы снова ищем врагов народа. В этой стране кризис длится не четыре года, как во всем мире, а длится он уже второе столетие подряд, причем, без перерывов. Господи, как больно и все бесполезно...

- В России всегда было страшно жить, - выдохнул отец.

- Но сегодня страшней, чем когда-либо. Российский нация не размножается, не воспроизводится потому, что она задушена властью, а в тех местах, через которые еще мог бы проходить кислород, торчат затычки из озверевших пропагандистов, превращающих в ложь все, что происходит у нас на глазах.

- Аркаша, родной мой, прости меня! Мое поколение несет на себе вину. Мы лгали не только слишком долго, мы лгали всегда, мы лгали везде! Лгали и держали народ в страхе. И сами, вдобавок, боялись. Вот весь этот коктейль из страха и вранья и преломился в ваш сегодняшний российский кошмар. На самом деле, это все та же самая красно-фашистская банда. В течение последнего века власть в России переходила от большевистских

авантюристов к железным чекистам, потом к политическим недоучкам – директорам и хозяйственникам, а теперь, видно, снова к чекистам. Вот тебе круг и замкнулся.

- Наш вождь добился абсолютной для себя власти с помощью «президентской рати», в большой мере состоящей из бывших питерских бандитов. Мне иногда кажется, что прав был Гегель. Надо осознать и признать разумность мироздания, принять мир таким, как он есть. Если все логично, то все оправдано и точка.

- Что тебя смущает? Страдания других или твои собственные? В мире полно несправедливости. Так было испокон веков. Одни убивают, другие погибают, одни имеют, другие не имеют – это абсолютная истина.

- Я о другом хочу тебе сказать. Самое главное вот что: мельчает, исчезает русская душа, - раздраженно проговорил Аркадий. – Нищета ее уничтожает, а богатство ее разлагает. Жажда наживы, желание разбогатеть любой ценой, вопреки заповедям и здравому смыслу! Разбогатевшее быдло, вот что страшно.

- С одной стороны богатство, с другой нищета. И то и другое для души испытание. Видишь ли, бедность иногда сравнивают со смертью. Смерть, говорят, неизбежна, а бедность – безысходна. Верно то, что смерть – наша общая доля, мы все умрем, никто смерти не избежит. Из бедности же, напротив, исход есть. Бедность – беда каждого в отдельности, скопом из бедности не вырываются, а вот по одиночке можно. Если поднапрячься, конечно. Если бы был какой-нибудь способ от бедности избавиться в массовом порядке, люди бы им давно воспользовались. Но такого способа пока не узнали. И революция совсем не является одним из них. Громить и палить легко, строить трудно. В семнадцатом году громили, убивали, душу отвели, а что построили? В советские времена туристам что показывали? Хоть один дом, построенный при советской власти, показывали? Разве что сталинские архитектурные монстры. А так, все дворцы и церкви водили показывать.

- Как же, построили благосостояние для всех, - усмехнулся Аркадий. – Помню, во времена моего детства слово «благосостояние» было модным. Хрущевка, «Жигуленок», дача в одну сотку и немного хрусталя в доме считались конечным пунктом такого благосостояния, а души наши сначала уравнились, а потом атрофировались, превратившись в закорючки где-то повыше желудка.

- Духовность подменили идеологией.

- И ты эту идеологию проповедовал, - напомнил отцу Аркадий.

- Проповедовал, да не всерьез. Зато у тебя есть дом, образование и книги. И душа, унаследованная от предков.

В комнате повисла тишина. Аркадий стоял у окна, отец курил.

- Мама знала? – повернувшись от окна, спросил Аркадий.

- О чем?

- Что ты не всерьез?

- Знала. Без нее я бы пропал. Мы были маленьким островком посреди лжи.

- Но ты же сам лгал!

- Только не говори мне, что я должен был выйти на Дворцовую Площадь и протестовать. Я знаю, ты умен. Но, все же, скажу: бороться с системой всегда глупо, потому что ты слишком мал и слишком беспомощен перед ней. Что такое система? Это люди – правительство, армия, секретная служба, общественные организации и толпа, пригнанные намертво друг другу, как цементом, идеологией и страхом. Против такой стены переть бесполезно, расшибешься. Других вариантов не было. Героем мне никогда не хотелось быть. Да и кто меня стал бы прославлять? Те, кто записывались в очереди на хрущевки и «Жигуленки»? Системы рушатся сами. Как только сгниют изнутри, так и рушатся. Вот ты дождался и теперь свободен.

- Ты рад?

- Судя по тому, что услышал от тебя радоваться нечему, - спокойно ответил отец. Однако случилось то, что должно было случиться.

- Отец, неужели ты еще не понял? Не умерла она, не исчезла, не сгнила. Не развалилась. Система жива! Она живет и омерзительнее, чем когда-либо! Бог есть? – вдруг неожиданно спросил Аркадий.

- Я тебе отвечу вопросом на вопрос. А где его нету?

- В людях. Люди – ужасные, - с болью в голосе произнес Аркадий. – Ушла уравниловка, теперь деньги душу растлевают. От одной крайности к другой. Мы расслоились и опять раскласались, что хорошо. Деньги нам нравятся, но мы не умеем, не знаем, как ими пользоваться. Совсем забыли, как быть богатыми. Меня тут недавно на одну презентацию пригласили. Обычно я не хожу, а тут пошел. Так вот, там в фонтаны с водой посадили малолетних детей по пять-шесть лет и вымазали их с головы до пят в серебряную краску. Дети служили украшением. Рядом прогуливались шлюхи и воры с бокалами шампанского. Очнулись, когда дети сознание терять начали, чуть не умерли от того, что поры у них были забиты краской.

- Я скажу тебе. Ни деньги, ни способы их приобретения не являются нечто таким, о чем стоит хвастать, мы все знаем, что большие деньги честным путем не приобретаются. Хвастать можно силой разума или талантом, но гении обычно стыдливы.

- Сейчас в России почти все нажитые капиталы – исключительно воровские состояния. Это прямо какое-то мародерство в масштабах всей России! Когда часть того, что должно пойти в бюджет и быть использовано на развитие державы и благо народа, просто кладется в карман.

- И это, сын, также является результатом «естественного подбора» после революции семнадцатого года. Не мне же тебе объяснять, кто пришел к власти, кого истребили и кто остался. Для надлежащего поведения с деньгами и без оных, - продолжал отец, - нужна душа, к которой прикоснулась культура. Развитая, смиренная чувствительная душа подсказала бы, как быть аккуратным в своих поступках и желаниях, если есть деньги, и как переносить невзгоды, не озлобляясь, если их нет. Нет развитой души, нет чувства меры. Не то плохо, что человек богат, а то, как он это богатство «носит». Носят одежду, носят духи, носят титулы, носят и богатство, носят свободно, со вкусом, не выпячивая. Выпячивать свое богатство недостойно человека просвещенного ума и, в отличие от варваров, которые любят кичиться тем, что имеют. Никогда не надо казаться выше, чем приличествует. Надо всегда помнить о главном: наша жизнь началась не с денег, а с любви. Сначала бог, любясь своим созданием, полюбил человека. Потом мужчина и женщина полюбили друг друга, полюбили вопреки запрету. Проще говоря, они отреклись от райского благосостояния и божьего покровительства во имя любви. Ты когда-нибудь думал, как много наш праотец и наша праматерь сделали для нас, предпочтя Раю земную трудную любовь? Именно тогда начала развиваться человеческая душа, подаренная Богом, потому что в ней зашевелились чувства. Деньги появились гораздо позже.

- С тех пор много воды утекло. Утекло время. Сегодня нашей, русской душе надо очень поднатужиться, чтобы восстать из праха. Потому как она уже давно мертва.

- Она не мертвая, она еле живая, - возразил отец. – И как всякому трудному пациенту, ей нужны время и терпение, чтобы ее выводить.

- С чего же надо начинать? Ты говоришь, к душе должна прикоснуться культура. Должна. А где она, культура? Ты прав, надо подтягивать народ к хорошей жизни. Частью которой стала бы культура. А мы тиражируем то, что попроще да попошлее, и скармливаем народу.

- Аркадий, мой дорогой сын, ты же знаешь историю своей страны. Коммунистические идеологи не плохо делали, между прочим, что стояли на страже нравственности. Они лгали про светлое будущее, убивали, сажали, но девственность блюли. Не мораль, а именно девственность советских душ. А теперь, прости за слово, вы скармливаете народу дерьмо в виде кровавых боевиков и порнографии. И русский народ это дерьмо потребляет.

- Эка, как нас качнуло – от социалистического реализма к копанию в грязном белье звезд и

политиков, к порнухе, к гоблинам и боевикам. Но не порнуха самое страшное сейчас. Путинская пропаганда гораздо страшнее. Именно она превратила россиян в бесчувственных тварей. Знаешь, о чем у нас юмористы шутят со сцены? Они шутят про падающий Боинг, сбитый российской установкой БУК, и рассказывают анекдоты про окопы и как стреляют в украинского солдата. И дебилы в зале смеется! У нас фигуристы рядятся в тюремные робы и во время ледового шоу изображают узников концлагеря. Зарабатывают баллы на Холокосте. Публика горячо им аплодирует!

- Как вернуть русских людей к чувствам? – продолжал отец. - Как научить их верить, после того, что они пережили? И во что верить? Как заново научить их любить? Можно представить жизнь без денег, можно на некоторое время представить жизнь практически без еды, вспомни Ленинградскую блокаду, но представить день без любви невозможно. Знаешь что? Представь себе на минуту жизнь без любви. Ты просыпаешься утром и не любишь ту, с кем делишь ложе; ты выходишь на кухню, чтобы позавтракать и не любишь своих детей, что крутятся у тебя под ногами; ты не любишь кошку, собаку. Ты не любишь мать, от которой пришло письмо, отца, который позвонил, чтобы узнать, как ты поживаешь. Ты вышел на улицу и не любишь прохожих. Никого. Эта фантастика заканчивается очень просто: ты умираешь. Медленно, день за днем. Или насильственно, в одночасье. Выбирай уж сам. Не умрешь сам, тебя прикончат другие, не любящие тебя. Вот для чего у нас душа и вот что такое любовь, которая гнездится в ней. Так что, дорогой мой сын, любовь – это и есть жизнь.

- Я знаю теперь. Я люблю Татьяну, - тихо проговорил Аркадий.

- Нет, тут другое дело, - перебил его отец. – Вся закавыка в том, как любить. Не женщину, женщину любить легко, она была придумана и дана нам для любви самим создателем. Ты мне скажи, как полюбить ближнего, того, кто стоит рядом с тобой, и кого ты каждый день видишь в толпе? Противную, вонючую, подлую, жалкую, надменную, жестокую и трусливую человеческую особь, о которую ты трешься каждый день? Христос? Его толпой были те же бедняки, но он не проповедовал равенства, он проповедовал всеобщую любовь. В этом что-то было, но он проповедовал ее под неправильным углом.

- Скорее всего, церковь нам неправильно излагает эту любовь, – перебил Аркадий.

- Видишь ли, Аркаша, - продолжал отец, - чтобы любить другого, нужно избавиться от самого себя, нужно забыть о себе, о своих могучих страстях, ежедневных потребностях, необъятных желаниях, о темных грехах. Нужно утопить память обо всем, что составляет наше существование и, очистившись, таким образом, от нашей памяти о самом себе, презрев собственные нужды и желания, начать служить другим людям. Любя их. Если ты не понимаешь, приведу пример. Когда мать выкармливает своего младенца или, когда он болен, или, когда ему грозит опасность, она сама перестает существовать, существуют только ее любовь к младенцу. Только так, забывшись, можно любить людей. Можно позабыть себя в труде, в любовных утехах, в пьянстве, не зря же говорят: «Напьюсь, потому что хочу забыться». Только такое освобождение от себя любовью к людям не прорастает. Правда в том, что человек, любой человек, любит, прежде всего, себя или, как ты говоришь, любит теперь даже не себя, а деньги. Христос, вероятно, больше кого-либо другого подошел к тому, чтобы любить людей, всех скопом, таких, какие они есть. Он, по видимому, сумел-таки мало любить себя. Да и такого, как нам представляет его церковь, любить себя трудно. Что ж любить в себе с нашей, человеческой точки зрения? Ни страстей, ни грехов. От чего отказываться? Что забывать? Церковь настаивает на том, что Христос пожертвовал ради нас своей жизнью. Но он же не умер, он воскрес! Так что миф оказался ложью – и грехи человеческие остались при нас, и жертвы не получилось.

- Но ведь, именно поэтому, Христос не мог остаться среди людей, отец, - сказал Аркадий. – У той любви, которую он проповедовал, не было продолжения, во всяком случае, на нашей земле. Не было продолжения и у церковной лжи. Принято сравнивать Иисуса с Идиотом. Но Достоевский написал своего князя Мышкина эпилептиком, потому что иначе надо

было делать своего героя ответственным за то, что он несет любовь, которая причиняет зло. Вспомни, князь любил, он желал всем добра, а все вокруг него становились несчастными. Он был бесконечно добр, но его доброта не была ни разумна, ни практична, поэтому не имела положительного конечного результата. Христос тоже был очень вовремя распят. Практического результата его проповеди не имели, как не имеют и сейчас, две тысячи лет спустя.

- Проповедовать любовь всегда не легко, - заметил отец, - тем более не легко проповедовать любовь человеку, для которого деньги всегда почему-то важнее. Религии на протяжении веков являлись ярыми поборниками казней, пыток, женоненавистничества. Люди затевали и затевают войны во имя своих богов, им понятнее убить врага или принести в жертву себя во имя бога. Их в этом убедили попы разных мастей. Когда же полубог-получеловек проповедует любовь, ему, вроде, и хотят верить, потому что правильно и хорошо верить в любовь, но не знают, что делать с этой любовью. Сама церковь в растерянности: веками она накапливала ложь, деньги и преступления, так что же делать с мифом о любви к ближнему, мифом, который дал ей путевку в жизнь? Что делать с его главным героем – Иисусом Христом? Церковь теряет верующих. Это – факт. В мире любви не прибавилось, а бедных не убавилось. Так что предвыборные обещания не выполнены. Я тебе вот что скажу. Если считаешь, что ты можешь, помоги одному, двоим, но помоги на деле. Также, ты должен знать, что помогаешь не ленивым, а несчастным или увечным. И раз начал, нельзя бросать. Знаешь, как в старину говорили «бойся убогого слезы». Тогда будет добро. Только никогда не отбирай у своей семьи. Раз решил завести семью, ты отвечаешь за нее. А что касается всеобщей любви, то эта сказка, по крайней мере, у нас, на Земле. Пока что сказка. Может быть, после того, как Господь прочистит нам мозги, эта сказка и на Земле реальностью станет. Но, вернемся к деньгам. Любовь и богатство совсем не исключают друг друга. Я знаю, что ты читаешь Бальзака. Подчас он бывал наивен, но иногда выдавал гениальные вещи. Так вот, этот обыкновенный гениальный человек желал для себя не «хижину и любящее сердце, но дворец и возлюбленную».

- Он получил свою возлюбленную за два месяца до смерти.

- Да уж, после этого говори об исполнении желаний и господнем провидении! – засмеялся отец. – Но, согласись, имея деньги, можно любить лучше, свободнее, романтичнее. Не покупать, потому что можешь позволить себе, женщину, а любить ее, обеспечивая, развлекая, избавляя от страхов. Прости своего отца, вероятно, я выгляжу немного старомодным. В эпоху режима, когда государство было несравненно огромнее и сильнее чем человек в этом государстве, оно довлело буквально над всем: над жизнью вообще, над карьерой, над частными отношениями. Не знаю, помнишь ли ты ясно те времена, но даже если помнишь, то, навряд ли осознаешь, что тогда происходило. Нам до такой степени промывали мозги изуверы-идеологи, что мы с большей радостью и нетерпением ждали предстоящего съезда КПСС, чем ночи любви с женщиной. И, знаешь, что? Мы не умели любить. Мы, маленькие человечки без прав, придавленные огромными портретами вождей и грандиозной идеей об освобождении мирового пролетариата от оков империализма, были все импотентами. Не только мужчины, но и женщины. Мы спаривались, но наши интимные отношения были лишены сексуальности. Нам внушали, что любовная страсть – не главное, что мы, строители коммунизма, люди новой формации, должны быть морально чистыми экземплярами. Но мораль ведь включает многое, прежде всего, совесть и, как мне кажется, совершенно не касается любовной страсти. В лицемерном советском государстве страшно боялись сексуальной свободы, которую называли развращенностью и, даже, развратом. Развращенность существовала в умах и семьях наших правителей. Хотел написать книгу о кремлевских уголовниках, но не успел. А жаль...

- Но ты же любил? Мог? Умел любить? – нетерпеливо спрашивал Аркадий.

- Я любил твою маму и свою жену искренне. Но даже нашей любви не хватало страсти.

Послушай, я тебе расскажу кое-что. Только ты не смейся. Я знаю твою славу Питерского Чудовища и не осуждаю тебя, наоборот. К тебе сейчас пришла настоящая любовь, и ты изменишься, но любовный опыт останется. Твоя жена будет довольна. А нам не хватало этой самой эротики. Мы читали эротические стихи и романы украдкой, смотрели эротические фильмы практически в условиях подполья.

- Сейчас эротики тоже нет, сейчас переизбыток порнухи. Самой грязной и отвратительной. Есть все, даже то, чего не должно быть.

- Переизбыток убивает точно так же, как и нехватка, - согласился отец. - Потребитель уже знает и видел все, и поэтому его фантазия перестает работать, а это ведет к извращениям. Любовной же страсти необходима фантазия. Однажды мы с твоей мамой пошли на «Анжелику», было несколько фильмов с Мишель Мерсье в главной роли. У нас их показывали в вырезанном варианте, конечно. Но даже так, даже так... Прийдя домой, мы с ней всю ночь занимались любовью. Это была настоящая, незабываемая ночь любви. Я все думаю, что же с нами случилось тогда? Мы просто отвлеклись от лозунгов и великой идеи, и подсмотрели давнишнюю, полувыведанную жизнь необыкновенно красивой и пленительной женщины и двух, влюбленных в нее, мужчин. Один был силен своим богатством и умом, а второй – своей молодостью. Все вместе выглядело очень сексуально. И вот я, кремлевский партийный функционер, как говорили тогда, представлял себя де Пейраком и весь пыл своей нерастроченной страсти дарил своей возлюбленной Елене.

- Так можно любить только в молодости.

- Неправда. Так можно любить всегда. Ты вот тоже уже не первой молодости, а свою молодую жену будешь любить именно так, страстно и нежно, как любят в первый раз. Ты сумеешь, у тебя опыт богатый. В этом-то вся и загвоздка – знать как. Продолжим про душу? Я ведь к чему веду? Любовные страдания развивают душу. Сострадание к старикам и жалость к животным тоже развивают душу. Рецепт один: чтобы душа развилась, надобно этой душой трудиться. Конечно, и другая связь налицо: дабы душа жила, нужно наполнить желудок. Россини думал, прежде всего, о своем желудке, а не о душе, когда за сто экю писал «Севильского цирюльника».

- Душа у него и так была, папа. Гениальная душа.

- Кто знает, где гениальность вьет гнездо? В душах или в умах людских? Скорей всего, в душах.

- Ты прав, отец. Бывает гениальный певец, а слаб мозгами. Так что же, гениальность только в голосе? Или в пальцах? Или в ногах?

- Или в умении накладывать мазки на холст? – подхватил отец. - Не знаю, сын.

Гениальность, это, как правильно говорят люди, дар божий. Рождается младенец, господь тронет его своей десницей, и, пожалуйста, на свет появился еще один гений.

- Что-то последнее время Батюшка не балует нас гениями.

- Поэтому, мир остается таким, какой он есть, переделать его невозможно. Гегель все же прав. Но как заброшен мир! – Отец выглядел уставшим, но ему, напоследок, хотелось еще что-то важное сказать Аркадию, поэтому он продолжал. - В мире побеждают наглые, вороватые, суесловные, лживые – одним словом, отрицательные личности, которые, тем не менее, считаются сильными. Добрые, мягкие натуры остаются ни с чем. Может быть, сильные личности потому и отрицательные, что у них ума хватает понять, в каком мире они живут и приспособиться с выгодой для себя в этом мире? Да и кто им судьи? В нашей жизни действует непреложный закон: когда у одного прибывает, у другого убывает. Всего имеется определенное количество, ничто не безгранично. Так вот, на того, у кого вдруг убыло, смотреть не интересно, а на того, у кого прибыло, смотреть занятно. Поэзия зла, как ты знаешь, гораздо более притягательна, чем проза добра. Самое смешное в том, что мы все прекрасно знаем, что хорошо и что плохо. И делаем плохо, потому что «плохо» приносит барыши. А «хорошо» - это как вечное обещание: моешь, моешь песок, а золотая песчинка все никак не застрянет в сите, или, ежели застрянет, то она настолько мала, что о

ней стыдно трубить во всеуслышание. Зло полно тайн, а в добре нет ничего загадочного. Помнишь разговор горьковского Егора Булычева с Игуменьей? Она говорит ему: «... господь не допустит – дьявол не соблазнит», а он ей отвечает: «Успокоила. Выходит, что господь вполне свободно допускает дьявола соблазнять нас, - значит он в грешных делах дьяволу и мне компаньон...». Поэтому, напоследок, я тебе вот что скажу, сын. Люби и не бойся страдать. Хочешь ненавидеть – ненавидь, хочешь радоваться – радуйся, хочешь тосковать – тоскуй, вой на Луну, но, ради бога, всегда чувствуй сильно! Чувствуй, пока смерть не стерла тебя с полотна жизни! Не бойся своих чувств, пусть в твоей душе будет их переизбыток. Чувства развивают душу и душа, наша, русская душа, со временем заговорит с нами, и мы вновь обретем ее.

Время было утреннее. Первый слабый свет рассеял тьму длинной холодной ночи. Фонари сочили жидкий свет. Пошел снег, крупные снежинки проплывали за окнами как сонные серые бабочки. В комнате пахло сигарами, на полу стояла пустая бутылка коньяка, в пепельнице мертво валялись толстые черви окурков. Аркадий сидел в отцовском кресле, его веки были сомкнуты, под ними подрагивали глазные яблоки. Его сознание приятно тербила мысль о том, что его родители знают о предстоящем большом дне и о том, что он сделает предложение. Их сын отважился жениться и получил их поддержку и благословение. По этому случаю даже отец вырвался из небытия.

Итак, он любим своей семьей и любит сам. Жизнь перестала быть тревожной и безбрежной. Она сузилась в небольшое пространство, где существовал только Аркадий и его любовь – входящая и исходящая. Эта любовь окутала его теплыми водами, и ему казалось, что он защищен ею от всех житейских невзгод, как еще не родившийся ребенок бывает защищен в материнской утробе...

Глава 15.

На следующий день, за полчаса до свидания, Аркадий сложил все подарки, купленные для Татьяны на Мадейре, в кульки, спустился во двор, сел в машину и включил зажигание. Мотор не заводился, все предыдущие дни и, особенно, ночи были слишком холодными, поэтому автомобили, брошенные на произвол судьбы под открытым небом, просто испустили дух. Стасов фаталистом не был. Не усмотрев ничего судьбоносного в том, что машина не завелась, он поймал такси. Разглядывая прохожих и снежные сугробы в окно дребезжащей «Волги», он раздумывал о том, стоит ли ему надеяться.

Чтобы не мучиться ожиданием и не волноваться понапрасну, Аркадий стал читать про себя стихи. Их написал друг его отца, морской офицер, влюбленный в шестнадцатилетнюю девочку. Дело было в 70-х годах прошлого века, офицер был женат, у него было двое сыновей, и каждодневная служба под бдительным оком военных партийных псов. Он никогда не позволил бы себе признаться в своем чувстве той, которую любил. Об этой любви знал только отец Стасова, ему Владимир – так звали морского офицера – принес свои стихи. Аркадий нашел эту поэму, когда разбирал бумаги после смерти отца. Владимир был старше девочки, для которой сочинил свою поэму, на три десятка лет. Как невыносимо было ему осознавать, что никогда он не сможет обнять ее и приникнуть к ее губам. Но как точно все подходит, как верно каждое слово, какая выстраданная боль коренится в истинной любви! Как прав был морской офицер, описывая его собственное чувство к Татьяне!

Нет, нет, он не прав только в одном: он и Татьяна будут, обязательно будут вместе! А, вдруг, нет? Аркадий не помнил всю поэму наизусть, но некоторые разбросанные строфы пришли ему сейчас на память.

Где бы ни был, куда бы ни мчался
По поверхности жизненных волн,
С кем бы я до тебя не встречался
Я тобою одной лишь полн.

Я еще не совсем опустился,
Ты придешь, с собой жизнь принеся,
Сколько б я до тебя ни бесился,
Я смогу стать достойным тебя...

...

Мне ж должно быть достаточно взгляда,
Чтоб понять, что сбылись мечты,
Что уж больше искать не надо,
Потому что ведь это ты.

Но я должен быть твердо уверен:
Буду понят и принят тобою.
Лишь тогда я останусь верен,
Лишь тогда буду твой душою...

...

Я ж, безумец, все смыслы жизни
Воплощаю в одной мечте,
Чтоб идти, не сгибаясь от мыслей,
К роковой и последней черте.

Чтобы в днях, переполненных болью,
Ощущать, что в подруге моей
Бьется сердце такою любовью,
Что сильнее судеб и смертей...

Аркадий опаздывал, уже катастрофически опаздывал и боялся, что Таня уйдет и тогда все будет кончено. Последние метры, остававшиеся до калитки Летнего Сада, были бесконечно длинными. Последние метры отделяли его от будущей жизни. Стоило машине притормозить у входа в Летний Сад, Аркадий схватил свои кульки, выскочил из такси и побежал. Он спотыкался в снегу, которого намело по колено, несколько раз чуть не упал, его длинные ноги совершенно разболтались и вышли из-под контроля, его руки махали в разные стороны, точно лопасти ветряных мельниц с зацепившимися по краям кулками. С трудом балансируя, глотая холодный воздух, он преодолевал последнее, короткое расстояние до скамейки. Оторвавшись от созерцания своих мельтешащих ног, Аркадий быстро обозрел окрестности и увидел одинокую фигуру Татьяны. Душа его изнемогала. Было видно, что она собирается уходить. От отчаяния он начал выкрикивать строки стихов.

И я снова брожу в тумане,
Различая едва силуэты
Лишь настойчивей зов мой станет:
«Где ты? Где ты? Где ты?»...

Я знаю, что ты чудесна,
И сердца наши бьется в такт.
Не зажмурившись, брошусь в бездну,
Всей душой утверждая: «Да!»
Если усталость придет в пути
Или будет опасность возможна,
Я, укрывши тебя на груди,
На руках пронесу осторожно.
Я мечтать о тебе не устану
И, дождавшись, скажу любя:
Я не знаю, что с миром стало б,
Если б не было в нем тебя!

Услышав, что кто-то орет стихи, Таня запнулась и нехотя повернула голову. Аркадию хотелось продолжить свой бег, настичь ее, сграбастать и поцеловать. Как спринтеру, ему необходимо было добежать дистанцию до конца и пересечь финиш. Ему нужна была победа: он столько передумал, переболался и теперь заслужил ее. Но, он остановился. Татьянино лицо было бледным и вежливо-непроницаемым. Аркадию вспомнилось их первое свидание. Ему показалось, что тогда ему было нечего терять, теперь же вся его жизнь зависела от исхода. Ему до ужаса хотелось иметь жену, детей и до конца жизни тепло и уютно возиться в кругу семьи. Опять закрались сомнения: кто сказал, что он заслужил семью? Он решил попробовать. Еще один раз. Последний.

Переведя взгляд на скамейку, он увидел, что она была покрыта белоснежной нетронутой периной. Его душа сосредоточилась и он еще раз взглянул в ту сторону, где стояла Татьяна. Она стронулась с места и стала медленно идти ему навстречу. Аркадий выдохнул, бросил кульки на снег и стал ждать, смущенный и счастливый. В глазах его светилась любовь и нежность. Как только она подошла, он обнял ее за плечи, прижал к себе, а затем усадил на девственно заснеженную скамейку. Нетронутость снега была нарушена.

- Закрой глаза, - скомандовал он.

Тут надо сказать, что Татьяна, родившись женщиной, все-таки могла бы проявить больше женского любопытства. Например, эдак кокетливо сказать: «Ах, ну что еще ты придумал?» или, на худой конец, просто спросить: «Зачем?» Немного поиграть смехом, прищуриться, и уж потом зажмуриться вроде бы всерьез.

Прошло некоторое время. Татьяна, это наивнейшее создание, честно пряталась за темным занавесом сомкнутых век. Казалось, она сидела совершенно безучастно, но про себя она, с замиранием сердца, гадала, что будет? Не что будет, когда она откроет глаза, а что будет вообще?

Наконец, Аркадий велел ей открыть глаза. Таня смотрела на нечто, во что было трудно, скорее даже, невозможно поверить. Вперившись взглядом в то, что открылось перед ней на снегу, любуясь необычностью и красочностью видения, она начала медленно привставать со скамейки. Яркие шали с огромными цветами и мчащимися конями устлали изгибы снежного покрова. Разноцветные флаконы с духами, разбросанные посреди шалей, искрились драгоценными камнями. В сделанной из снега корзине, теплели розовыми пятнами персики. И над всем этим чудом, охраняя сказку, парил золотой ангел. Отлепившись от скамейки, Таня неуверенно сделала несколько шагов к тому месту, где были разбросаны шали, но вдруг стала. Воспользовавшись заминкой, Аркадий укутал ее хрупкое тельце в теплую и длинную шубу. Прося о помощи, Татьяна обернулась и жалобно посмотрела ему в глаза – ей было не понятно, что происходит, она не знала, что делать, как себя вести и что сказать. Переполнившись сказкой, она боялась

реагировать. Ей казалось, что стоит сделать шаг, и все растает, как дым. Ее огромные карие глаза наполнились слезами.

- Я люблю тебя, - тихо проговорил Аркадий. Эти выстраданные слова были как роспись под картиной, созданной им на снегу.

Подхватив Таню на руки, Аркадий перенес ее на снег и усадил на шали. И вдруг, ее лицо стало оживать чувствами, оно не было больше скромным и глупым, а, главное, оно не было больше несчастливym. Ее темные волосы, от влажного и холодного воздуха, пошли завитками и Аркадию подумалось, что перед ним картина Врубеля, так им любимая. А ведь и правда, хоть вместо персидского ковра фоном служили платки от Гермеса, девочка была той же. Аркадий поразился, что на лице Тани проступили красками не виданные им дотоле выражения: ее наивность исчезла под слоем зрелой, осмысленной и уже слегка капризной радости. Именно в эту минуту Аркадий уверился в том, что она поверила – и в шали, и в ангела, и в его любовь.

Он опустился рядом с ней прямо на снег, она же, повернувшись к нему, взяла его лицо в свои маленькие холодные ладошки, притянула поближе к своим губам и стала покрывать мелкими нежными поцелуями. В приступе блаженства, Стасов плакал. Таня пропархала губами по его слезам и вдруг заворковала, рассмеясь бисерным смехом. Он обхватил ее худенькие плечи и повалил в снег. Она продолжала смеяться, а он, захлебываясь слезами, орал, что было мочи на весь Летний Сад: «Танька моя! Голубка моя!» Смеясь, она целовала его, ему в рот набилось полно мокрого снега и, отплеываясь, он не переставал орать про свою голубку. Его душа гремела салютами и фейерверками. Ее душа искрилась и переливалась. Оба были безмерно счастливы.

Зимнее солнце садилось и в сумеречном, лиловом воздухе Петербурга, дрожал, переливаясь, малиновый звон двух желаний. Соединение двух душ было ограждено от злого глаза стараниями золотого ангела, чьи одежды поблескивали в вечерней зорьке уходящего дня. Этот блеск создавал иллюзию движения и, казалось, что ангел изменил позу, сложил руки у груди и расправил белые крылья, одновременно благословляя и охраняя двух влюбленных людей.

Правда, ему, ангелу, было немного зябко.

Ранее, еще до свидания, когда мать и сын паковали кульки с подарками для Тани, оба решили, что знакомство с будущей свекровью надо перенести на другое время: для девочки и так будет достаточно переживаний. Аркадий заметно волновался.

- А, что, если скажет «нет»?

- Ну, Аркаша, тут я тебе не помощница. Когда делаешь женщине предложение, никогда заранее не знаешь, что она ответит, - с улыбкой подначила его Елена Федоровна.

- Сейчас почти все отвечают «да», - старался подбодрить себя Аркадий. – В современном мире, ма, предложения все чаще делают женщины.

- Но твоя же не такая? – не сдавалась Елена Федоровна.

- Не такая, а все же дурой будет, если скажет «нет».

- Если скажет «нет», значит, у нее есть на то причины. Поэтому дурой, как ты говоришь, она не будет.

- Для меня будет, - отрезал Аркадий.

- Ты обижаешься заранее и совсем напрасно. Может, она, все-таки, скажет «да». Но ты как-то странно о ней говоришь. Не могу понять, без трепета, что ли. Как можно назвать женщину дурой? Ты-то сам, любишь ее?

- Я, знаешь, зачем старался эти полгода? Хотел, чтобы она, полюбив меня, полюбила себя. Чтобы вообще узнала, что такое любовь.

- Добро творишь? Только если ты сам не любишь, добра не получится. – Елена Федоровна врачивала шали купленные для Татьяны, а в душе у нее после этих слов сына

проскользнул холодок.

Она любовалась подарками, которые ее Аркаша выбрал не для нее. Ревновала ли она? Нет, она радовалась и гордилась. Гордилась тем, что у ее взрослого сына есть вкус, что у него широкая душа, радовалась она и за неизвестную ей Таню, которой будет хорошо и весело получить все эти подарки. Это самое малое, что можно сделать для молодых – помочь им радоваться, оградить их мимолетное счастье от ненужной ревности, придировок и ворчанья. У них вся жизнь впереди, кто знает, что их ждет? У стариков жизнь прожита, все ясно. Впереди ждут болячки и глубокая старость, если доживешь. Жизнь ясна, в ней уже случилось то, что должно было случиться, хуже не будет. Войны, голод, репрессии, роды, измены, огорчения – все осталось в прошлом. Неожиданностей больше не будет, разве что смерть. Да и то, не в том смысле, что факт смерти есть нечто неожиданное – она удел всеобщий и неизбежный, а в том, что смерть, как явление, остается неожиданностью, ведь никто не знает, что значит умереть. А вдруг смерть – самая большая приятная неожиданность? Впрочем, глупости все это, не стоит даже надеяться. Хочется только, чтобы кто-нибудь разуверил в одном – что душа наша смертна. Что же касается молодых, их жизнь зияет впереди, точно пропасть. Им предстоит перебраться на тот берег, к старости. Как им удастся? Боязно за них, потому что не все в их жизни будет зависеть от них.

- Ее невозможно любить так, как мы, мужчины, обычно любим женщин, - вдруг сказал Аркадий.

- Почему? – снова встревожилась Елена Федоровна.

- Знаешь, ма, человека описать трудно. Обычно человек нравится или не нравится не потому, что у него длинный нос или короткие пальцы, а потому, как мы воспринимаем длинный нос и короткие пальцы. Вот кто-то начнет описывать человека с короткими пальцами и вложит все свое отвращение в это описание. И описываемый человек уже неприятен. А в реальной жизни многие, напротив, отнеслись бы к этому человеку с короткими пальцами с симпатией. Понимаешь? Описать невозможно. Мне нравится, а тебе не понравится, и наоборот. Скажу только, что она худая и у нее очень простое лицо. Невыразительное. После всех женщин, которых я знал, она ... была совсем другой.

- Ты говоришь, была, что, изменилась?

- Немного. Стала меньше бояться.

- Господи, где ты нашел эту «привлекательную особу»?

- Нет, все в порядке. Я говорил тебе, что нашел ее в Университете, вернее, в кондитерской. И что-то в сердце защемило. И плакать хотелось. Было одновременно и хорошо и жалко. Как увидел ее, подумал, что Бог есть.

- Аркаша, а что если ты надумал все это? Про Бога, да про жалось. Жизнь, она, знаешь ли, проще. Я боюсь, что ты решил грехи свои искупить. Но не надо, не делай этого. Не бери эту девочку без любви, а то еще больший грех будет. Вот сейчас ответь мне коротко: любишь ее или нет?

Елена Федоровна задержала дыхание, ожидая ответа от своего сына. Она знала, что в ответственные моменты он соглашается видеть правду и не врет, и, в то же время, ей хотелось, чтобы он любил. Аркадий долго молчал, а потом сказал:

- Я жить без нее не могу.

Все же, любит ли он Татьяну, он не сказал. Елена Федорова больше не настаивала. «Раз жить не может, - решила она, - значит, эта девочка нужна ему. Дай бог, чтобы и он был ей нужен».

- Приводи ее сюда, домой. Я приготовлю ужин. Оба, наверное, будете голодные. – Елена Федоровна смиренно приняла условия сына.

- А ты? – спросил Аркадий.

- Не стоит меня представлять в тот же вечер. Ей и так хватит эмоций. Сама была молодой. Знаю. Я пойду к Ирочке, подруге своей, вернусь завтра к вечеру и торжественно

поздравлю вас. Я очень люблю тебя, Аркаша. И ее буду любить, твою душевнобольную девочку.

Этим вечером Аркадий привел Татьяну домой. Они ужинали на кухне, и никуда не спешили. Знали, что впереди целая ночь и целая жизнь, которую никто не отберет. Терпение было не придуманным, а настоящим, страсть теплилась в их душах, не лишая рассудка. Они разговаривали, у Татьяны исчезали последние признаки внутренней напряженности и скованности, ее глаза сияли. Она ела салат «Оливье» и закусывала его персиками. Понимала ли она, что должно с ней произойти в предстоящую ночь, и, если понимала, какие чувства и мысли обуревали ее накануне великого события – ночи любви? Можем ли мы предположить, что ее сердце уже тронула любовь, и, поэтому ее тело ныло желанием? Говорил ли ее сияющий взгляд о том, что она готова превратиться в пленительную сладострастницу, радостно принимающую в свои объятия мужчину? Готова ли она была подчиниться или ее угнетала мысль о том, что, отдавшись мужчине, ей придется отречься от своей воли? Или, напротив, она покорно ждала его владычества? Знала ли она, что очарование первых дней страсти, этот дивный сон, райское блаженство, всегда заканчивается приятием философии более или менее сносного супружества, которую можно заключить в два слова: смирение и самоотверженность?

Не думаю, что Татьяна, ужиная на кухне салатом с персиками, думала о чем-либо целенаправленно. Возможно, она переживала состояние легкого беспокойства или любопытства, но не больше. В такие минуты, девушки обычно не думают, они не знают, что думать. Они никогда не знают, куда их приведет первая ночь любви – под венец, на панель или в психушку. Поэтому Татьяна, будучи абсолютно несведущей в чудесах, откровениях и муках, которыми полнятся отношения между противоположными полами, просто рассматривала своего мужчину. Невозмутимая, простая и естественная, она обливала его лучами своего взгляда.

- Ты – прелестный, - вдруг сказала она.

Худой и сутулый, с огромными серыми глазами, горевшими приглушенным огнем, Аркадий ждал, когда Татьяна скрепит все прожитые им в долготерпении месяцы долгим поцелуем. Он уж больше не скрывал от себя, что его чувство состоит не только из подлинной любви, но и из чувственной. Его слегка теребило нетерпение, потому что он понимал – сегодня вечером он особенно вдохновлен на эту самую поэзию чувственности. И, все же, он не знал, как начать. Перед ним сидела его будущая жена, поэтому он боялся нарушить некое, не знакомое ему таинство. Это все равно, что сорвать печать и отворить дверь в свое многолетнее супружество, а кто знает, что там, в темных коридорах? Не повременить ли? Аркадий ужаснулся своей мысли о том, что мог бы так сидеть часами и днями, разводя канитель пустых разговоров, расспрашивая о том, как ее в Невской Лавре покрестил сторож, слушая ее милый лепет, вытирая персиковый сок с ее подбородка, допуская нежности и невинные забавы, и ничего больше. Его даже несколько утомляла мысль о близости, но, с другой стороны, ему не терпелось начать целовать целомудренные губы. Долго, бесконечно долго целуя ее невинные губы, он начнет свое восхождение из ада.

И вот, пришло время, и упала пауза, полная той особой тишины, когда с беззвучной внезапностью открываются врата в царство первых ласк.

Когда их первая музыка любви отзвучала, Татьяна, сидя на толстом ковре, брошенном на полу посреди комнаты, оперлась на разноцветные подушки с бахромой. Кровать обещали, но так и не привезли. Она светилась радостью, смешанной со смущением и, в то же время, ее простое, невыразительное лицо совершенно изменилось, пройдя последнюю стадию метаморфозы: оно стало не только красивым, но прямо-таки обольстительным. Это уже не было скованное маской послушания лицо молоденькой гейши, готовой подчиниться вечному хозяину-року и временному властелину-мужчине. Ее щеки пощипывал яркий

румянец, ее губы пылали алым жаром. Татьяна была обнажена, ее тяжелые темные волосы падали на маленькие груди. Более короткие, спутавшиеся пряди, прикрывали лоб. Она только что пережила красоту и мощь физической любви, узнав правду об отношениях мужчины и женщины, ибо истина этих отношений в соитии, а там, до и после, уж как бог даст. Ей было хорошо. И тут снова хочется задаться вопросом: была ли она внутренне напряжена, ожидала ли несчастья? Думала ли она о том, что судьба, приревновав к тому, что все так хорошо устроилось для нее, может запросто разлучить ее с любимым? Ведь известно же, что Бог или во всем послушная ему судьба, находят любой предлог, чтобы причинить нам, ничтожным людишкам, боль. Кто-то из великих сказал: «Здесь, на земле, ничего не осуществляется полностью, кроме несчастья». Провидение казнит счастливых людей.

Татьянино худое тельце дрожало, ее душа еще не выпуталась из капкана только что пережитых чувств. Она, скорей всего, не смогла оценить всей прелести первого соития с женщиной, но поняла, что произошло что-то огромное, что бывает только раз в жизни у каждой женщины. Впрочем, ничего особенного в плане удовольствия она не испытала, усвоив свою первую близость с женщиной правильно, уловив в этой близости больше философского и житейского смысла, нежели так щедро расписываемого в романах и стихах чувственного удовольствия.

Пытаясь скрыть свое замешательство, дрожащими худенькими пальцами она теребила разноцветные ленточки, которыми были перевязаны коробки с духами. Коробки все были давно открыты, и сейчас она пробовала содержимое флаконов, одного за другим, вдыхая несхожие ароматы. Аркадий показал ей, как надо прыскать немного духов на кисть руки или на сгиб локтя, в те места, где пульсирует кровь, и спустя некоторое время, вдохнуть слегка испарившийся, но согретый телом аромат. Татьяна старательно исполняла его указания. У нее кружилась голова, она блаженно улыбалась, гримасничала, морща свой маленький носик, не зная, что сказать. Рядом с ней, на полу, стоял золотой ангел. Отогревшись в теплой комнате, он изумительно сиял своей золотой безгрешностью. Или он уже стал падшим? Нет, он все так же безгрешен, он охранял свою Причудницу, ненадолго превратившись всего лишь в случайного свидетеля.

Аркадий наблюдал за тем, как она играла с флаконами духов. Он чувствовал себя почти в родстве с Богом. Со всей своей опытностью, он проник в нее, сделав ее женщиной. Какой женщиной она будет? Он хотел, чтобы она была капризной, тщеславной, требовательной. Ему хотелось очищаться подле нее от угара греха своей прошлой жизни, и это очищение должно ему стоить мучений. Иначе, что же это за очищение? Ему надо было угождать ей, принижая себя, потому что в ней он видел свою спасительницу. Он смотрел на ее ангельскую улыбку и думал, что это совсем не то, что ему нужно. Но, взглядевшись снова в ее, уже знающие глаза, у него появилась надежда – она станет именно такой, как ему хочется, она будет, будет наказывать и изнувать его своими капризами и желаниями. Его блаженство стало почти мучительным. Он поднялся и взял в руки скрипку.

Аркадий заиграл с ходу, без раздумий и приготовлений. Заиграл Паганини, «Каприз № 24», музыку не столько красивую, сколько страстную. Как из комбинации звуков и соединения музыкальных фраз может получиться страсть в чистом виде, разрывающая на части волокна нашей души? Аркадий, не утолив своей физической страсти, продолжал любить тщедушное тело своей будущей жены, играя на скрипке. Погружаясь глубже и глубже в свои мечты, он ласкал и любил скрипку, и его тело, содрогаясь спазмами, пережило оргазм. Перед концом мелодия немного успокоилась, став гладкой и прозрачной, почти обычной, как будто страсть, наконец, уgomонилась, но потом скрипка опять взорвалась стенаниями. Аркадий знал, что Паганини имел в виду: страсть нельзя утолить. Ее можно лишь ненадолго уgomонить. Страсть изнурительна.

А он был только в самом начале пути. Он был великим любовником, для которого, как и для Потемкина, обладание женщиной означало начало, а отнюдь не конец великой

дороги любви. До конца своих дней он будет очарованным странником, идущим по этой дороге туда, где заканчивается земная любовь и начинается иная.

Татьяна больше не играла с ленточками, а безотрывно смотрела на мужчину, играющего на скрипке. Она онемела от неожиданности – музыка захватила ее полностью, как тогда, на лавочке, когда из окна Театра вылилась одна музыкальная фраза и затихла. Той оборвавшейся мелодии хватило, чтобы заполнить Татьяну, как пустой сосуд, до краев. Теперешняя музыка переливалась через край. Она смотрела на Аркадия, и думала о том, что он напоминает выскочившего из леса лохматого Пана с копытами, рогами и разметающимися космами. Этот Пан у нее на глазах баловал любовными ласками свою скрипку-нимфу, которая отвечала ему восхитительными, чувственными стонами. Еще не понимая страсти, вместо великого любовника, своего будущего мужа и отца своих детей, она воочию увидела, наконец, того, чье имя он носил долгие годы – Питерское Чудовище. Он подсел к Татьяне, обнял ее и сказал:

- «Есть люди мира, тяжелые, без крыл. Они внизу возятся. Есть из них сильные – Наполеоны пробивают страшные следы между людьми, делают сумятицы в людях, но все по земле. Есть люди, равномерно отращивающие себе крылья и медленно поднимающиеся и взлетающие. Монахи. Есть легкие люди, воскрыленные, поднимающиеся слегка от тесноты и опять спускающиеся – хорошие идеалисты. Есть с большими, сильными крыльями, для похоти спускающиеся в толпу и ломающие крылья. Таков я. Потом бьется с сломанным крылом, вспорхнет сильно и упадет. Заживут крылья, вспорхнет высоко...»

- Зачем ты мне это говоришь? Это ведь не твои слова, - испугалась Татьяна.

- Нет, не мои. Лев Толстой вел дневники, там написал о себе.

- Ты не такой, – упрямо повторила Таня. – Крылья у тебя большие, сильные, пушистые, теплые. Я в твоих крыльях совью гнездо"...

На следующее утро, после завтрака, отправились покупать новогоднюю елку. Аркадий шутил, но что-то щемило внутри, непонятное беспокойство, какая-то раздражающая, беспричинная тревога. Одним словом, крутило душу точно так же, как при ревматизме на погоду крутит ноги. Снег стлался белым ковром, мелодично поскрипывал под ногами, сверкал серебряными и золотым искорками, приглашая к первому вальсу на балу предстоящих праздников. До Нового года оставался всего один день и, казалось, жизнь была битком набита счастьем.

В своей новой шубке, согретая теплом и счастьем, Татьяна прижималась к локтю Аркадия нежно и доверчиво, как котенок, подобранный на улице. Она улыбалась, то поглядывая по сторонам, то заглядывая своему любимому в глаза. С утра позвонили ее маме, разговор оказался предсказуемо неприятным. Сговорились увидеться сразу же после Нового года. Судя по Таниному настроению, этот разговор совсем ее не задел, а, напротив, развеселил. Она вырвалась из плена нелюбви, ощутив себя свободной и любимой женщиной. Никогда раньше они с матерью не покупали елки к Новому году, а вот теперь она вышагивает на виду у всех со своим почти что мужем, Питерским Чудовищем, личностью пусть и неоднозначной, но довольно известной, на елочный базар. Сегодня вечером она познакомится со своей будущей свекровью и у нее будет новая семья. А там, глядишь, и дети пойдут. Если нужно будет, она бросит Университет, потому что материнство гораздо важнее, а знания она наверстает из книг. Татьяне мечталось иметь много детей и ухаживать за ними самой, как это делали в старину, в пушкинские и толстовские времена, когда долгими русскими зимами ходили за детьми, выздоравливали их из разных детских болезней, кормили, учили, любили, разговаривали с ними, читали им сказки, играли, одним словом, полагали свою душу на них. И главной всегда была мать, измученная заботами, но непременно терпеливая, всепрощающая и ласковая. Пройдут незаметно зимы, и она вырастит своих детей, сохранит любовь к своему мужу, укрепит его

любовь к себе, отвоюет на огромной планете пространство для себя и своей семьи, устроив свой домик в огромном улье, где будут жить ее сыновья и дочери. Созданный ею мир будет полон любви.

Аркадию хотелось бы знать, о чем она думает, но он не спрашивал. Небось, мечтает. Он с тревогой посматривал на ее жиденькие ботиночки и клял себя за то, что не привез ей порядочной зимней обуви. Правда, тогда, на Мадейре, ему было не до того, он страдал и радовался одновременно, принимая от Бога в дар эту странную любовь. Ан, нет, чтобы подумать о теплых, зимних сапогах! Они уже вошли за деревянную ограду, к которой были привалены елки. Татьяна расцепила свои меховые ручки и выпустила его локоть.

- Большую? – спросила она.

- Самую большую! – весело выкрикнул Аркадий. – Ты выбирай, а я пойду, поговорю с продавцом. Может, у него где припрятан товар для особых клиентов.

Татьяна пошла бродить между наваленными в кучи елками, Аркадий не успел отойти, как послышался пронзительный женский голос.

- Стасов! Аркадий! Аркаша! Неужели ты?

К ним быстро шла высокая, холеная и дорого одетая женщина. В ее пепельного цвета волосах, ярко выделялась лиловая прядь. Красивое лицо было безупречно нарисовано. На шее и запястьях болталось золото вперемешку с серебром и большими разноцветными камнями. Долгополая шуба была распахнута, открывая яркий шерстяной костюмчик, обтягивающий стройное, большими трудами и деньгами вылепленное и вырезанное тело. Ножки незнакомки были обуты в теплые высокие сапоги. Ласковая и кокетливая насмешка кривила ее красные губки. Она была похожа на молодую, но уже знакомую с правилами своего прайда, хищницу. Уверенная в себе, в своей силе и притягательности, она с удовольствием охотилась. Грациозно бросившись Аркадию на шею, она расцеловала ему щеки, оставив красные маленькие ранки, нарисовавшиеся от ее губной помады. Затем напряженно-ищущим взглядом она заглянула в большие серые глаза Стасова.

- Где ты пропадаешь? – быстро спросила она, и потом продолжала капризным и требовательным тоном. – Мы все соскучились. Я соскучилась! Я знаю, что I' uomo e mobile («мужчина изменчив»), но ты ведь всегда был нашим преданным чудовищем!

- Познакомься с моей женой, - спокойно предложил ей Аркадий.

- Женой?! – наигранное изумление хищницы было почти искренним. –

Ты женился? Такой лютый до баб и женился? Где же жена?

Аркадий взял Татьяну за руку и прижал к себе.

Таня стояла, переминаясь с ноги на ногу. В ней не было ничего деланного, искусственного, она пританцовывала в своих тонких ботиночках потому, что замерзла.

- Это – жена? – тон незнакомки был холодным и одновременно насмешливым.

- Татьяна – моя жена, – повторил Стасов и замолчал. Это было предзнаменование, в самой глубине его души зашевелилось несчастье. Он прекрасно знал эту верхивостку – никакая она не хищница. Вперившись в нее взглядом, он вдруг вместо женщины увидел черную курицу. Да, как есть предзнаменование, но о беде ему думать не хотелось, не могло.

Женщина, не стесняясь, с насмешливой и вызывающей повадкой рассматривала Таню. Закончив осмотр, она перевела взгляд на Стасова и быстро сообразила одно: если она не уберется сейчас же, он ее ударит. Перед ней стоял заматеревший волк, чьи желтые глаза светились злобой, а пасть раздвинулась в недобром оскале. Упершись лапами в снег, он защищал это странное существо, с самого начала предназначенное в жертвы. Что ж, сегодня ее охота не состоялась. Колюче глянув на них обоих, по-кошачьи сузив глаза, она повернулась и быстро исчезла среди наваленных в кучу елок...

Таня как-то неудачно повернулась, оступилась и угодила обеими ногами в глубокую лужу. Аркадий подхватил ее и она, знобясь, припала к его груди, стараясь согреться в надежном кольце его сильных рук.

- Голубка моя, - проговорил он тихо. – Самая моя любимая и дорогая птичка, давай-ка пошли домой, а то ты продрогла вся, да и ноги промочила. А елку я выйду, сам куплю.

- Нет, елку купим сейчас, – настаивала Таня. Ей казалось, что если их первая совместная вылазка за елкой окажется неудачей, то все пойдет наперекосяк, не так, как надо. Начатое дело надо всегда заканчивать, и, если возможно, заканчивать его нужно успешно.

- Тогда жди, я мигом.

Через несколько минут он вернулся с огромной елкой. Ее изумрудные, пушистые ветви были крепко спеленаты грязной веревкой. Таня уцепилась за верхушку и, раскрасневшаяся и гордая первой совместной, можно сказать, супружеской покупкой, вышагивала в хлюпающих ботинках домой.

- Кто была эта женщина? – спросила она.

- Так, давно умершая, высушенная и припиленная бабочка.

До Аркадия вдруг дошло, насколько он был на самом деле счастлив, как, уже не ожидая чуда, он обрел ее, свою маленькую голубку, девочку Татьяну, которую он ревновал, вместо того, чтобы его ревновала она. Ревность, она ведь странная штука и происходит она не от того, что нас предали, изменив с другим, а из-за эгоизма. Когда нам изменяют с другими или с другой, ревности нет, а есть боль и обида собственника, потерявшего свое приобретение - любовь. На начальной стадии любви, когда любовь и влюбленность составляют одно целое, ревнуем мы потому, что любим настолько сильно, что постоянно держим любимого нами человека внутри себя. Когда же мы видим этого человека вне нас, во плоти и крови общающегося с другими людьми, обнимающим их, протягивающим им руку, да просто разговаривающего с ними, в нас закрадывается нехорошее чувство потери. Потеря эта – наше собственное нутро и душа, связанные воедино любовью и принявшие очертания любимого или любимой. Другим словами, любимый человек живет внутри нас, и мы не хотим выпускать его на волю, пусть даже ненадолго. Вот почему говорят, что любовь делает нас собственниками. Есть еще одна причина. Измена всегда унижает и, почему-то всегда того, кому изменили. Мы жалеем себя и плачем, потому что измена вызывает в нас не ревность и ярость, а обиду и боль за собственное растоптанное достоинство. Согласитесь, что у тех, кому приспичило изменить, всегда есть возможность пощадить и сохранить достоинство того, кому они собрались изменить. Просто расстаньтесь до измены и дело с концом.

- Ты думаешь, мне часто придется защищаться от твоего прошлого на улицах и в магазинах? – спросила с хитрецей Татьяна.

- И на выставках, и на вечеринках, и в театрах, и повсюду, - шутливо подхватил Аркадий. – Нет, родная. Защищаться тебе совсем не надо. Тебе надо кое-что понять и никогда не сомневаться. Я тебе расскажу маленькую притчу. Однажды мудрый отец ответил нечто очень правильное своему сыну, который спрашивал его о любви. Он сказал ему, что на небе роится огромное количество сверкающих звездочек, и все они, хоть и прехорошенькие, но похожие. Но вот, на западе появляется луна, огромная и величественная. И она, луна, прекрасна и единственна, и больше такой, как она, нет на целом небосклоне.

Аркадий, довольный тем, что сумел так образно объяснить суть своей любви, широко улыбнулся. Таня бросила макушку елки, за которую держалась, подошла к нему, хитренько и умненько посмотрела на него и ответила.

- Одна великая женщина однажды написала одному великому

мужчине: «Мой муж спросил меня, куда мне податься? Где найти подходящий угол, чтобы приткнуться? Мой дорогой и любимый муж, приди ко мне, ты будешь принят с распростертыми объятиями».

Аркадий узнал в этих словах одну из записочек, *billets-doux*, которыми обменивались Екатерина Великая и Потемкин.

- Откуда ты знаешь? – радостно спросил он.
- Раз муж знает, надобно и жене знать, - ответила Татьяна.

Бросив елку на тротуар, Аркадий сграбастал свою голубку и крепко ее поцеловал. На душе у него было необъятно.

Глава 16.

«Корни моего сердца мертвы и больше никогда не дадут ростков».
(Генрих Манн, «Генрих IV»).

Вечером того же дня была наряжена елка, пришла Елена Федоровна, и все уселись ужинать в столовой, за круглым столом, накрытым белоснежной крахмальной скатертью. По случаю помолвки молодых, Елена Федоровна принесла розы и, счастливая, рассказывала Тане, как надо ухаживать за цветами.

- Я вычитала это у Даррелла, - улыбаясь, говорила она, - он очень занятно писал о животных, но не забывал и цветы. Я его очень люблю за его наблюдательность и за то, что он относился к животным как к равным.

Она немного помолчала и серьезно добавила:

- В том смысле, что ставил их вровень с нами, с людьми, а то и выше нас, и правильно делал! Так вот, розы невозможно соединить в один букет с астрами, это смертельно для роз. Все сложноцветные очень жестоки и воинственны. В воду с розами хорошо добавлять полтаблетки аспирина. Серебряные монетки – в воду с хризантемами, бренди – для душистого горошка, лимонный сок для мясистых цветов, таких, как бегония. И ни в коем случае не надо менять воду каждый день. Один раз в неделю достаточно и положить горсть земли в нее. Даррел и цветы сравнивал с людьми. Говорил, когда их слишком много, они действуют друг другу на нервы и ... Таня! Что с тобой?

Таня медленно сползла со стула и кулем свалилась на ковер. Аркадий сорвался со своего стула, подхватил ее на руки и, безумно глядя на свою мать, сказал:

- Она вся горит.
- Простудилась? – предположила Елена Федоровна.
- Сегодня за елкой ходили, она ноги промочила.
- Ну, раз только ноги, не страшно. Сейчас все болеют простудами и гриппами.

Выходим. Ты давай носи ее на мою кровать, и надо скорую вызвать.

Приехала скорая, врач поставил диагноз: воспаление легких. Сделал укол, немного сбил температуру, сказал, что если утром картина не изменится к лучшему, надо будет снова вызвать скорую и тогда уже везти в больницу. Елена Федоровна оставила Аркадия дежурить возле Танечки, а сама прилегла в гостиной, на диване. Таня была в забытьи, дышала с трудом, ее щеки и лоб пылали жаром, губы потрескались. Аркадий сидел в кресле рядом с ней и думал о том, что в этом мире все печально, только изредка в нем происходят радостные события, которые тут же растворяются в печали, в больших и маленьких несчастьях или заканчиваются несчастьями, или они пересыпаны несчастьями,

так что, в конце концов, забываешь, было ли событие радостным или было оно печальным с самого начала. Все случившееся представлялось ему злой сказкой. Бывают ли сказки злыми? А, вот вам, злая сказка: в разгар тихого счастья непрошено ворвался мрак, принявший очертания ужаса и горя, накрыв праздничный стол и новогоднюю, наряженную ель серым пеплом. Аркадий знал, что плохое случается сплошь и рядом и, поэтому, жизни не доверял.

И не то, чтобы устраивали пышные празднества своему счастью, хвастались им перед Богом и людьми. Совсем нет. Просто пошли за елкой, нарядили ее, в самом тесном семейном кругу сидели за столом, разговаривали о пустяках и благодарили Бога в душе. Сам он немного расслабился, глядя на невесту и маму, ему на мгновение показалось, что это счастье не случайность, что он его приручил, и оно стало его счастьем навсегда. И теперь, не понятно, за что? Маленькая, когда-то бывшая зеленой наша планета – грустный и жестокий мир во Вселенной.

Он подошел к окну. Небо серело, начинался новый день. Пошел снег. На светлеющем фоне неба снежинки казались черными. Снег шел быстрее и быстрее, задул веер, снежинки завертелись в хаотическом танце, не зная, в какую сторону кружиться, куда лететь, кому повиноваться. Они постоянно сбивались, пугались, разбегались, но чья-то рука или воля, собирая их в пригоршню, с невероятной силой швыряла на оконные стекла и кирпичные стены. Их наказывали. Казалось бы, рождение нового дня должно быть мирным и тихим, и этот предновогодний день должен быть счастливым для людей. Но, нет, этот день был рожден палачом. Аркадий уже знал, что он отнимет и убьет его невесту.

В него вселился страх, он чувствовал его. Бывают два вида страха. Один – когда страшно, но, в то же время, чувствуешь, что как бы страшно ни было, есть просвет, лазейка, твоя интуиция подсказывает и подбадривает, качает адреналин в кровь, дает тебе силы и мужество, а, главное, веру. Знаешь, что будет ужасно трудно, отдашь половину себя, но выйдешь из ада, будешь жить, может, спасешь других. В таких случаях страх делает тебя великаном, героем. А бывает другой страх. Тогда тоже страшно, но ничего в тебе не шевелится. Все замерло или уже умерло. Заранее понимаешь, что проиграл. Необратимо. Непоправимо. Иногда цветы умирают в кадках непонятно от чего. Все есть, и свет, и вода. А цветок не может подняться. Какая-то необъяснимая, бесповоротная обреченность. Такой страх – последнее твое чувство в этом мире, он уже проглотил тебя, свернись клубочком в его брюхе, отрекись от себя, каким ты себя знал и ... прощай!

Через полчаса приехала скорая, уже другая бригада, и отвезла Таню в больницу.

Аркадий ждал в коридоре. Скоро вышел доктор. Сел рядом с ним на белую деревянную скамью, придвинутую к стене гулкого больничного коридора. Закурил, затащился несколько раз, потом заговорил вполголоса:

- Воспаление легких, только легких почти что нет. Их туберкулез съел почти вчистую. Что ж не лечили?

- Туберкулез? – опешил Аркадий.

- Вы что, не знали? Вы ей кем приходитесь?

- Муж. Нет, не муж, жених. Люблю ее.

- Давно ее знаете? – поинтересовался доктор.

- С полгода. Мы не жили, мы встречались.

- Тогда могли и не знать, - видно было, что доктору стало легче от объяснения

Аркадия. – Туберкулезники умеют скрывать свою болезнь. Но ее родители, они-то знали? Она, должно быть, болеет с отрочества. Последний год невозможно же было не заметить пятен крови.

- Она с матерью жила. Отец бросил их. Мне кажется, с матерью они не ладят.

- Ну, что вы говорите, не ладят?! Если дочь так больна, любая мать забывает про ладят-не-ладят. Тут спасти своего ребенка надо, а не о раздорах думать.

- Если б знала, наверное, лечила бы.

До Аркадия стало медленно доходить то, что сказал ему доктор. До сих пор, он как-то не до конца понимал весь ужас тех черных слов, что сказал ему доктор. Посидев немного в ступоре неслыханного отчаяния, он заговорил зло и нетерпеливо.

- Доктор, я не знаю ее матери. Поверьте, мне безразличны ее поведение и ее мотивы. Вы правы, по сути, она убила свою дочь. Не об этом речь сейчас. Сейчас надо спасать. Скажите, как?

- Как? – доктор докурив сигарету.

Он чувствовал себя страшно уставшим. Ему надоели эти всегдашние потуги родственников и близких вырвать из него заветные слова спасения. Как будто он знает, как спасти человека и кокетничает с убитыми горем людьми, не говорит.

- Вырезать легкие и вшить новые, - тихо сказал он. – Только я не Господь бог. Мы такого не делаем. Вы не молоды уже. Но разрешите вам сказать: она умрет, для вас будет потеря. Вы говорите, что любите ее. Потерю вы переживете. Жизнь продолжится для вас. Мы все переживаем потерю близких. Кто-то будет плакать, когда умрем мы. У нас тут каждый день умирают. Знаете, у меня вместо души черная дыра, куда я складываю все смерти. И ничего, жив.

- Доктор, ну что-то, ведь можно же хоть что-то сделать! Только не говорите «нет»! Деньги? Деньги есть! Только одну надежду, зацепку, только начать, потом будет чудо!

- Чуда не будет, – доктор встал со скамьи. – Я не хочу брать ваши деньги и обманывать вас. Если хотите, заберите ее домой, я распоряжусь. Пусть умрет дома. Мы ввели ей лекарства, я дам вам с собой, так что она будет в сознании. Разговаривайте с ней. Обещайте ей все, что хотите. Ведь совсем девчонка еще! Господи, что же ты с нами делаешь?!

Аркадий отошел к окну и уставился сквозь грязные стекла на гадость больничного двора. Там было мрачно, холодно, безрадостно и безнадежно. Все было гадко на этом маленьком пространстве земли – и раздолбанный асфальт, покрытый жидким снегом, и обшарпанные стены зданий напротив, и забрызганные дорожной грязью машины скорой помощи, и санитары, толкающие замызганную, ржавую тележку, с дымящимися неизвестным варевом кастрюлями. Этот двор напоминал не больницу и не тюрьму, а некое неземное место, юдоль плача, где собираются души усопших перед тем, как отлететь в пустое, серое, стывшее небо. Ему казалось, что он видит там обнаженные души. Этот больничный двор был перевалочным пунктом, холодным залом ожидания, где сорок дней и ночей толкуются души тех, кто не смог осилить болезней и теперь ждет отправки туда, в вечное небытие. Аркадий не верил в рай. Он верил в Бога, но не знал, как тот обходится с людскими душами. Вспомнил Стендаля, который сказал: «Извинить бога может только то, что он не существует», и сам подумал: «Говорят, что божий мир прекрасен, так что же, Земля не божий мир? В кого же тогда мы верим? Или Бога нет, или Земля не является частью его бесконечного, всеобъемлющего и прекрасного мира».

Толстой как-то писал в своих дневниках, что когда человек умирает, сознание отделяется от него, и, как созревшее, отпавшее семя, ищет за что зацепиться, к чему прижаться, к какой нужной ему почве, чтобы снова начать жить. Если зерно ищет почву, чтобы продолжить жизнь, думал Аркадий, значит, оно знает, что, засыхая и отпадая, оно не умирает совсем, а что через некоторое время, взойдет ростком. Но Татьяну, Татьяну, даже и зернышком назвать нельзя, не созрела она, ее душа только оформляться стала. Она была едва зазеленевшим ростком, не распустилась еще в цветок, не налилась плодом, не отпадет и созревшим семенем. Росток упадет в землю, там и сгниет, не проклюнувшись по весне в другом месте новой жизнью. «Обмакнулась только душа в плоть». Аркадий понял, что проиграл и заплакал.

Надо было возвращаться в палату к Тане, улыбнуться ей, не выдав своего горя. Надо суметь не испугать ее своими глазами, надо лицедействовать – страдать и каяться он будет

потом. Надо возвращаться к бесконечно любимому худенькому тельцу под дранными больничными одеялами, к безумно любимому живому трупу. Она ждет. Вместо счастья получилось злосчастье. Для кого больше – для нее или для него? У нее отберут жизнь, у него – посланную Богом женщину.

Аркадий вошел в палату, глаза его смутились. Танина голова лежала на плоской подушке, ее тело было накрыто коричневым одеялом. Она улыбалась.

- Доктор сказал, что ты меня заберешь домой. Что мне лучше выздоравливать дома, здесь мне делать нечего. Я так рада! Новый год все вместе встретим.

- Да, любимая, - Аркадий присел на край больничной койки, - поедем домой прямо сейчас. Мама ждет и наша новогодняя елка.

Он закутал Таню как мог, вызвал такси и скоро они были дома. Елена Федоровна плакала, но теперь, не подавая вида, держалась. Она знала, что в ее доме, через несколько дней, умрет женщина, которая не заслуживает смерти и которую полюбил ее единственный сын. Она также знала, что после смерти, житья не будет, что ее сын будет долго сходить с ума, и что с ним станет потом, зачахнет он или рехнется, неизвестно. За глазами она удерживала слезы, в своей душе – великое горе. Она теряла сразу двоих, оплакивала злосчастные жизни обоих. С этой ночи в ее доме поселилась смерть.

Таню положили на новую кровать, привезенную утром, пока Аркадий был в больнице. Она попросила принести ей золотого ангела и поставить рядом с подушкой. Появилась необходимость в движении, в суете, которая хоть на недолго отвлечет, смажет горе, заполнит ту бездонную паузу перед потерей, когда все ясно, но все равно надо говорить и делать, поэтому решили перекусить, пусть даже и через силу, устроившись семейным кругом вокруг Тани. Сначала покормили ее, потом запихивали в себя не лезущие в горло куски и говорили слова, которые не выговаривались. Хотелось или уйти из дому, или напиться до беспамьятства. Но через силу разговаривали, улыбались, делали планы, обсуждали новогоднее меню и целую неделю выходных дней.

Наконец, Елена Федоровна попросила Аркадия помочь ей вынести поднос с тарелками на кухню, там она сжала ему локоть и горячо зашептала:

- Если делать вид, что не замечаешь смерти, она обижается и уходит. Ищет работу полегче.

- Ма, ты же все знаешь! – Аркадий стиснул зубы, чтобы сдержать подступающий гнев. – Смерть сглодала ее, уже сделала свою работу. Что ты говоришь?! Не мучай меня.

Возвратясь в комнату, он сел у изголовья кровати. Таня спала. Из полуоткрытого рта вырывался слабый свист, она дышала часто и с трудом. Ее лоб был сухой и горячий. Температура снова поднялась. Аркадий закрыл глаза, чтобы не ослепнуть от горя, не было ни мыслей, ни сил. Время остановилось. «Надо позвать ее мать», - пронеслось у него в голове. Тоска, словно мячик пинг-понга, билась о голые стенки его души. Он думал, что станет с ним после ее смерти.

Он извоет душу. Потом, если разум не вывихнется, натянет снова свое прозвище, словно маску на свое горе. Он останется «Питерским Чудовищем», что ж, значит не судьба ему очиститься. Ему был послан ангел, потом раздался хохот дьявола, а Бог, как всегда, устранился. Восхождения из ада не состоялось.

Впрочем, что жалеть о былом с летами...
Лишь о тех незаметных днях,
Что в года до тебя сплетались
И что будут потом без тебя...

Чтобы не сойти с ума, Стасов стал думать о другой смерти, свидетелем которой не был.

Вскоре после знаменитого пира, организованного в честь Екатерины, Потемкин покинул Санкт-Петербург. Это было 24 июля 1791-го года. Он возвращался в Южные провинции, в Яссы, где стояла русская армия и где велись мирные переговоры с турками. По дороге его мучили боли, он велел гнать лошадей.

По пути на юг, Потемкин несколько раз писал Екатерине. Его послания были полны сжимающей горло тоски, он чего-то боялся, постоянно упоминал о приближении смерти. Когда его самочувствие улучшалось, он приободрялся, страхи его отступали, но однажды произошло нечто, что повергло его в неопикуемый ужас. Случившееся он расценил как знак, поданный ему свыше. Проезжая через Харьков, Потемкин узнал о том, что брат жены царевича Павла, князь Карл Александр Вюртембергский скончался. Григорий Александрович всегда симпатизировал князю, некогда служившему под его началом, и был искренне опечален случившимся. Светлейший, хоть и чувствовал себя плохо, решился, все же, ехать на похороны. Отстояв зауспокойный молебен, он вышел и, на ступеньках церкви, стал поджидать свою карету. Как это часто с ним бывало, он погрузился в свои мысли. Что-то подъехало и, не рассмотрев толком что это было, он стал спускаться по ступенькам и уже хотел было залезть в то, что подъехало, когда с ужасом увидел, что это была не его карета, а большой крытый катафалк, подъехавший за телом. Потемкин был человеком суеверным и этот эпизод привиделся ему страшным предзнаменованием. Сомнений быть не могло – ему сообщали о том, что его конец близок.

Болезнь, которая была, очевидно, осложнением после малярии, подхваченной им в Крыму в 1783-ем году, быстро прогрессировала. Жаркий климат юга усугублял его хворобу. Кроме того, не слушаясь врачей, Григорий Александрович, казалось, намеренно вредил себе.

Когда боли становились невыносимыми, Григорий Александрович приказывал заворачивать себя в холодные простыни, протирать себе все тело и лицо одеколоном и так, в неподвижном состоянии, оставался часами на диване. Страдая физически, он, тем не менее, продолжал работать. Безбородко, сначала смышленный личный секретарь Екатерины, а затем выдающийся государственный деятель, постоянно советовался с Потемкиным по тому или иному вопросу международной политики, присылая из Санкт-Петербурга депеши и письма. А была еще армия, были мирные переговоры с Турцией. «Мои силы убывают, слишком много дел. Я не жалею себя ... устал, как собака», - писал он.

Ему казалось, что в Яссах он задыхается, ему мечталось о переезде в Николаев. Часто его посещали мысли об уходе в монастырь, он говорил, что монастырское уединение исцелило бы его. Ему казалось, что вдалеке от мирской суеты, избавленный от обязательств, от бремени власти, наедине с Богом – там, за святыми стенами, он обретет избавление от недуга. Бог поможет. Вдруг что-то на него нашло – он потребовал бумаги и чернил, после чего заперся. Писал он дни и ночи напролет, кто-то давал ему силы до тех пор, пока из-под его пера не вышли десять религиозных песен или «Канонов к Спасителю», напоминавшие по форме и содержанию псалмы. На самом деле, это были молитвы, в которых он, выплескивая свою боль и страх, смиренно восхвалял Создателя и говорил о своей глубочайшей вере.

Тем временем, доктора, наконец, решили, что Григорий Александрович страдает от желчи. Приступы следовали один за другим. В минуты облегчения, Потемкин каждый раз спрашивал, нет ли письма от Екатерины и, если письмо приходило, читая его, он каждый раз плакал. Перечитывая каждое ее послание, он целовал листы, на которых оно было написано.

В Григории Александровиче исподволь стали происходить перемены – как будто какая-то могучая неведомая сила очищала его душу. Самые скверные черты и качества стали исчезать, стираться с ярчайшего полотна его характера. Этот страстный, себялюбивый, позволявший себе возвышаться над всеми и вся, упрямый властитель державы и властелин самодержицы, постепенно превращался в умиротворенного, покорного и одухотворенного человека. Исчезли и те непредсказуемые приступы хандры, что когда-то столько крови попортили Екатерине. Бог дал Потемкину прожить необыкновенную жизнь, он выделил его из толпы, он сделал его героем, но все это осталось в прошлом, а сейчас душа обнажилась от бывшего и в ней отразился сам Бог. «Русский Колосс», как называл его князь де Линь, молил всех, кто окружал его, простить, если невзначай обидел их. Ему хотелось щедро одарить всех – пусть только скажут, кто чего желает. Но все желали только одного: его скорейшего выздоровления.

Наконец, он настоял на том, чтоб покинуть Яссы и отправиться в Николаев, город, который он заложил последним, и который любил больше остальных. «Яссы – мой гроб» - повторял он. Перед отъездом Попов, под диктовку Светлейшего, успел черкнуть несколько слов Екатерине: «Нет сил более переносить мои мучения: одно спасение остается – оставить сей город, и я велел себя везти к Николаеву. Не знаю, что будет со мною...». Когда письмо было написано, Потемкин приписал своею рукою внизу: «...Для спасения уезжаю...».

4 октября процессия двинулась в путь. В семь утра его отнесли в кресле в карету, после чего расселись по каретам и остальные: Бауэр, доверенное лицо Светлейшего князя, побывавший по его поручениям во всех уголках мира; купец Фалеев, бывший незаменимым снабженцем, поставлявшим строительные материалы для городов и укреплений в Южных провинциях, а также все необходимое для русской армии во время боевых действий против турок; Сашенька, графиня Браницкая; князь Голицын; доктора, священники и другие. Верхов процессию сопровождал казацкий атаман Головатый со своими казаками. И, конечно, Попов.

До первой остановки – Пунчешты, что в тридцати верстах от Ясс, добрались благополучно. Как только забрезжил рассвет, Потемкин настоял на том, чтобы продолжать путь, но, проехав совсем немного, потребовал карету остановить. «Хватит, - сказал он. – Нету смысла двигаться дальше. Вынесите меня из кареты и положите на траву. Хочу умереть в поле». На траве расстелили ковер и Потемкина перенесли на приготовленную ложе. Один из казаков первым заметил, что Григорий Александрович кончается. Что стало последним для Потемкина? Теплый запах земли и прелой, буро-зеленой осенней травы? Или свежий запах утреннего воздуха, полного ароматов бескрайнего поля? Или то, что он увидел? Бесконечный, ничем не загороженный свод голубого неба, куда через мгновение, выпроставшись из большого, изъеденного недугами тела, устремится его душа. Видел ли он этот свод, приготовленный для него? И чем светился его единственный зрячий глаз – страхом или радостью? Вспомнил ли он свою жизнь и если да, что именно ему вспомнилось? Как говорил сам Григорий Александрович, все его страстные желания были удовлетворены. Его время пришло. Светлейший испустил дух.

Говорят, что Питер Пауль Рубенс, завершив портрет Генриха IV во всем сиянии его славы, сказал ему: «Вы – любимец богов, которому они немало досаждают». Григорий Александрович Потемкин был тоже любимцем богов – они, много дав ему, много доверив, много и спросили с него. Надо отдать ему должное: он их ни разу не подвел.

Стали искать золотую монету, чтобы положить ее на глаз. Золотой не нашлось, тот же казак предложил медный пятак. Великий Потемкин скончался в хороший день – в воскресенье, 5 октября 1791-го года.

Медленно процессия возвращалась в Яссы. Попов послал Екатерине коротенькую записку: «Судьба свершилась. Его Светлейшего сиятельства, князя, больше нет на этой земле».

После смерти Светлейшего, его гроб был варварски взломан, с мундира, в который было облачено тело усопшего, были сорваны все ордена и золотые эполеты. Само его тело переносили с места на место, не зная, где приткнуться, боясь даже его могилы. Официальным местом захоронения Потемкина считается центральный собор в Херсоне, на самом же деле, никто не знает, где покоится его прах.

На том месте, где Потемкин умер, недалеко от деревни Пунчешты, казацкий атаман Головатый оставил пикет из трех казаков, дабы стерегли место, чтобы не забылось оно, чтобы знать точно, где памятник ставить. Забыли и место, и казаков. В 1829-ом году, из троих в живых остался только один, рассказавший, что сначала Александра Браницкая, племянница Светлейшего, содержала этот пикет, а когда она умерла, деньги перестали поступать. Памятника Потемкину на месте его смерти так никто и не поставил.

Аркадий вспомнил смерть своего героя только для того, чтобы пожалеть о том, что в то октябрьское воскресное утро умер не он сам. Ему досталась доля Екатерины – горевать и плакать. Когда он перестанет горевать, его душа станет бесплодной. Придет его час и умирать ему будет легко. Он перестанет дышать, переваривать пищу и перегонять кровь, отомрет только его ненужное и надоевшее тело, души же в этом теле не будет. Бог не получит из его тела отлетевшую голубку. Всего лишь человек, раб божий, он все же знает, как отомстить Богу за боль, за потерю, за свою любовь. Говорят, что любовь от Бога, но человек-то научился любить вопреки Богу, преступив божий запрет в раю. С тех пор, люди продолжали любить, а церковь, чтобы хоть как-то участвовать во всеобщих, всечеловеческих процессах, придумала легенду про Христову любовь. Легенду придумали, а на голову себе натянуть ее не могут. Люди хотят любить и быть любимыми, но на Земле у них эту любовь отбирают.

Таня умерла 7-го января, в день православного Рождества. В этот день каждый год без исключения, вот уже более двух тысяч лет, в воображении верующих рождается сказочный Христос, и в этот же день умерла голубка-Таня.

В то утро, она чувствовала себя почти хорошо. Температура спала, она сидела в кровати с просветленным лицом и любовь струилась из ее карих глаз. Ей казалось, что болезнь побеждена, ее сердце изнывало от любви к жизни и к мужчине. Она подбодрилась, стала громко рассказывать, как проживет свою долгую жизнь, как выносит и родит много детей. Это мнимое выздоровление, предсмертная эйфория или, лучше сказать, гимн жизни, изливавшийся из ее души, был на самом деле ее недолгим прощанием с жизнью. Очень скоро она устала, потом взгляд ее потух, какое-то время продолжался предсмертно-бредовый лепет, а потом она угасла.

Перед смертью, на несколько мгновений, ей было разрешено поверить в жизнь. Да и как не поверить? Кто бы не поверил? Даже прожившие свой век старики, предсмертное просветление принимают за продление срока на Земле. А ее-то, совсем девчонку, обмануть было не сложно. Она не знала радостей и предательств любви, не догадывалась и о жестоких издевках смерти. Попав в этот мир, она оставалась невинной душой, заколдованной бедностью и безрадостным бытием. Люди веруют, что если человек

родится красивым, жизнь его будет радостной и счастливой, потому как красота – это благодать небесная. Татьяна красавицей не была. В то утро она поверила, что болезнь отступила, купившись на обманку стоявшей совсем рядом смерти. Аркадий смотрел на нее с жалостью и ужасом, он плакал и глотал готовый вырваться вопль: «Не верь! И не говори мне про детей!» Татьяна же думала, что он плачет от счастья, и продолжала тоненьким, срывающимся от счастья, голоском:

- Ну, будет, не плачь, - ворковала она. - Еще столько раз заболеем и выздоровеем, если каждый раз мы с тобой плакать будем, что с нами станет? А дети пойдут, болеть начнут, там уж не до плача будет, только поспевай выхаживай.

Через несколько часов ее не стало. Смерть унесла молодую невинную женщину, почти девочку. Притронувшись к любви, она хотела любить своего Папу Карло. Татьяна Абрикосова потянулась к любви, интуитивно поверив в огромное, сложное, одновременно радостное и трагическое, непостижимое чувство, которое требует от человека напора и пронзительности, пыла и терпения и, которое, развиваясь, завершается полным слиянием и обладанием. Для Татьяны знакомство с любовью было оборвано в самом начале, ей не позволено было испытать ни чувственного восторга, ни минут сладостного забвения, ни умиротворенного покоя рядом с любимым. Ее забрали, призвали, укоротив ее срок на земле. Вероятно, Ему понадобилась ее душа.

Если бы ее спросили, что такое душа, чем она полнится и как страдает, она не нашлась бы, что ответить. Абрикосова не думала о душе, потому что ее страдания от отсутствия любви и по поводу неудовлетворенности собственной жизнью, еще не успели развиться в душевные муки. Она не стремилась ни к познанию философий, ни к сведению счетов с Богом, ни к тому, чтобы подняться над ним, потому что не обладала талантами, получаемыми в дар от него же. Впрочем, она была из числа тех редких, простых, немногословных и даже не очень развитых людей, которые умеют пропускать через себя свет. Рядом с такими человеческими особями, если повезет встретить их на жизненном пути, возможно обрести две вещи: спокойствие и спасение. Рядом с ними мгновенно становится ясным, что есть суета, а что есть суть.

Смерть Татьяны, вопреки ожиданиям Аркадия, который когда-то думал, что, обладая даром обольщения, можно обрести власть над людьми – во всяком случае, над женской половиной человечества – очистила его душу и его мужское сердце от желания властвовать, как и от всех тяжких грехов вообще. Да и что за грехи были? Он любил и бросал упоительных женщин. Самые красивые женщины Петербурга, зная его мужскую силу, прозвали его «Питерским Чудовищем». Ах, как сладко иногда, поддразнивая, назвать своего любовника чудовищем, дивясь его силе, злясь на его коварство, упиваясь сладкой памятью о том, что однажды он снизошел до тебя! Однако пришло время, на плечо ему опустилась белая голубка, он встретил и полюбил ничем не примечательную Таню, которую не смог бросить. Лишь с ней он мог бы стать тем, кем ему надлежало быть. Поразмыслив, он захотел назвать ее своею женой. Получилось так, что, не желая того, она оказалась первой женщиной, что бросила его, исчезнув из его жизни навсегда. Она превратилась в ангела, а он из «Чудовища» превратился в человека. Полный беспредельной скорби, познав муки души, он понял, что был не просто наказан, он был проклят.

В последовавшие за смертью Татьяны месяцы и годы, его душа очистилась до прозрачности, став похожей на крыло засушенной бабочки. Профессору Стасову были знакомы высокомерие и честолюбие, чувства пустые и лживые. Теперь в нем не осталось даже гордости. Внешне он очень изменился – постарел, совсем поседел, опустился. Прошло еще немного времени и с ним, и в нем произошло еще одно превращение: из человека снова в чудовище – высокое, уродливое, нескладное, неопрятное одинокое существо. Аркадий никогда больше не играл на скрипке и целыми днями просиживал в

«Идиоте», где те, кого он раньше угощал водкой, из жалости подносили ему. Он проживал жизнь, идущую вспять.

Что он будет делать? Как проведет оставшиеся годы? Да так же, как и сейчас – не любя больше женщин, затаив обиду на Бога, ожидая своего конца и отмщения.

КОНЕЦ.